

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

173

КАМЕННЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

173

КАМЕННЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь), Н. Н. ГУРИНА,
А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИЦ, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

СТАТЬИ

Н. Н. ГУРИНА

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МЕЗОЛИТА
И НЕОЛИТА В СССР

Изучение мезолита и неолита в нашей стране за последнее десятилетие дало весьма ощутимые результаты. Некоторые итоги и проблемы изучения неолита были изложены в 1973 г.¹ В истекшие 70-е годы, ознаменовавшиеся заметным расширением полевых изысканий, удалось стереть значительное число белых пятен на мезолитической и неолитической карте СССР, что обусловило возможность решения сложных проблем широкого плана. Продолжалось накопление новых источников и в ранее исследовавшихся регионах. Все чаще стали прибегать к исчерпывающим раскопкам широкими сплошными площадями. В ряде случаев многолетние раскопки велись в микрорайонах, являющихся местами сосредоточения разновременных памятников, что давало большие возможности обособленного выделения культур и установления их генетической преемственности.

Рамки данной статьи позволяют коснуться лишь главнейших направлений в исследованиях этого периода и отослать читателя к достаточно обширной библиографии.

Расширение источниковедческой базы способствовало более углубленному представлению о сущности эпохи в целом и уточнению ее хронологических рамок. Так, в Эстонии выделен более ранний мезолит иного облика, нежели в стоянке Кунда-Пулли, Умбузи и др.² В Латвии раскопаны стоянки с четкой вертикальной стратиграфией (Оса, Звидзиенаскрогс)³ и выделены мезолитические комплексы из материала других стоянок и могильника Звейниекс. В Литве первоклассные мезолитические материалы пополнились новыми коллекциями. Итоги многолетних исследований исчерпывающе изложены как монографически, так и в обобщающей работе по Прибалтике⁵. Благодаря широким полевым работам в Белоруссии открыты и изучены серии памятников, позволившие выявить локальные особенности, хронологическую последовательность и генезис мезолита на этой территории⁶. Проведены значительные работы на востоке Украины, в Поднестровье, Северном Причерноморье (где памятники раскопаны огромными площадями), в Крыму и в Молдавии⁷. В Северном Прикаспии⁸ открыта серия стоянок с весьма оригинальной индустрией, позволяющей включить мезолит в раннюю фазу сероглазовской культуры.

В Волго-Окском междуречье исследование серии мезолитических памятников позволило установить общую картину и выявить локальные варианты мезолита, каждый со своими особенными типами орудий. Открытие и раскопки большими площадями мезолитических стоянок в верховье Волги и прилегающих озерах со специфической кремневой индустрией дали возможность выделить особую валдайскую мезолитическую культуру. Наблюдения над планиграфией находок и применение типологического метода способствовали выделению мезолита в памятниках Костромского Поволжья⁹.

Результативные исследования, проведенные на Северо-Востоке, в Карелии, на Кольском полуострове, в Коми, Камско-Вятском междуречье¹⁰, на Урале, Кавказе, в Западной, Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии¹¹, позволили существенно расширить представления о начале мезолита, что в ряде регионов совпадает с временем первичного заселения людьми этих территорий, а также выявить его культурные особенности. Следует подчеркнуть появление большого количества информации о жилищах этой эпохи.

Исключительно плодотворными 70-е годы оказались для изучения неолита Прибалтики. Полевые работы, которые велись на ряде торфяниковых стоянок, дали ценнейшие материалы, позволяющие в большей мере, чем когда-либо, изучить вопрос о взаимоотношении природной среды и древнего человека. Были получены первоклассные материалы по истории жилищ, хозяйству, обработке янтаря и искусству древних обитателей Прибалтики. Найденные на поселениях предметы, изготовленные из органических материалов, позволили значительно расширить наши представления о быте древних племен. Обширные публикации материалов — яркое свидетельство интенсивной работы археологов¹².

В центре внимания исследователей был ранний неолит — углубление понятия «нарвская культура», уточнение границы ее распространения, хронологии и выделение различных вариантов. Важным достижением разработок этого периода явилось выделение новой неолитической неманской культуры, распространенной в Восточной Литве и Западной Белоруссии. Удалось расчленить эту культуру на три различных последовательных периода и определить ее хронологические рамки. Выделилась и пограничная зона контакта, где наблюдается соединение элементов обеих названных культур — нарвской и неманской. Такой областью в большей мере оказалась Восточная Литва, где за эти годы впервые удалось обнаружить стоянки и погребения, а также Калининградская область.

Очень результативные исследования поселений культуры шнуровой керамики впервые дают развернутое и четкое обоснование наличия в Восточной Прибалтике этой культуры с ярко выраженными местными особенностями. Широко исследовались памятники позднего неолита и ранней бронзы. Благодаря обилию и достоверности материала удалось приблизиться к решению проблемы этногенеза балтов — выяснению доли участия в нем древнего населения данной территории. Результаты исследований отражены в обобщающих работах, монографиях, периодических изданиях и ряде сборников.

Бесспорны достижения и белорусских исследователей неолита¹³. Интенсивными полевыми изысканиями была охвачена значительная часть республики, стерты многие белые пятна на ее карте. Помимо накопления нового материала, необходимого для широких обобщений, велась его систематизация. Как указывалось, была выделена неманская культура, распространенная в западной части Белоруссии, установлено два ее варианта — неманский (в северо-западной части Белоруссии) и припятский — в юго-восточной. Крайние юго-восточные памятники этого региона (на границе с Украиной) выделены в особый вариант днепро-донецкой культуры. Существенны также развернувшиеся плодотворные работы в Восточной БССР — на Кривинских торфяниках, в Подвинье и Посожье. Решались вопросы о финальном неолите и его взаимоотношении с последующими культурами.

В этот же период впервые в СССР произведено широкое исследование кремнедобывающих шахт — уникальных памятников. Богатый, хорошо датированный методом C₁₄ материал позволяет решить ряд важных вопросов историко-культурного плана¹⁴.

Необходимо отметить исследования в области, примыкающей с севера к Белоруссии, — бассейне Невельских озер. Раскопки торфяниковых стоянок Усвяты с хорошо сохранившейся органикой дали богатый материал для выяснения природной среды и хозяйственной деятельности древнего населения в эпоху неолита — ранней бронзы¹⁵.

В современной Калининградской области тщательные полевые исследования и критическая оценка добытых ранее материалов впервые позволили надежно установить периодизацию, датировку, культурную атрибуцию мезолитических и неолитических памятников и их взаимоотношение с памятниками Прибалтики. Исследование важного опорного поселения Цедмар дало бесспорное доказательство необходимости изменения ранее существовавших представлений о датировке этого памятника и форме хозяйства оставившего его населения¹⁶.

В Украинской ССР в последнее десятилетие заметно возрос интерес к мезолитическим и энеолитическим памятникам, в то время как памятники эпохи неолита привлекали к себе меньшее внимание и не подвергались широкому раскопкам¹⁷. Наиболее заметным событием за последнее время явилась работа, подводящая итог изучению памятников неолита с ямочно-гребенчатой керамикой¹⁸. Систематизация, картографирование всех известных к тому времени памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, подробное изложение стратиграфических ситуаций впервые дают полное представление об источниках. Выделяются три последовательные хронологических этапа и определяется абсолютная хронология. Наиболее дискуссионным остается вопрос о возникновении памятников с ямочно-гребенчатой керамикой, их соотношении с памятниками днепро-донецкой культуры и культурами с ямочно-гребенчатой керамикой лесной зоны. И хотя точка зрения автора монографии на происхождение ямочно-гребенчатой керамики из керамики днепро-донецкой не убеждает в полной мере, оставляя место для дискуссии, указанная работа имеет большое положительное значение.

На территории Молдавии¹⁹ велись исследования буго-днестровской культуры. Раскопки сорокской группы памятников с отчетливой стратиграфией позволили выявить наиболее ранний этап развития буго-днестровской культуры, ее локальные особенности и форму хозяйства.

Заметно оживились работы в Приазовье²⁰ благодаря систематическим исследованиям группы матвеевокурганских поселений. Сочетание оригинального кремневого инвентаря (с мезолитическими традициями) со шлифованными орудиями, примитивной керамикой и признаками начальной фазы скотоводства заставляет относить эти памятники к самому началу неолита.

Продолжалось исследование многослойного поселения Ракушечный Яр с поразительно четкой стратиграфией, позволяющей установить последовательное развитие особой ракушечной культуры.

Заслуживают большого внимания исследования, произведенные в Северном Прикаспии, где удалось выделить новую сероглазовскую неолитическую культуру, генетически связанную с мезолитом²¹.

Очевидны значительные изменения в степени изученности, происшедшие за последнее десятилетие в лесостепной ландшафтной зоне Российской Федерации. Еще совсем недавно это был наименее исследованный регион.

В лесостепном Куйбышевском Поволжье и Среднем Подонье²² произведены широкие полевые исследования. Благодаря проведению систематических экспедиций Воронежского университета на Среднем Дону в настоящее время открыто более сотни неолитических памятников, в том числе стоянка Университетская 3, которая в настоящее время может считаться эталонной для выделенной среднедонской археологической культуры. В свете ее раскопок становится понятным, что неолит рассматриваемой области имеет ряд своеобразных черт и вместе с тем некоторые элементы днепро-донецкой культуры и культур с ямочно-гребенчатой керамикой — свидетельство контакта Севера и Юга.

Основные достижения в изучении Куйбышевского Поволжья связаны с памятниками энеолита. Раскопаны поселения и уникальный могильник у с. Съезжее (левобережье р. Самары), давшие богатые, разнообразные материалы; найдены в том числе предметы искусства (изображения лошади, быков, уточки), позволяющие отнести могильник у с. Съезжее

к той же культуре, к которой относится и Мариупольский могильник. Широким раскопкам подверглось поселение Виловатое с различными керамическими комплексами (в частности, с сосудами), близкими керамике могильника у с. Съезжее. Выявлены истоки энеолита: южные — сероглазовская культура и более северные — приказанская и прибельская культуры. Вместе с тем собственно неолит изучен здесь пока еще недостаточно. В настоящее время, помимо комплексов в поселении Виловатое, открыты ряд местонахождений (Максимовка 1, Елшанка и др.) и Ивановская стоянка, расположенная на границе лесостепи и степи, содержащая богатую пластинчатую кремневую и костяную индустрии²³.

В Казанском Поволжье и бассейне р. Белой изучались памятники энеолита, благодаря чему удалось отнести к этой эпохе поселения с плоскодонной керамикой, украшенной накольчатым орнаментом, и развитой пластинчатой индустрией, которые прежде ошибочно относились к раннему неолиту²⁴.

В Центре европейской части СССР наращивались темпы по исследованию неолитических памятников. Заметным событием здесь следует считать открытие новой раннеэнеолитической верхневолжской культуры²⁵. Содружество с представителями естественных дисциплин позволило всесторонне изучить стоянки с четкой стратиграфией, определить их относительную и абсолютную хронологию и взаимоотношение с льяловской, как оказалось более поздней, культурой. Кремневая индустрия верхневолжской культуры сохраняет многие мезолитические традиции. На основании изучения разнообразной керамики (хотя и имеющей ряд общих черт) удалось выделить несколько локальных вариантов культуры. В связи с открытием верхневолжских памятников (на основе стратиграфии и радиоуглеродного метода) начало неолита в европейском Центре можно отнести к V тысячелетию до н. э.

Параллельно и в связи с изучением верхневолжской культуры велось широкое исследование льяловской культуры в Ярославском Поволжье — первоклассных памятников, содержащих органические остатки и следы жилищ. Наличие культурных слоев, залегающих в четких стратиграфических условиях, дало ценные материалы для решения дискуссионной проблемы о происхождении волосовской культуры. Результативным оказалось изучение вновь открытых стоянок льяловской культуры в Подмоскowie. Вновь полученные данные позволяют уточнить хронологию различных этапов льяловской культуры²⁶.

Раскопки широкими площадями ряда вновь открытых неолитических поселений Валдайской возвышенности сделали возможным расчленение валдайской культуры на три последовательно-хронологических этапа. Как оказалось, ранний неолит сохраняет многие мезолитические традиции и своеобразную керамику, развитой этап генетически связан с предшествующим. Уточнены хронологические и территориальные границы культуры. Огромное количество серийного материала (обусловленное богатством высококачественного кремня) позволяет с большим основанием, чем где-либо, разработать типологию неолитических каменных орудий и установить их последовательное развитие от мезолитических. Работы в указанном регионе велись в тесном контакте с петрографами, изучавшими кремневые месторождения²⁷.

Продолжались систематические исследования неолита Костромского Поволжья²⁸. Раскопки ряда новых поселений позволили отчетливее, чем ранее, понять сущность галичской культуры (финальный этап неолита) и особенности волосовских памятников. Обнаружены человеческие захоронения и остатки жилищ.

Продолжалось изучение рязанской культуры; уточнялись и обосновывались ее территориальные и хронологические границы и последовательные этапы развития. Выявлены памятники раннего этапа этой культуры²⁹.

Помимо поселений, в центральных областях Русской равнины исследовались могильники. Большой интерес вызывает Кончанский могиль-

ник (Новгородская область) на берегу озера Шерегородо, где исследовано 100 погребений, определяемых по красным охристым пятнам (кости не сохранились, в нескольких погребениях найдены лишь зубные коронки). Большинство погребений сопровождалось янтарными украшениями (количество их в погребении от 4 до 200), кремневыми орудиями и фигурками из кремня. Керамика отсутствует. Частично могильник перекрыт поселением несколько более позднего времени. Ориентировочно дата могильника — середина III тысячелетия до н. э.

Пять захоронений, исследованных на мысу Иловец (Калининская область), были в разной степени засыпаны охрой. Сопровождавший инвентарь составляли янтарные украшения (подвески) и кремневые изделия. Исследователь датирует этот памятник концом III—началом II тысячелетия до н. э. В различных местах обнаружено также значительное количество захоронений, относящихся к волосовской культуре³⁰.

На северо-востоке³¹ за истекшее десятилетие значительно расширились полевые исследования в западной части — Восточном Прионежье. На основе новых, хорошо стратифицированных памятников и использования данных естественных наук удалось в большой мере уточнить сущность ранее выделенной каргопольской культуры, ее территориальные и хронологические границы, обосновать выделение особой группы стоянок типа Модлона.

К востоку от указанного региона (Архангельская область, Коми АССР, значительно менее изучены) принципиально новым следует считать выделение ранней стадии неолита со своеобразной керамикой, сопровождающейся геометрическими формами (Эньты I) и наконечниками на пластинах (Черноборская III). На крайнем севере этого региона — Северной Двине, Мезени, Печоре — получены новые материалы, позволяющие, хотя пока еще и не в полной мере, составить представление о памятниках развитого неолита и правомерности объединения их в особую ранее выделенную печерскую культуру. Встречены жилища.

Необходимо отметить также исследования в бассейне р. Вятки и Камско-Вятском междуречье, где впервые удалось обнаружить достаточно яркие неолитические памятники с оригинальным инвентарем и многочисленными остатками жилищ³².

Значительные работы по исследованию неолита произведены в Карелии³³. Полевые изыскания в большой мере расширили источниковедческую базу, позволив углубить существовавшие ранее представления о древней истории этой территории. Особо следует подчеркнуть достигнутые результаты в изучении могильных памятников, остатков жилищ и наскальных изображений. В обобщающих работах решались вопросы хронологии и классификации памятников, возможности выделения их локальных вариантов, формы хозяйственной деятельности и духовной культуры, а также связи с соседними племенами.

В течение рассматриваемого периода велись систематические работы в Заполярной зоне европейской и азиатской частей нашей страны — на Кольском полуострове и на Таймыре³⁴.

Благодаря обнаружению серии стратифицированных, раскопанных широкими площадями памятников на Кольском полуострове удалось выявить специфику индустрии и оригинальности керамики, частично плоскодонной. Исходя из самобытности материала, выделили особую, кольскую неолитическую культуру, ранний этап которой содержит элементы культур сперрингс и сярзניים I. На основании высотных данных и C₁₄ ранний неолит датируется началом IV тысячелетия до н. э. Материалы финального неолита позволяют проследить зарождение морского промысла и генезис эпохи раннего металла.

Исследованиями на п-ове Таймыр обнаружена серия небольших неолитических стоянок со своеобразным инвентарем, изготовленным из кремнистого сланца и халцедона, оригинальными украшениями — лабретками и керамикой. Ранний бескерамический неолит датируется самым концом V тысячелетия до н. э. (4070 лет до н. э.), развитой —

III тысячелетием до н. э. Предполагается, что первичное заселение и последующее проникновение людей на Таймыр происходили с востока.

В течение рассматриваемого периода в Закавказье были проведены важные исследования наиболее слабо изученной эпохи — неолитической³⁵. Работы велись в западной части. На основании полученного обширного материала стало возможным ставить и решать сложные вопросы древней истории этой области: генезис неолитических и энеолитических культур, выяснение путей перехода от присваивающего хозяйства к производящему — земледелию.

Основными объектами исследования явились комплексы таких памятников, как Анасеули I и II, Одиши, Кистрик, Нижняя Шиловка, Кобулет, Хапубани, Гурианта и др. Как выяснилось, изученные памятники являются открытыми стоянками и поселениями, расположенными на естественных холмах и террасах, связанных с рекой или озером. Следов жилищ не обнаружено. Удалось выделить ранний и поздний этапы неолита, его варианты, генезис и особенности этой культуры в Западном Закавказье, а также место в системе других культур. Оригинальному ранненеолитическому, бескерамическому этапу (наиболее выразительный комплекс Анасеули I) присущи мезолитические традиции. Вместе с тем наблюдаются новые черты по сравнению с эпипалеолитом — шлифованные крупные рубящие орудия и др., керамика и основные геометрические формы отсутствуют, большинство орудий изготовлено из пластин.

Поздненеолитические памятники (Анасеули II, Одиши, Кистрик и др.) характеризуются присутствием новых геометрических форм (высокие трапеции, прямоугольники со струганой спинкой, низкие трапеции с тремя обработанными краями, сегменты), применением новых технических приемов в обработке орудий (стелющаяся ретушь, шлифование). Керамика плоскодонная со слабо выраженным поддоном. Наиболее поздняя дата существования неолита определяется VI тысячелетием до н. э. Проявляется известная связь с Крымом. Устанавливается преемственность от местного мезолита (микролитоидность индустрии) и древнейших культур Передней Азии (плоскодонная керамика). В раннем неолите отсутствуют признаки производящего хозяйства, доминируют охота и собирательство, в развитом неолите появляются оседлоземледельческие культуры, развивающиеся в позднем неолите при сохранении известной роли охоты и собирательства. Свидетельство знакомства населения со скотоводством отсутствует.

На Урале основные исследования велись в области мезолита и энеолита, собственно неолиту за последнее десятилетие уделялось гораздо меньше внимания. Показательно, что в трех выпусках ВАУ (№ 12—14), вышедших в 70-х годах (1973, 1975, 1977), имеется лишь одна статья по неолиту, посвященная частному вопросу. Кратко опубликованы материалы нескольких неолитических памятников Южного Урала. И лишь в самое последнее время обратили внимание на неолит Среднего Зауралья, где выделена восточноуральская культура, подразделенная на три хронологических этапа³⁶.

В Среднем и Южном Зауралье и отчасти в Западной Сибири выявлено большое количество энеолитических раннебронзовых культур (андреевская, шапкульская, кысыкульская, боборыкинская и др.). Многие поселения раскопаны широкими площадями (на Андреевском озере, на р. Исети, на озерах Южного Урала). В ряде случаев обнаружены жилища, позволяющие уверенно связывать в единый комплекс микроинвентарь и округлодонную, а также плоскодонную керамику, украшенную накольчатым и гребенчатым орнаментом³⁷.

Плодотворные исследования энеолитических памятников произведены и в Карелии³⁸. Первоклассные материалы позволили выявить специфику этого периода на Севере и установить его последовательное развитие на протяжении двух хронологических этапов. Существенным следует считать и изучение жилищ энеолита.

В истекшее десятилетие весьма ощутимые результаты дало исследование Урала, Сибири и Дальнего Востока. В обобщающих монографиях, диссертационных работах, тематических сборниках содержится многочисленный новый материал, позволяющий авторам в ряде случаев ставить и решать сложные проблемы древней истории этого огромного региона. Вместе с тем здесь остается еще немало областей, вовсе не исследованных археологами.

Пожалуй, главным достижением в исследовании Сибири следует считать открытие целого ряда хорошо стратифицированных многослойных поселений³⁹ и выделение археологических культур, позволяющих с различной степенью достоверности решать вопросы древнего этногенеза⁴⁰.

Так, в лесостепном Приобье уточнены хронологические этапы и границы распространения верхнеобской неолитической культуры, раскрывается ее генезис — сложение на местной основе при участии кельтеминарской культуры⁴¹.

Несомненно существенным следует считать произведенные исследования и публикацию могильных памятников эпохи неолита и раннебронзового века, раскопанных в 30—50-х годах в Прибайкалье. Автор монографий отстаивает точку зрения, высказанную ранее, о наличии здесь четырех этапов развития неолитической культуры (исаковского, серовского, китойского и глазковского). По этому вопросу некоторые авторы высказывают и иную точку зрения⁴². Анализ материалов Верхоленского могильника позволяет автору наряду с ангарской выделить верхоленскую группу неолитических памятников, установив, таким образом, наличие в байкальской неолитической культуре двух ее вариантов — ангарского и верхоленского.

В целом для Восточной Сибири за последние десять лет характерно накопление большого фактического материала — раскопки многослойных памятников с достоверными комплексами от финального мезолита до энеолита включительно. Существенно, что для ряда поселений получены датировки C_{14} , произведены палинологические и геологические исследования⁴³.

В результате широких археологических изысканий с учетом богатых материалов предшествующего десятилетия удалось установить эволюцию древних культур Якутии, начиная от ранних этапов верхнего палеолита до позднего неолита включительно⁴⁴. Основываясь на многочисленном фактическом материале, безукоризненной стратиграфии и датировке методом C_{14} , выделили ряд последовательно хронологических культур: сылахскую, белькачинскую и культуру ымыяхтахскую, относящуюся к заключительному этапу каменного века Якутии. Исследование археологических памятников в бассейне р. Олекмы показало, что неолитические культуры этой территории имели близкое сходство с культурами Якутии. Обобщен материал по неолиту Бурятии и Забайкалья. На основе стратифицированных памятников выделены новые хронологические этапы⁴⁵.

Продолжалось наращивание темпов в изучении древней истории Дальнего Востока и Приморья. Раскопки неолитических памятников в Приморье позволили уточнить периодизацию, границы и хронологические рамки культур, выделенных ранее: новопетровской, громотухинской, осинозерской и нижнеамурской⁴⁶.

Археологические работы проводились на Сахалине⁴⁷. Исследование Сусуйской стоянки, известной в науке с 80-х годов прошлого века, показало, что при построении хронологической схемы развития охотской культуры эта стоянка может служить эталонным памятником.

В результате обобщения материала, полученного в процессе полевых исследований, в Приморье выделены и охарактеризованы древнекерекская и раннеэнеолитическая культура «Буссе», а также две группы памятников развитого неолита⁴⁸.

Интенсивные исследования велись в Средней Азии. Обширные полевые изыскания, содержащие богатую информацию, позволили поставить и в ряде случаев решить сложные проблемы многообразия хозяйства, об-

щественных отношений, идеологических представлений и этнической истории древних племен, населявших эту территорию. В особенности заметны успехи в изучении раннеземледельческих культур: становление и закономерности возникновения и развития производящего хозяйства — земледелия и скотоводства⁴⁹.

Всестороннее изучение орудий, в том числе применение трасологического метода, показало, что на территории Средней Азии в период неолита выделяются две группы неолитических культур — культура земледельцев и скотоводов и культура охотников, рыболовов и собирателей. В истекшем десятилетии в широком масштабе продолжалось изучение памятников оседлоземледельческой джейтунской культуры, продолжительность которой, по подсчетам исследователей, 1000 лет. Удалось выделить в ней три различных хронологических этапа и выявить ее местные и ближневосточные компоненты. Результаты этих исследований отражены в монографии и статьях⁵⁰.

Параллельно этому шло изучение памятников скотоводческо-охотничье-собирательской гиссарской культуры — Туткаул, Сай-Сайед, навес Ак-Тынга, Куй-Бульен и др.⁵¹ В ней выделены два хронологических периода. Установлено, что гиссарская культура существовала не менее 3 тыс. лет — конец VII—IV тысячелетие до н. э.

Культура развитых охотников, рыболовов и собирателей представлена памятниками Восточного Прикаспия, Нижнего Узоя, Центральной Ферганы и Лявлякана. Кельтеминарская культурная общность с эпицентром в Приаралье в отличие от других имеет стратифицированные памятники — такие, как Джанбаскала 4, Кават, 7, Дарбазакыр I и II. Протяженность ее свыше 3 тыс. лет — V—III тысячелетие до н. э.; удалось выделить три хронологических периода⁵².

Изучался также неолит Кызылкумов (комплекс стоянок у с. Лявлякан, среди которых намечаются три этапа развития).

Исследовались древние горные выработки и мастерские по первичному расщеплению кремня⁵³.

В прошедшем десятилетии привлекали к себе внимание и вопросы искусства, в особенности монументальная живопись — наскальные изображения, как ранее известные, так и открытые вновь⁵⁴. В большинстве случаев исследования касались лесной зоны (Карелия, Урал, Сибирь и Дальний Восток), Заполярной зоны (Чукотка, Карельский полуостров), а также более широкого региона. Предметом исследования являлась скульптура Урала и Западной Сибири, Прибалтики. Большой и интересный материал по первобытному искусству в виде отдельных статей опубликован в самых различных изданиях, в том числе специальных.

Как можно видеть из предельно краткого перечня вопросов изучения мезолита и неолита СССР, за истекшее десятилетие заметно увеличился хронологический диапазон (за счет мезолита и энеолита) и расширились территориальные рамки. Большое внимание уделялось генезису неолита, чему способствовало открытие новых мезолитических памятников и выделение раннего неолита.

Предметом внимания служили и общие теоретические вопросы — такие, как этногенез в эпоху неолита, социологическая интерпретация древних жилищ и поселений, взаимоотношение человека и окружающей среды, вопросы обмена, хозяйственной дифференциации, причина неравномерности развития культур, соотношение традиций и инноваций, происхождение земледелия и др.⁵⁵ Хотя ряд перечисленных вопросов находится в начальной стадии разработки, важно, что они уже привлекли к себе внимание и по некоторым из них намечены конкретные пути исследования.

Особо следует отметить массовое использование радиоуглеродного метода, способствующего определению относительной и абсолютной датировки памятников — исходного момента при решении всех важных вопросов⁵⁶. Существенное значение для исследования мезолита имело совещание, проведенное в 1974 г. с обсуждением общих вопросов методи-

ческого характера — о сущности и хронологических рамках мезолитической эпохи, о взаимоотношениях человека и среды, об установлении причин, вызывающих различия в мезолитических индустриях. Рассматривались также особенности мезолитических памятников конкретных регионов, определялись задачи изучения мезолита на ближайшие годы. Основные итоги совещания были опубликованы в печати.

Всесоюзное совещание, проведенное в содружестве с представителями естественных наук, было посвящено вопросам хронологии неолита⁵⁷. Исследователи пришли к общему мнению о необходимости отнести нижнюю границу неолита в европейской части СССР к V тысячелетию до н. э. Доклады, прочитанные на совещании, были опубликованы в 153 и 157 выпусках КСИА.

Положительную роль в изучении этногенетических проблем сыграло совещание, посвященное археологическим культурам, проведенное в содружестве с этнографами и антропологами. В начале 70-х годов вышел из печати труд «Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита», созданный большим авторским коллективом.

В 1974 г. значительное число специалистов по мезолиту и неолиту приняли участие в работе Всесоюзного симпозиума, проведенного Институтом географии АН СССР, по проблеме «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда». Был прочитан ряд докладов, часть которых являлась результатом совместных разработок археологов и представителей смежных наук. Укреплению связи археологии с естественными дисциплинами способствовали и совместные публикации в трудах, издаваемых Комиссией по изучению четвертичного периода (советская секция *INGUA*). Специалисты по мезолиту — неолиту участвовали также в совещаниях, проводившихся в различных городах нашей страны. В 1981 г. совместно с сектором славяно-финской археологии ЛОИА проведен советско-финляндский симпозиум, посвященный древней истории прибалтийских народов.

Обсуждения и принятые решения совещаний имели важное значение; однако некоторые из них продолжают оставаться незавершенными, как например, выработка единой типологии и номенклатуры каменных орудий и в особенности керамики, необходимость чего отмечалась на 2-м Всесоюзном совещании по неолиту в 1976 г. Правда, в последнее время появился интерес к этому разделу исследований. При выяснении степени сходства между памятниками делается попытка с целью определения этнокультурной близости использования орудий труда и керамики с помощью статистической обработки. Признавая в принципе продуктивность этого метода, следует сказать, что в том виде, в котором он применяется иногда некоторыми исследователями в настоящее время, несмотря на кажущуюся убедительность (определение «индексов» сходства), по существу своему он не серьезен. Неадекватность его кроется в исходной позиции — отсутствии разработанной типологии орудий и керамики. В некоторых работах производится сопоставление не типов орудий, а лишь их категорий (т. е. сравнивается процентное соотношение просто топоров, скребков, наконечников стрел и т. д.) без учета устойчивых морфологических признаков. Понятно, что категории орудий обусловлены лишь хозяйственными нуждами, не являются отражением традиций, а следовательно, не могут служить индикаторами культурной принадлежности памятников.

Еще менее надежен указанный метод, применяемый в такой форме к керамике. В ряде случаев численное выражение индекса сходства выводят лишь по *элементам* орнамента, опуская форму сосудов и технологию (обобщая последнюю до такого уровня «сосуды лепились от руки, ленточным способом»). Признавая за орнаментацией значительную роль при выяснении сходства или различия памятников, мы должны постоянно учитывать положения, содержащиеся в работах С. В. Иванова, основанные на огромном живом фактическом материале, об определенной

осторожности при применении орнамента в качестве этнического определителя⁵⁸. Такая осторожность должна быть увеличена во много раз в связи с фрагментарностью материала неолитических поселений, если сопоставление проводится на низшем уровне: сравнивается количество элементов орнамента (ямок, нарезок, оттисков гребенки и т. д.) без учета не только композиции в целом, но и мотива. Наконец, уровень исследований неизбежно снижается, а в отдельных случаях становится бесцельным из-за отсутствия общепринятой терминологии — соподчиненности понятий «элементы», «мотив», «композиция». Нередко сопоставление невозможно из-за различия сущности, вкладываемой в эти названия. В результате терминологической путаницы рождается шаткость «индексов сходства», какой бы сложной математической формулой они ни были выражены.

Из сказанного очевидна необходимость скорейшей таксономической разработки, которая (с учетом искусствоведческой терминологии) стала бы общепринятой. Такая разработка организовано начата значительной группой специалистов по неолиту и в случае положительной оценки ее коллективом соответствующего широкого совещания могла бы стать всеобщей.

Заканчивая настоящий обзор, следует заметить, что огромная работа многочисленного коллектива специалистов по неолиту Советского Союза нашла более глубокое и всестороннее освещение в подготовленных большим коллективом авторов в двух томах «Неолит СССР», являющихся частью издания «Археология СССР».

¹ Борисковский П. И., Гурина Н. Н. Изучение каменного века, некоторые итоги и проблемы. — КСИА, 1973, вып. 137.

² Jaanits K. Eesti mesoliitilised tulekivist pooletsiud. — Изв. АН ЭССР, 1973, № 3.

³ Загорска И., Загорскис Ф. Мезолит Латвии. — КСИА, 1977, вып. 149, с. 69—75. Lose I. Spätmesolithikum und Frühneolithikum in Lettland. — In: Mesolithikum in Europa. Berlin, 1981; Za-gorska J. Das Frühmesolithikum in Lettland. — In: Mesolithikum in Europa. Berlin, 1981.

⁴ Римантене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971; Она же. Основные черты мезолита Литвы. — КСИА, 1977, вып. 149, с. 66—69.

⁵ Кольцов Л. В. Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М., 1977.

⁶ Копыгин В. Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975; Он же. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии. — КСИА, 1977, № 149, с. 60—66; Исаенко В. Ф. Мезолит Припятского Полесья. — КСИА, 1977, вып. 149, с. 53—59; Ксензов В. П. Палеолит и мезолит белорусского правобережья Днепра. Минск, 1980; Липницкая О. Л. Мезолитическая стоянка Криничная. — КСИА, 1979, вып. 157.

⁷ Зализняк Л. Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1979; Черниш О. П. Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. Київ, 1975; Станко В. Н. Основные особенности и хронология памятников мезолита степей Северного Причерноморья. — КСИА, 1977, вып. 149; Мацкевой Л. Г. Мезолит и

неолит Восточного Крыма. Киев, 1977; Кетрару Н. А. Памятники эпох палеолита и мезолита. Кишинев, 1973. Вып. 1.

⁸ Мелентьев А. Н. Мезолит Северного Прикаспия: (Памятники сероглазовской культуры). — КСИА, 1977, вып. 149, с. 100—108.

⁹ Кольцов Л. В. Локальные группы мезолита Волго-Окского междуречья. — КСИА, 1973, 137, с. 28—35; Гурина Н. Н. Основные особенности мезолитических памятников в верховьях Волги. — КСИА, 1977, вып. 149, с. 78—83; Гаврилова И. В. Мезолитические местонахождения в бассейне р. Костромы. — КСИА, 1981, вып. 165, с. 98—102.

¹⁰ Гурина Н. Н. Новые исследования в северо-западной части Кольского полуострова. — КСИА, 1971, вып. 126; Долуханов П. М. Геологический возраст стоянок на Рыбачьем полуострове. — КСИА, 1971, вып. 126; Косменко М. Г. Мезолит Среднего Поволжья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; Хлобыстин Л. П. Древнейшие памятники Западного Таймыра. — КСИА, 1973, вып. 137; Верещагина И. В. Мезолитические памятники на Северной Двине. — КСИА, 1977, вып. 149; Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. I. Мезолит. Л., 1978; Он же. Мезолитические стоянки Карелии. Петрозаводск, 1978; Ошибкина С. В. Памятники эпохи мезолита в Восточном Прионежье. — КСИА, 1981, вып. 165, с. 92—98; Гусенцова Т. М. Новые мезолитические поселения в междуречье Камы и Вятки. — СА, 1981, № 3.

¹¹ Медведев Г. И., Георгиевский А. М., Михнюк Г. Н., Лежненко И. Л., Са-

- вельев Н. А.* Памятники мезолита верхнего Приангарья. — В кн.: Мезолит верхнего Приангарья. Иркутск, 1971, ч. 1. *Церетели Л. Д.* Мезолитическая культура Причерноморья Кавказа. Тбилиси, 1973. На груз. яз.; *Аксенов М. П., Шмыгун П. Е.* Кистеневе — новый мезолитический памятник Верхней Лены. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974, вып. 1. *Медведев Г. И., Михнюк Г. Н., Шмыгун П. Е.* Мезолит юга Восточной Сибири. В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1975, вып. 3; *Магюшин Г. Н.* Мезолит Южного Урала. М., 1976; *Габуня М. К., Церетели Л. Д.* Мезолит Грузии. — КСИА, 1977, вып. 149; *Диков Н. Н.* К проблеме «мезолита» на Камчатке. — КСИА, 1977, вып. 149; *Коробкова Г. Ф.* Мезолит Средней Азии и его особенности. — КСИА, 1977, вып. 149; *Исламов У.* Пещера Мачай. Ташкент, 1975. *Исламов У. И.* Обишпирская культура. Ташкент, 1980; *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.
- ¹² *Rimantiene R. Svetoje. Vilnius, 1979; Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979; *Zagorskis F. Zvejnieku akmens laikmeta kapulauka apbedijumu tipologia un hronologia.* — АЕ, 1974, № 11, 7—24 lpp.; *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнае. Рига, 1970; *Arheolģija un Etnogrāfija, Riga, 1978, № 12; Latbijas PSR. Arheolģija, Riga, 1974.*
- ¹³ *Очерки по археологии Белоруссии.* Минск, 1970. Ч. 1; *Исаенко В. Ф.* Неолит Припятского Полесья. Минск, 1976; *Чарняускі М. М.* Неоліт Беларускага Панямоння. Мінск, 1979.
- ¹⁴ *Гурина Н. Н.* Древние кремнедобывающие шахты СССР. Л., 1976.
- ¹⁵ *Микляев А. М.* Памятники каменного века и периода бронзы в бассейне верхнего течения Западной Двины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1971.
- ¹⁶ *Тимофеев В. И.* Памятники каменного века восточной части Калининградской области. — КСИА, 1979, вып. 157; *Он же.* Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980; *Он же.* Изделия из кости и рога неолитической стоянки Цедмар (Серово). Д. — КСИА, 1981, вып. 165.
- ¹⁷ *Археология Украинської РСР.* Київ, 1971. Т. 1; *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев, 1974; *Телегин Д. Я.* Середньостогівська культура. Київ, 1974; *Телегин Д. Я.* Вопросы хронологии и периодизации неолита Украины. — КСИА, 1978, вып. 153.
- ¹⁸ *Неприна В. И.* Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976.
- ¹⁹ *Марковин В. И.* Буго-днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.
- ²⁰ *Крижевская Л. Я.* Каменные орудия из неолитического поселения Матвеев курган II. — КСИА, 1972, вып. 131; *Она же.* Новые исследования неолита Приазовья. — КСИА, 1973, вып. 137; *Она же.* К вопросу о формах хозяйства неолитического населения в Северо-Восточном Приазовье. — В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.
- ²¹ *Мелентьев А. Н.* Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия). — КСИА, 1975, вып. 141; *Белановская Т. Д.* Хронологические рамки неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону и методы их определения. — КСИА, 1978, вып. 153.
- ²² *Древняя история Поволжья.* — Тр. Куйбыш. пед. ин-та, 1979, т. 230; *Энеолит Восточной Европы.* — Там же, 1980, т. 235; *Синюк А. Т.* Материалы неолитической стоянки Университетская 3. — В кн.: Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1980; *Он же.* Неолитические памятники Среднего Дона. — Там же.
- ²³ *Васильев И. Б., Васильева Г. И.* Поселение и могильник у села Слезжее. — В кн.: Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976, вып. 2.
- ²⁴ *Габяшев Р. С.* Неолит Нижнего Прикамья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978.
- ²⁵ *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; *Он же.* Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья. — КСИА, 1978, 153; *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. Н.* Древнейшие ранненеолитические культуры Верхнего Поволжья. — Вестн. АН СССР, 1973, № 5; *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Хронология и палеогеографический фон древнейших неолитических поселений центра Русской равнины. — В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене; *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская ранненеолитическая культура. — СА, 1977, № 3.
- ²⁶ *Раушенбах В. М.* Неолитические племена бассейна Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. — МИА, 1973, № 172; *Третьяков В. П.* Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. Л., 1972; *Зимина М. П.* О хронологии неолитических памятников бассейна р. Мста. — КСИА, 1978, вып. 153.
- ²⁷ *Гурина Н. Н.* Неолитические памятники Валдайской возвышенности. — МИА, 1973, № 172.
- ²⁸ *Гаврилова И. В.* Об особенностях памятников волосовского типа в Ростовском Поволжье. — КСИА, 1980, вып. 161, с. 52—57.
- ²⁹ *Цветкова И. К.* Племена рязанской культуры. — Тр. ГИМ, 1970, вып. 44; *Она же.* Неолитические племена рязанского течения р. Оки. — В кн.: Эт-

- покультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. — МИА, 1973, № 172.
- ³⁰ Урбан Ю. Н. Поселение и могильник Иловец. — КСИА, 1973, вып. 137; Зимина М. П. О работе Северо-Западной экспедиции. — АО, 1979 г. М., 1980; Цветкова И. К. Погребения на стоянке Владычинская — Береговая. — В кн.: История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
- ³¹ Козырева Р. В. Стоянка Ильинский Остров в Архангельской области. — КСИА, 1971, вып. 126. Лузгин В. Е. Мезолит и ранний неолит в долине р. Ижмы (бассейн Средней Печоры). — МИА, 1973, № 172. Он же. Неолитические стоянки в долине р. Индиги. — В кн.: Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977, вып. 6; Верещагина И. В. Ранний неолит на Северной Двине. — В кн.: Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени: МАЕСВ. Сыктывкар, 1977, вып. 6; Логина Э. С. Ранний неолит на Средней Вычегде. — КСИА, 1979, вып. 157; Она же. Археологические памятники на оз. Энты. — В кн.: Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977, вып. 6; Стоколос В. С. Первый неолитический памятник на Мезени. — Там же, Ошибкина С. В. Поселение Юртик на Средней Вятке. — В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976; Она же. Неолит Восточного Прионежья. М., 1978.
- ³² Гусенцова Т. М. К вопросу о неолите Камско-Вятского Междуречья. — КСИА, 1981, вып. 165, с. 109—115.
- ³³ Саватеев Ю. А. Залавруга. — В кн.: Археологические памятники низовья р. Выг. Л., 1977, ч. 2; Панкрусев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. 2. Неолит. Петрозаводск, 1978; Археологические исследования в Карелии. Л., 1972; Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980.
- ³⁴ Хлобыстин Л. П. О древнем заселении Арктики: (В связи с новыми находками на Таймыре). — КСИА, 1973, вып. 136; Гурина Н. Н. Некоторые данные новых исследований в Европейском Заполярье. — КСИА, 1973, вып. 137; Гурина Н. Н., Хлобыстин Л. П. Заселение Арктики. — В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. М., 1974; Гурина Н. Н., Кочешкин Б. И. Датировка неолитических памятников Кольского полуострова и методы ее установления. — КСИА, 1978, вып. 153.
- ³⁵ Небеурдаг Л. Д. Неолит Западного Закавказья. На груз. яз. Тбилиси, 1972.
- ³⁶ Матюшин Г. Н. Неолитические стоянки Ташбулатово I и Сабакты III в Башкирском Зауралье. — В кн.: Древности Башкирии. М., 1970; Он же. Ранне-неолитическая стоянка Карабалакты 8а (Урта-Тюбе) на Урале. — КСИА, 1973, вып. 137; Он же. Мезолит Южного Урала. М., 1976; Юровская В. Г. Неолитические жилища на стоянке Козлов Мыс I. — ВАУ. Свердловск, 1975, вып. 13; Старков В. Ф. Мезолит и неолит Лесного Зауралья. М., 1980.
- ³⁷ Матюшин Г. Н. Памятники эпохи раннего металла в Южном Зауралье. — КСИА, 1973, вып. 137; Крижевская Л. Я. Эпоха ранней бронзы в Южном Зауралье. Л., 1977; Ковалева В. Т. Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979.
- ³⁸ Журавлев А. П. Энеолит Карелии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1977.
- ³⁹ Вопросы археологии Приобья: Научные труды. Тюмень, 1976, Сб. 37; Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1979.
- ⁴⁰ Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973; Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977; История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979.
- ⁴¹ Матющенко В. И. Древняя история поселения лесного и лесостепного Приобья: (Неолит и бронзовый век). — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 9; Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск, 1977.
- ⁴² Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары (от Иркутска до Бурети). Новосибирск, 1974; Он же. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск, 1975; Он же. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск, 1976; Он же. Верхотеленский могильник — памятник древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1978; Георгиевская Г. М. Китойская культура Прибайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979.
- ⁴³ Савельев Н. А., Медведев Г. И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973; Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес: (Предварительное сообщение). — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1978; Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978; Генералов А. Г. Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Камской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979; Источники по археологии Северной Азии. Новосибирск, 1980.
- ⁴⁴ Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Основы корреляции и синхронизации археологических памятников Северо-Восточной Азии. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1974, вып. 2; Они же. Периодизация и абсолютная хронология ар-

- хеологических памятников Якутии. — В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975; *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии. — В кн.: Берингия в Кайнозое. Владивосток, 1976; *Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977; *Федосеева С. А.* Ымьяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980; Новое в археологии Якутии. Якутск, 1980; *Алексеев А. Н.* Каменный век Нижней Олекмы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981.
- ⁴⁵ *Ивашина А. Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск, 1979; *Окладников А. П., Кириллов И. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980; *Константинов М. В., Базаров Д. Б., Иметхенов А. Б., Базарова Л. Д., Семина Л. В., Савинова В. В.* Древнее поселение Куналей. — В кн.: Новое в археологии Забайкалья. Новосибирск, 1981; *Ветров В. М.* Усть-Каренгский комплекс стоянок на Витиме. — Там же; *Кириллов И. И.* Некоторые черты неолита Юго-Восточного Забайкалья: (По материалам полевых исследований 1965—1977 гг.). — Там же; *Ивашина Л. Г.* К вопросу о культурной принадлежности ранних погребений могильника Бухусан. — Там же; *Семина Л. В.* Неолитическое поселение Черемушки на реке Хилок. — Там же.
- ⁴⁶ *Деревяшко А. П.* Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск, 1970; *Окладников А. П., Деревяшко А. П.* Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток, 1973; *Они же.* Громотухинская культура. Новосибирск, 1977.
- ⁴⁷ *Васильевский Р. С., Голубев В. А.* Древние поселения на Сахалине. Суэсская стоянка. Новосибирск, 1976.
- ⁴⁸ *Орезов А. А.* Древняя Приморская культура северо-западного Берингоморья (древнекерекская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980; *Кузнецов А. М.* Каменный век юго-западного Приморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981.
- ⁴⁹ *Массон В. М.* Неолит Средней Азии. — МИА, 1970, № 166; *Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Понятие «неолит» и вопросы хронологии неолита Средней Азии. — КСИА, 1978, вып. 153.
- ⁵⁰ *Массон В. М.* Поселение Джейтун. — МИА, 1971, № 180; Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972. Вып. 1.
- ⁵¹ *Ранов В. А., Коробкова Г. Ф.* Туткауд — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане. — СА, 1971, № 2; *Юсупов А. Х.* Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана. — СА, 1975, № 2.
- ⁵² *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан. — МХЭ, 1975, вып. 10; *Коробкова Г. Ф.* Общее и особенное в хозяйстве кельтеминарских племен. — КСИА, 1981, вып. 165.
- ⁵³ *Касымов М. Р.* Кремнедобывающие мастерские и шахты каменного века Средней Азии. Ташкент, 1972; *Мирсатов Т.* Древние шахты Учгута. Ташкент, 1973; *Он же.* Горные разработки в эпоху камня. Ташкент, 1977.
- ⁵⁴ *Савватеев Ю. А.* Залавруга. Археологические памятники низовья р. Выг. Л., 1970. Ч. 1; *Чернецов В. Н.* Наскальные изображения Урала. — САИ, 1971, В 4-12(2); *Диков Н. Н.* Наскальные загадки Древней Чукотки: (Петроглифы Пегтгмеля). М., 1971; *Окладников А. П.* Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971; *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Средней Лены. Л., 1972; *Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища томских писаниц. М., 1972; *Окладников А. П.* Петроглифы Байкала — памятники древней культуры народов Сибири. Новосибирск, 1974; *Окладников А. П., Мазин А. И.* Писаницы р. Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976; *Студзицкая С. В.* Искусство енисейских племен в эпоху неолита и ранней бронзы. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973; *Лозе И.* Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой. — Там же; *Римантене Р. К.* Художественные изделия стоянки Швянтои 3. — В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975; *Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976; *Гурина Н. Н.* Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племен. — КСИА, 1972, вып. 131; Первобытное искусство. У истоков творчества. Новосибирск, 1978; *Гурина Н. Н.* Наскальные рисунки Кольского полуострова и сопредельных областей. — В кн.: Звери в камне. Новосибирск, 1980; *Формозов А. А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1980; Первобытное искусство: Звери в камне. Новосибирск, 1980.
- ⁵⁵ *Хлобыстин Л. П.* Проблемы социологии неолита Северной Евразии. — В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972; Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. Л., 1973; *Гурина Н. Н.* Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР. — В кн.: Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита. — МИА, 1973, № 172; *Чернецов В. Н.* Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита. — В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири; *Семенов С. А.* Происхождение земледелия. Л., 1973. *Гурина Н. Н.* К вопросу об обмене в неолитическую эпоху. — КСИА, 1974, вып. 138; *Хлобыстин Л. П.* Обмен в эпоху неолита и бронзы. — Там же; *Крижевская Л. Я.* О некоторых формах разделения труда в неолите. — Там же; Реконструкция

древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. — В кн.: Краткие тезисы докладов на Объединенном симпозиуме методологического семинара и Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР. Л., 1974; Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975; *Массон В. М.* Экономика и общественный строй древних обществ. Л., 1976; *Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977; Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л., 1981.

⁵⁶ *Тимофеев В. И.* Абсолютная датировка мезолита Европы по данным C^{14} . — КСИА, 1977, вып. 149; *Тимофеев В. И., Романова Е. Н., Маланова Н. С., Свеженцев Ю. С.* Радиоуглеродные датировки неолитических памятников СССР. — МИА, 1978, № 153; *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Романова Е. Н., Семенов А. А.* Многослойная стоянка Белькачи I и ее значение для построения абсолютной хронологии древних культур Северо-Восточной Азии. — В кн.: По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970.

⁵⁷ *Ермолова Н. М.* Проблема изучения доместики животных. — КСИА, 1978, вып. 153; *Хогинский Н. А.* Палеогеографические основы датировки и периодизации неолита лесной зоны Европейской части СССР. — Там же; *Генинг В. Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок. — СА, 1973, № 1; Орудия каменного века. Киев, 1978; *Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников: (Возможности формализованного подхода). М., 1975; *Ашихмина Л. В.* Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа на средней Каме. — В кн.: Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978, вып. 7, с. 38—70; *Калинина И. К.* Гребенчатая и другие группы неолитической керамики Прикамья. — В кн.: Археологический сборник. Л., 1979, 20, с. 5—27.

⁵⁸ *Иванов С. В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. М., 1954; *Он же.* Орнамент народов Сибири как исторический источник: (По материалам XIX—начала XX в.). — В кн. Народы Севера и Дальнего Востока. Л., 1963.

М. В. АНИКОВИЧ

К ПРОБЛЕМЕ СИНХРОНИЗАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КОСТЕНКОВСКО-БОРЩЕВСКОГО РАЙОНА

В начале 50-х годов работами А. Н. Рогачева и Г. И. Лазукова, опиравшихся на принцип стратиграфии четвертичных отложений, была установлена относительная периодизация позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района. По приуроченности памятников к определенным литологическим горизонтам и геоморфологическим уровням были выделены четыре хронологические группы: I — древнейшая — стоянки, залегающие в гумусированных отложениях ниже линз вулканического пепла («нижняя гумусированная толща»); II — стоянки, залегающие в гумусированных отложениях выше линз вулканического пепла («верхняя гумусированная толща»); III — стоянки, приуроченные к бурому лёссовидному суглинку, составляющему верх плейстоценовых отложений второй надпойменной террасы Дона и балок; IV — стоянки, приуроченные к делювиальным отложениям первой надпойменной террасы Дона¹. Последующие десятилетия подтвердили правильность принципа, положенного в основу периодизации позднепалеолитических стоянок и в целом не поколебали предложенную схему². Не подтвердилось только выделение четвертой хронологической группы, так как выяснилось, что отложения первой надпойменной террасы, содержащие культурные остатки, в большинстве случаев синхронны верхам отложений второй надпойменной террасы, образуя с последними единый делювиальный шлейф.

В ходе дальнейшего развертывания работ все более необходимым становится уточнение предложенной схемы, установление более точных временных корреляций между памятниками, относящихся ко всем трем хронологическим группам. Особенно острой и сложной данная проблема является для стоянок, относящихся к третьей хронологической группе (теперь включающей и бывшую четвертую). Ее острота определяется, во-первых, большим количеством стоянок, приуроченных к лёссовидному суглинку (около 30); во-вторых, большой вариабельностью традиций, отраженных в кремневом инвентаре, искусстве, домостроительстве и т. д.; в-третьих, дискусионностью вопроса о геологическом возрасте наиболее молодых стоянок Костенковско-Борщевского района.

В шести пунктах данного района в буром лёссовидном суглинке залегают по несколько культурных слоев. Это Костенки 1 (слои I—III), Костенки 4 (слои I, II), Костенки 5 (слои I—III), Костенки 8 (слои I, Ia), Костенки 11 (слои IB, IA, II, III), Костенки 21 (слои I—III). Многослойность этих стоянок (эмпирически данная разновременность) и является реальной базой для попытки построения относительной периодизации памятников Костенковско-Борщевского района, относящихся к III хронологической группе. Однако как их скоррелировать между собой? Сложность состоит в том, что в настоящее время нет надежных данных для стратиграфического расчленения толщи лёссовидных суглинков на какие-либо подгоризонты, стратиграфически значимые в пределах всего Костенковско-Борщевского района или же по крайней мере в значительной части его. Работы в этом направлении только начаты и пока еще не дали надежных результатов.

Вполне возможно, что в будущем для этой же цели могут быть использованы результаты палинологических анализов. Однако, хотя в Костенковской экспедиции не ослабевает внимание к спорово-пыльцевому методу, количество данных, пригодных для сравнительного анализа, растет не так быстро, как хотелось бы.

Для четырех культурных слоев, залегающих в лёссовидном суглинке, в настоящее время получены достаточно надежные радиоуглеродные даты. Одна из них — для III культурного слоя Костенок 21—22 270 ± 150 (GrN=7363) — получена по образцу древесного угля, считающегося для радиоуглеродного датирования наиболее надежным материалом, в Грингенской лаборатории, имеющей громадный опыт по выполнению работ такого рода и заслуженно пользующейся мировым признанием. Серия дат по образцам костного угля получена в лаборатории абсолютной хронологии ГИН под руководством Л. Д. Сулержицкого по усовершенствованному им методу для I культурного слоя Костенок 1; 22 300 ± 230 (ГИН — 1870), 23 500 ± 200 (ГИН — 2527), 23 000 ± 500 (ГИН — 2528), 24 100 ± 500 (ГИН — 2529), 22 800 ± 200 (ГИН — 2530), 22 300 ± 200 (ГИН — 2533), 21 300 ± 400 (ГИН — 2534). Эти даты хорошо согласуются одна с другой, а также с датами, полученными в разное время для ряда восточноевропейских стоянок, однокультурных данному слою: Авдеево 22 700 ± 700 (ГИН — 1571), 22 400 ± 600 (ГИН — 1969), Гагарино 21 800 ± 300 (ГИН — 1872), Хотылево II 23 660 ± 270 (ЛУ — 359), 24 960 ± 400 (ИГАН — 73). Это свидетельствует в пользу надежности новой серии дат и доказывает, что прежние датировки стоянок Костенковско-Борщевского района³ омоложенные. В этой же лаборатории получены даты двух слоев стоянки Костенки 11: для слоя IA 19 900 ± 350 (ГИН — 532) и для слоя II 21 800 ± 200 (ГИН — 2531). Имеющиеся даты весьма важны: они определенно указывают на относительную одновременность по крайней мере трех из четырех названных стоянок, а также на их раннеосташковский возраст. Однако для построения относительной периодизации всех стоянок III хронологической группы их явно недостаточно.

Таким образом, в настоящий момент без использования собственно археологических данных поставленная задача не может быть решена. Но возможно ли использовать их для этой цели? Ведь с опровержением ста-

диальной концепции развития палеолитических орудий утратили свое значение и относительные периодизации, созданные на основе этой концепции. Выяснилось, что показатели, хронологическая значимость которых (в рамках позднего палеолита) в течение десятилетий считалась бесспорной, в действительности таковой не обладают, поскольку временной диапазон их распространения оказался чрезвычайно широк. Может быть, наиболее яркие примеры этого — ретушированные микропластинки, считавшиеся когда-то критерием позднего возраста палеолитического памятника, а впоследствии обнаруженные в целом ряде индустрий, относящихся к ранней поре позднего палеолита⁴. Еще показательнее находки сегментов («типично мезолитическая» форма) в культурном слое, относящемся к ранней поре позднего палеолита⁵.

Эти и другие подобные примеры требуют большой осторожности от археолога, пытающегося использовать археологические критерии в построении относительной хронологии локальной группы памятников, относящихся даже не ко всей позднепалеолитической эпохе, а к какому-то ее ограниченному отрезку. Прежде всего попытаемся установить, какими датировочными возможностями все же располагает палеолитический материал, рассматриваемый уже под иным, современным углом зрения: во все отрицать наличие таких возможностей не станет ни один археолог; речь идет лишь о том, насколько они удовлетворяют условиям поставленной задачи.

Основным обобщающим понятием, используемым в современном палеолитоведении (по крайней мере при изучении эпохи позднего палеолита), является «археологическая культура». По мнению автора, «археологическая культура есть комплекс традиций, выработанных в определенных социальных группировках под влиянием определенных исторических условий, нашедший свое материальное выражение в тех результатах материального и духовного производства, которые смогли стать археологическими источниками, и раскрываемый посредством анализа данных источников⁶».

Опыт показывает, что при детальном совпадении традиций, прослеженных в каменных индустриях однокультурных памятников, а также в других сферах человеческой деятельности (в искусстве, в украшениях, в домостроительстве и пр.), можно с достаточной уверенностью говорить и об их одновременности. Примером совпадений такого рода могут служить верхний культурный слой Костенок 1 и Авдеевская стоянка⁷. Однако гораздо чаще индустрии, обладающие достаточным сходством для отнесения их к одной археологической культуре, проявляют вместе с тем и более или менее значительные различия. В этом случае трудно судить о продолжительности разделяющих их временных интервалов. Подобные памятники могут относиться к более или менее узкому отрезку времени. Так, например, в Костенках стоянки городцовской культуры (Костенки 12, слой I; Костенки 14, слой II; Костенки 15) относятся к одному литологическому горизонту: верхней гумусированной толще. Но в других случаях подобные однокультурные памятники могут залегать в разных литологических горизонтах, разница во времени между ними может исчисляться тысячелетиями. Так, в Костенках памятники стрелецкой культуры залегают как в верхней, так и в нижней гумусированных толщах. В Приднестровье памятники молдавской культуры залегают в погребенной почве (Молодова 5, слой X), в вышележащем гумусированном суглинке (Молодова 5, слой IX, VIII), в вышележащем лёссовидном суглинке (Молодова 5, слой VII), причем в абсолютном исчислении отрезок времени от X до VII слоя — порядка 5 тыс. лет⁸.

Среди рассматриваемых стоянок Костенковско-Борщевского района, относящихся к III хронологической группе, в настоящее время можно выделить три археологические культуры, определяющиеся более чем по одному памятнику. Виллендорфско-костенковская культура: Костенки 1, слой I, Костенки 13, Костенки 18, Костенки 14, слой I. Вторая культура

наиболее ярко представлена материалами I (верхнего) слоя Костенок 8 (Тельманская стоянка). По мнению автора, к этой же культуре относятся III слой Костенок 11. Наконец, третья культура — костенки-замятнинская; к ней я отношу, помимо эпонимной Замятнинской стоянки (Костенки 2), Костенки 3 (как установлено впоследствии, этот памятник является верхним слоем стоянки Костенки 21) и Костенки 19. Не исключено, что к этой же культуре следует относить и Костенки 10.

Среди названных стоянок только три обладают сходством, достаточным для утверждения их относительной синхронности. Это Костенки 1, слой I, Костенки 13 и Костенки 18. Можно даже сделать предположение, не являются ли эти три стоянки частями единого обширного поселения? Что же касается остальных стоянок, их инвентарь наряду со сходством, достаточным, по моему мнению, для выделения двух культур, обладает различиями, не позволяющими судить, насколько памятники близки друг другу во времени⁹.

В ряде случаев существенную помощь в уточнении относительного возраста памятников могут оказать отдельные, наиболее яркие компоненты, входящие в систему традиций, определяемую как «археологическая культура». В каменной индустрии к таковым относятся в первую очередь типы орудий. Правда, типы, как показывает опыт, зачастую распространяются за пределы той археологической культуры, в которой они возникли как традиционная форма и, казалось бы, уже поэтому еще менее пригодны для решения поставленной задачи, нежели простое указание на однокультурность памятников. Однако, с другой стороны, в рамках данной археологической культуры (системы традиций) типы зачастую с течением времени видоизменяются, образуя серию подтипов и отражая тем самым процесс развития данного компонента традиций в той социальной системе, в которой он возник¹⁰. Если такая серия подтипов прослежена, та конкретная форма, в которой тип орудий находит свое выражение, может явиться весьма тонким хронологическим индикатором.

С другой стороны, иногда уточнению относительного возраста памятника может помочь даже тип, вышедший за пределы «своей» системы традиций. Приведу конкретный пример, непосредственно относящийся к задаче, решаемой в данной статье. В III слое Костенок 11 был найден треугольный наконечник с вогнутым основанием (рис. 1, 8) — тип, характерный для костенковско-стрелецкой культуры, памятники которой относятся к предшествующим, I и II хронологическим группам¹¹. III слой Костенок 11 по совокупной характеристике кремневой индустрии относится к иной археологической культуре. Однако по породе кремня, из которой изготовлен найденный здесь треугольный наконечник, а также по некоторым особенностям его обработки можно заключить, что данное орудие относится к комплексу III культурного слоя Костенок 11 и не является посторонней примесью. Поэтому, учитывая достаточно «низкое» стратиграфическое положение этого слоя, можно предполагать, что треугольный наконечник в данном комплексе свидетельствует о влиянии со стороны костенковско-стрелецкой культуры, а следовательно, III культурный слой Костенок 11 должен быть близок по времени к памятникам II хронологической группы, т. е. среди стоянок III хронологической группы относится к более древним.

Но традиции проявлялись не только в кремневой индустрии. По моему мнению, наиболее «чуткими» хронологическими показателями являются традиции, которые удается выявить в искусстве «малых форм». Это хорошо прослеживается на примере памятников виллендорфско-костенковской культуры. Даже между наиболее близкими друг к другу как в хронологическом, так и в культурном аспектах Костенками 1 (I культурный слой) и Авдеевской стоянкой прослеживаются весьма существенные различия именно в области «мобильного искусства». Наиболее заметное из них — иной характер зооморфных изображений в Авдеево. Если в верхнем культурном слое Костенок 1 зооморфные изображения представлены маленькими, очень стилизованными фигурками ма-

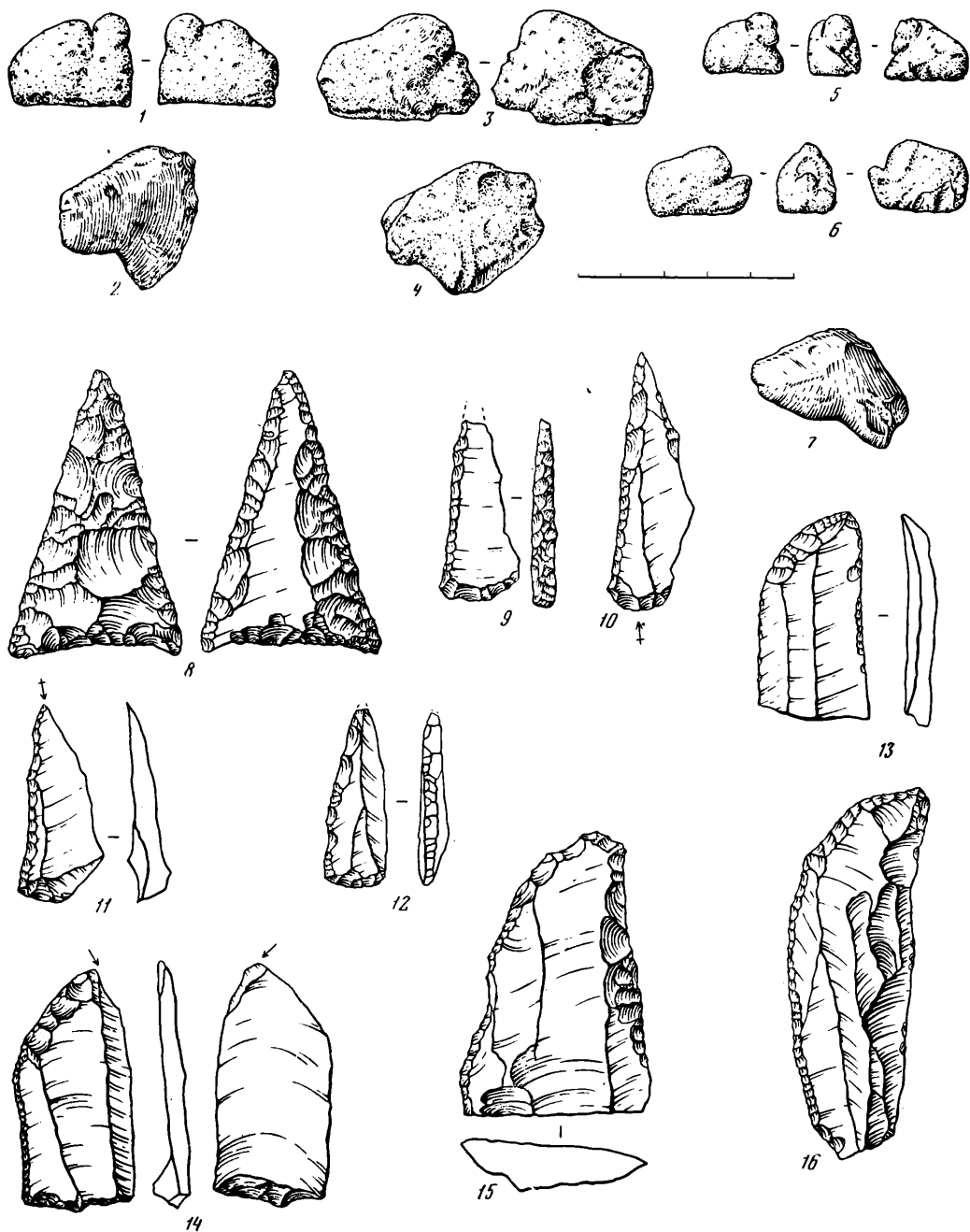

Рис. 1. Общие типы произведений искусства малых форм и общие типы кремневых орудий

1, 2 — Костенки 1, слой I; 3, 4 — Костенки 4, слой I; 5, 6 — Костенки 11, слой II; 7 — Костенки 9; 8 — треугольный наконечник стрелецкого типа из слоя III Костенок 11; 9—13 — остря с притупленным краем и выпуклым основанием (9, 10 — Костенки 11, слой II; 11 — Костенки 5, слой III; 12 — Костенки 21, слой III); 13—16 — ножи «аносовского типа» (13 — Костенки 21, слой III; 14 — Костенки 5, слой III; 15, 16 — Костенки 11, слой II)

монтов, реже — других животных, изготовленными из мергеля, и мергелевыми же головками различных зверей, выполненными в иной, «реалистической» манере, то авдеевская зооморфная скульптура и по материалу, и по размерам, и по стилю существенно от них отличается.

Отмеченное обстоятельство для нас весьма существенно, так как

среди памятников Костенковско-Борщевского района, относящихся к III хронологической группе, известны три разнокультурные стоянки, содержащие тем не менее совершенно идентичные мергелевые стилизованные изображения животных: мамонтов и режы носорогов. Это Костенки 1, слой I, Костенки 4, слой I и Костенки 11, слой II (рис. 1, 1, 3—5). Пространственная локализация этих находок в пределах Костенковско-Борщевского района, а также кратковременность их существования на протяжении развития виллендорфско-костенковских культурных традиций позволяют считать, что три этих памятника со стилизованными мергелевыми фигурками зверей должны быть очень близки друг к другу во времени — практически одновременными¹². В этой связи нужно отметить и находку мергелевой головки животного из Костенок 9 (рис. 1, 7).

Теперь попытаемся выяснить, как проявляют себя все четыре рассмотренных показателя в костенковских стоянках III хронологической группы. При графическом изображении связей между многослойными памятниками по данным показателям могут встретиться два основных варианта. 1. Линии связей будут пересекаться беспорядочно, не выделяя достаточно выраженных групп памятников; в этом случае можно сделать вывод, что для данных стоянок использовать названные критерии построения относительной хронологии не удалось (рис. 2, А). 2. Либо линии связей образуют более или менее выраженные группы; в этом случае их можно рассматривать как хронологические ступени, если эти группы в многослойных стоянках распределяются относительно друг друга по вертикали (хронологически), особенно если среди связей, замыкающих эти группы, есть такие, которые соответствуют показателям, являющимся наиболее тонкими временными индикаторами, а среди межгрупповых связей подобные показатели отсутствуют (рис. 2, Б).

Характер связей между костенковскими стоянками III хронологической группы ближе ко второй модели (рис. 2, В). Здесь намечается выделение трех хронологических подгрупп, из которых наибольшим числом внутренних связей обладает средняя (чему не противоречат и радиоуглеродные даты). Большинство изображенных связей уже раскрыто выше (по культурной принадлежности, по типам зооморфных изображений, по наконечнику стрелового типа III слоя Костенок 11). Остальные связи: II культурный слой Костенок 11 соотносится с III слоем Костенок 5 по ножам аносовского типа (рис. 1, 13—15) и по остриям с притупленным краем и выпуклым основанием (рис. 1, 9—12), он же соотносится с III слоем Костенок 21 по ножам аносовского типа (рис. 1, 16) и с Костенками 2 по остриям с притупленным краем и выпуклым основанием.

Связи внутри самой ранней и самой поздней подгрупп не соответствуют наиболее «тонким» хронологическим показателям. Уже одно это указывает, что абсолютные даты памятников, относящихся к трем выделенным подгруппам, могут частично перекрываться. Предложенная относительная хронология памятников III хронологической группы в сущности отражает общую последовательность смены культурных традиций на территории Костенковско-Борщевского района: «тельманские» традиции сменяются «виллендорфско-костенковскими», «гмелинскими» (Костенки 21, слой III), «александровским» (Костенки 4, слой I), на смену которым, в свою очередь, приходят «замятнинские» традиции и традиции IA слоя Костенок 11. Естественно, такая общая последовательность вполне допускает, что сменяемая и сменяющая системы традиций в какой-то отрезок времени могли и сосуществовать.

Положение некоторых культурных слоев в предлагаемой схеме проблематично, так как эти слои не обнаруживают связей по избранным показателям с другими памятниками. Трудно решить, к средней или поздней подгруппе следует относить I и II слои Костенок 5. По стратегическому положению (близость или, наоборот, удаленность от маркирующего культурного слоя) слой II Костенок 1 и Костенок 4 следует, видимо, относить к средней подгруппе, а III слой Костенок 1 —

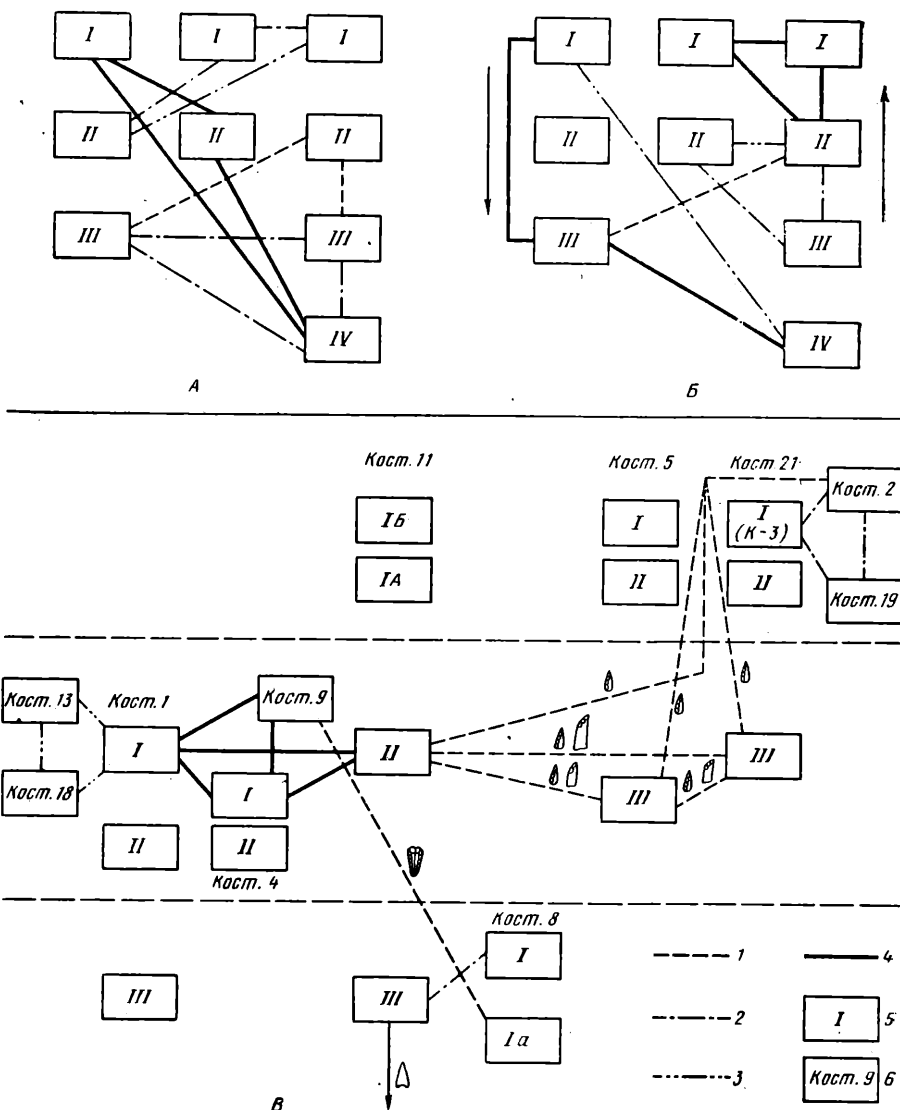

Рис. 2. А — модель связей между многослойными стоянками, не образующих хронологических групп; В — модель связей между многослойными стоянками, образующих две хронологические группы; В — связи между стоянками Костыковско-Борщевского района, залегающими в лёссовидном суглинке

1 — связь по типам каменных орудий; 2 — связь по культурной принадлежности при заметных различиях каменных индустрий; 3 — связь по культурной принадлежности при фактической тождественности каменных индустрий; 4 — связь по типам произведений искусства малых форм; 5 — культурные слои; 6 — однослойные стоянки

к ранней. По той же причине II культурный слой Костенок 21, видимо, нужно связывать с поздней хронологической подгруппой.

Однослойную стоянку Костенки 9 следует относить к средней подгруппе, так как ее связь с I слоем Костенок 1 (мергелевая фигурка) более значима для хронологии, чем связь со слоем Ia Костенок 8 (близкие типы скребков и пластинок с притупленным краем). Это согласуется с выводом Л. М. Литовченко¹³ о том, что стоянка Костенки 9 является, в сущности, самым верхним культурным слоем Костенок 8. Однослойный памятник Костенки 10, возможно, следует относить к поздней подгруппе (есть основание говорить о некотором сходстве его индустрии с индустрией Костенок 2, однако неясно, какого уровня это сходство). Этот вопрос может быть уточнен после новых раскопок, когда станет

ясна стратиграфическая позиция культурного слоя Костенок 10 по отношению к верхним культурным слоям Костенок 11.

В приведенную схему не включаются Борщевские стоянки, так как вопрос об их возрасте требует особого разбора, невозможного без детального анализа, включая результаты раскопок последних лет.

Предложенная схема позволяет судить о последовательности смены типов жилых комплексов. В частности, получается, что в Костенковско-Борщевском районе так называемые костно-земляные жилища появляются сравнительно поздно, причем жилища аносовско-мезинского типа (Костенки 11, слой Ia) сменяют собой жилища костенковско-авдеевского типа (Костенки 1, слой I, Костенки 13). Возникает вопрос: не сохраняет ли данная последовательность свое значение и за пределами Костенковско-Борщевского района?

В заключение еще раз напомним: предложенная схема относительной хронологии памятников III хронологической группы Костенковско-Борщевского района отражает всего лишь последовательность смены в данном районе определенных культурных традиций. Мы не располагаем в настоящее время никакими данными ни об общей ее продолжительности, ни о длительности существования каждой из выделенных в ней подгрупп.

- ¹ *Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. — МИА, 1957, № 59, с. 119—124; *Лазуков Г. И.* Геология стоянок Костенковско-Борщевского района. — МИА, 1957, № 59.
- ² Верхний плейстоцен и развитие палеолитической культуры в Центре Русской равнины. Воронеж, 1979.
- ³ *Чердынцев В. В.* Абсолютная геохронология палеолита. — МИА, 1971, № 173.
- ⁴ Такие микропластинки, правда в небольшом количестве, имеются уже в нижнем культурном слое Костенок 17 (I хронологическая группа). Из памятников второй хронологической группы сошлись на Костенки 8. II слой (*Рогачев А. Н.* Многослойные стоянки..., с. 50—51).
- ⁵ *Борзьяк И. А.* Поздний палеолит Северо-Запада Молдавии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978, с. 14.
- ⁶ *Аникович М. В.* О содержании понятия «археологическая культура». — В кн.: Методологические аспекты археологических исследований в западной Сибири. Томск, 1981, с. 20.
- ⁷ Разумеется, из этого не следует, что для подобных памятников вообще нельзя ставить вопрос о разнице в возрасте. Все дело в ее масштабах и соответственно в методах фиксации этой разницы.
- ⁸ Радиоуглеродная дата для IX слоя Молодова 5 — около 28—29 тыс. лет, а для VII слоя — около 23 тыс. лет. См.: *Черныш А. П.* Палеолит и мезолит Приднестровья. М., 1973, рис. 21.
- ⁹ Обоснование тельманской и замятинской археологических культур см.: *Рогачев А. Н., Аникович М. В.* Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. — В кн.: Археология СССР. М., 1981, т. 1;
- ¹⁰ *Clark David L.* Analytical Archaeology. L., 1968.
- ¹¹ У истоков искусства: Каталог выставки. Л., 1979, кат. № 126.
- ¹² Вероятно, к ним близка во времени и Елисеевская стоянка, где недавно найдена мергелевая фигурка мамонта. См.: *Грехова Л. В.* Фигурка мамонта со стоянки Елисеевичи. — В кн.: История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980.
- ¹³ *Литоучанка Л. М.* Палеолитычная стоянка Біручы Лог (Касценкі IX). — Вісцы АН БССР. Сер. грамадскіх навук, 1966, № 3.

В. Я. СЕРГИН

НАЗНАЧЕНИЕ БОЛЬШИХ ЯМ НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Крупные палеолитические ямы стали известны с 30-х годов, когда их обнаружили в Костенках 1¹ и Гонцах². Первые находки определили и круг поселений, для которых, как выяснилось впоследствии, наличие больших ям наиболее характерно, — памятники костенковско-авдеевской культуры и среднеднепровского типа.

Данные ямы имеют довольно сильно варьирующие очертания и наклон стен, поперечник их превышает 1 м, но нередко и 2 м, обычная глубина 0,5—1 м. В заполнении наиболее характерны крупные кости мамонта и их обломки. На костенковско-авдеевских поселениях крупные ямы располагаются по краю всего обжитого участка-площадки, на поселениях среднеднепровского типа они окружают каждое жилище в отдельности.

По мнению П. П. Ефименко, ямы предназначались для хранения запасов³, в качестве которых при описании костенковских ям отмечены части туш животных — пища на случай зимних голодовок, и кости и обломки костей — топливо и поделочный материал⁴. А. Н. Рогачев считает, что ямы являлись кладовыми для хранения продовольственных и хозяйственных запасов, не детализируя, каких именно⁵. Не совсем ясно, оставлено ли им ранее высказанное предположение о жилом назначении части ям, в подтверждение чего он указывал на яму Костенок 18 с принесенной углисто-зольной массой на дне, которая, по его мнению, в горячем виде была использована для отопления ямы⁶. Согласно И. Г. Шовкоплясу, крупные ямы поселений Восточной Европы служили хранилищами костей животных — сырья для различных производственных и бытовых потребностей⁷. В связи с описанием ям поселений среднеднепровского типа (но подразумевая, по-видимому, и костенковско-авдеевские) он, кроме того, замечает: «Наличие в ямах многих костей, не имеющих на себе мяса (бивни, черепа, нижние челюсти), убедительно опровергает представление о том, что в таких ямах хранились запасы мясной пищи. Противоречит этим представлениям и количество костей в ямах — они обычно заполнены костями доверху, чего никогда бы не произошло, если бы кости складывались вместе с мясом⁸». По мнению В. Д. Будько, целые и обломанные кости мамонта, обнаруженные им в яме из раскопок 1963 г. в Елисеевичах, являлись остатками конструкции углубленного жилища⁹. Л. В. Греховой при раскопках елисеевических ям за остатки конструкций также принята основная часть костей мамонта (черепа, нижние челюсти, бивни, плоские кости, кости конечностей, ребра, позвонки)¹⁰.

Изучение вопроса о назначении ям, по существу, ограничивается приведенными мнениями, отражающими сложившиеся представления исследователей, но почти не содержащими определенных доводов. Учитывая сложность и неясность вопроса, при раскопках двух ям на Гонцовском поселении в 1979 г. особое внимание обращали на характер их заполнения, что, несмотря на первостепенное свое значение, отражено в печати наиболее слабо. Эти ямы, отмеченные И. Ф. Левицким под № 4 и 5, были обнаружены, вскрыты и засыпаны В. М. Щербаковским в 1916 г.¹¹ И. Ф. Левицкий произвел лишь осторожную расчистку ям для установления их контуров. У обеих сохранились не только днища, но и части стен, местами до верха. Однако в 1916 г. некоторые верхние кости, возможно, были сняты.

Яма № 4 располагалась в 2 м к востоку от костяного ограждения жилища¹², имела неправильную овальную форму и размеры 2,3×1,8×0,7 м (рис. 1). В ней встречены три черепа, половина нижней челюсти, пять костей конечностей, три целых и три половины бивня, лопатка и более мелкие и обломанные кости мамонта, кости оленя, волка, песца, зайца, байбака¹³. Изделия представлены землекопным инструментом из ребра мамонта, костяным шильцем и большим количеством кремня (235 экземпляров, включая 31 орудие), обусловленным близостью места его обработки.

Заполнение имело вид цельной нестратифицированной массы. Почти все крупные кости занимали положение, близкое к горизонтальному, перекрывая и чаще всего касаясь друг друга; книзу их становилось несколько меньше. В расположении крупных костей относительно друг друга и ямы не было закономерности, которая свидетельствовала бы о преднамеренной укладке костей. Кости средних и мелких животных

Рис. 1. Гонцы, 1979 г., Яма 4. Полная начальная расчистка. Вид с востока, сверху

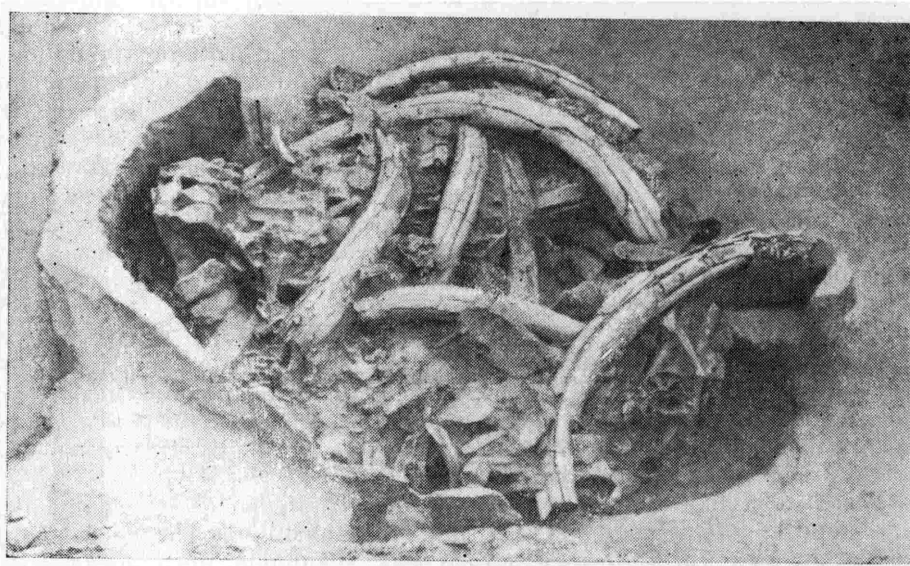

Рис. 2. Гонцы, 1979 г., Яма 5. Полная начальная расчистка после снятия двух верхних бивней и потревоженных в 1916 г. костей. Вид с востока, сверху

встречались в разных частях заполнения ямы. Участки нижней поверхности нескольких крупных костей облегал небольшие линзы песка. Песком, окрашенным суглинком в желтовато-серый цвет, были заполнены альвеолы и черепная губка большого черепа мамонта у южного края ямы. Костный уголь встречался относительно равномерно через 3—4 см зачистки, не образуя сплошных скоплений. В некоторых местах наблюдалась окраска заполнения золою в серый или темно-серый цвет на пространстве 10—40 см и до 5—10 см толщиной. Там сосредоточивались преимущественно кости средних и мелких животных. Эти зольные скопления производили впечатление кухонных выбросов. Вблизи дна толща темно-серой массы с различными костями залегала сплошь на основном пространстве.

Яма № 5 находилась в 1,5 м к юго-востоку от жилища и в 1 м к юго-западу от ямы № 4. Она имела округлую форму, поперечник 1,6—1,7 м, глубину 0,75 м и почти вертикальные стенки (рис. 2). В яме встречено много костей мамонта, в том числе 17 целых и крупных передних частей бивней, кости оленя, лошади, зайца, большой птицы, обломки костей. Найдено несколько кусочков гематита и 108 кремневых предметов (13 орудий). Кости залегали в яме плотно, составляя основной объем ее заполнения, которое в целом делилось на три яруса. Из них нижний и верхний характеризовались преобладанием бивней, средний — черепных костей мамонта. Но три бивня находились сразу во всех ярусах, один — в среднем. Учитывая естественный изгиб бивней, можно сказать, что они залегали в общем не круто. Переплетение бивней между собой и с другими костями было столь значительным, что некоторые бивни при расчистке пришлось снимать по частям. Кости средних и мелких животных имелись во всех ярусах, линз песка не встречено. Угли и зола присутствовали в меньшем количестве, чем в яме № 4. В двух местах в середине заполнения темно-серая зольная масса мощностью до 15—20 см ниспадала вглубь. Характер очажного выброса был достаточно явственным. Наиболее ярко он проявился в небольшом скоплении чистой углесто-зольной массы в северной части ямы.

В ярусности заполнения ямы № 5, казалось, отражался подбор костей. Однако в нижнем ярусе между бивнями лежало около 20 обломков черепных костей, обломков зубов, плоских и трубчатых костей мамонта, много костей средних и мелких животных, включая черепа, нижние челюсти, анатомические группы костей конечностей и т. п., т. е. утилизированные и ненужные предметы, сброшенные в яму. Этот характер заполнения сохранялся и выше, что подчеркивалось наличием яруса крупных обломков черепов мамонтов и углесто-зольных кухонных выбросов. Некоторая упорядоченность заполнения ямы могла возникнуть не вследствие намерения заготовить определенными костями, а в результате нескольких независимых хозяйственных операций на поселении, завершавшихся удалением в яму ненужных громоздких предметов. Целенаправленность действий проявилась в таком случае лишь в единовременном сбрасывании одинаковых костей. Заполнение ямы № 4 в еще большей мере хаотично.

Таким образом, если принять характер заполнения гонцовских ям как непосредственное свидетельство их назначения (а именно так и оценивались большие ямы), то получим еще один вариант назначения ям — использование их для свалки различных отбросов. Коснемся его несколько позже, а вначале кратко рассмотрим с только что отмеченных позиций варианты, предложенные в литературе.

Говоря о ямах с запасами мяса, П. П. Ефименко имел в виду ямы, наполненные множеством костей. Они составляют абсолютное большинство известных ям. В отношении их как хранилищ мяса убедительны приведенные негативные соображения И. Г. Шовкопляса¹⁴. К тому же невозможно уяснить причину, по которой на ряде палеолитических поселений мясо, предположительно заполнявшее большие ямы, так и осталось бы неиспользованным.

Для различных изделий и в качестве топлива употреблялись не все кости мамонта, а в первом случае — преимущественно бивни, во втором — кости конечностей. Поэтому при запасании костей в этих целях должен был производиться соответствующий отбор. Однако ям, наполненных однородными костями, не обнаружено. Отсутствуют сообщения и о наличии в ямах выразительных концентраций трубчатых костей. Но в некоторых ямах наряду с другими культурными остатками отмечены группы бивней, по мнению исследователей, специально отобранные. Так, согласно П. П. Ефименко, ямы XI и XII Костенок 1 служили для хранения бивней¹⁵. Однако их залегание не описано. Семь бивней и несколько крупных обломков в яме IV первого жилищно-хозяйственного комплекса Ме-

зинского поселения, судя по фотографии¹⁶, хотя и находились главным образом в одной стороне ямы, но не составляли компактного целого. Вероятно, довольно плотно располагались бивни в одной из ям Елисеевичей, поскольку известно, что на дне ее насчитывалось 20 небольших бивней¹⁷.

Таким образом, имеющиеся сведения не позволяют пока с уверенностью судить, производилось ли запасание бивней в ямах. Выразительные группировки бивней в ямах насчитываются единицами. Нужно также иметь в виду, что бивни как сырье для изделий должны были располагаться возле днищ ям и во всяком случае не в верхней части, где они подвергались выветриванию. Это еще более сокращает число концентраций бивней, которые можно было бы принять за специально отложенный поделочный материал.

Иначе обстоит дело с костями, пригодными в качестве строительного материала. Ввиду того что на постройки шли различные кости, при предполагаемом запасании в ямах они могли находиться в них без специальной группировки, вперемешку, что на первый взгляд соответствует обычно обнаруживаемой картине. Однако при наличии достаточно подробного описания ям, содержащих большое число крупных костей, оказывается, что характер их заполнения в принципе такой же, как и у гонцовских ям, — беспорядочное расположение крупных костей относительно друг друга, более мелких костей и обломков, смешение их с различным мусором¹⁸. То же касается, по-видимому, и более кратко описанных ям¹⁹. И хотя не исключено, что некоторые эпизодически встречающиеся группировки костей образовались в результате намеренной укладки, заполнения ям в целом приходится рассматривать как накопление мусора. Подобным же образом — для сваливания отбросов из жилища — определял П. П. Ефименко назначение ямы IV в Костенках 1²⁰, с которой по заполнению сходны ямы V, VII—X и, возможно, I²¹.

О бросовом характере крупных костей в изобилующих ими ямах свидетельствует и то, что поселения оставались после полного цикла использования. Кости, которые требовались при сооружении и ремонте жилищ и для других целей, уже были отобраны и употреблены. В ямах скапливались почти исключительно излишки, убранные туда, чтобы не загромождать площадь поселений. Словуно сказанному соображение П. П. Ефименко о заброшенности ряда костенковских ям (I—III, VI), значительная часть заполнения которых в отличие от большинства палеолитических ям почти не содержала культурных остатков²².

Из того обстоятельства, что подавляющая часть палеолитических ям, по-видимому, была использована для свалки мусора, нет оснований делать вывод, что в этом и состояло их единственное или даже главное назначение. Такое прямолинейное истолкование факта без учета общих особенностей хозяйственной деятельности населения, относительной долговременности рассматриваемых поселений и сложного формирования длительно функционировавших археологических объектов было бы методической ошибкой. В дошедшем виде ямы содержат полноту свидетельств лишь о заключительном этапе их использования. Частным подтверждением изначально иного, не свалочного назначения ям могут служить только что упомянутые ямы Костенок 1 с признаками заброшенности. Они составляют около половины ям поселения (кроме отмеченных П. П. Ефименко, вероятно, также и ямы XI, XII) — слишком много, чтобы считать их не использованными случайно.

С какой же целью выкапывались ямы? Вряд ли это делалось для хранения костей на постройки, хотя при сооружении жилищ на поселениях среднеднепровского типа кости могли использоваться и вскоре после доставки на поселение, и после накопления некоторой серии. В период сооружения жилищ, по-видимому, ничто не препятствовало хранению костей в наземных условиях, а освобождение костей от остатков мягких тканей и приобретение ими тем самым большей «гигиеничности» происходило на поверхности, естественно, быстрее.

Выкапывали ли ямы, чтобы хранить поделочные материалы? Для изделий использовалась лишь небольшая часть костей животных. Соотношение обработанных и нетронутых костей показывает, что на поселениях скапливался многократный избыток костного сырья. В основном оно было поставлено в условия интенсивного выветривания — брошено на поверхности, использовано во внешней части конструкции жилища. Поскольку свежий материал практически всегда был под рукой, более или менее длительно могли сохраняться лишь единичные кости и их группы. Возможно, некоторые из них клали в большие ямы. Но количество и объем ям несоразмерны с такими костями, чтобы считать ямы выкопанными для их хранения.

Как топливо кости широко использовались на различных поселениях с ямами и без ям. Специального хранения костей для сохранения их горючих свойств, по-видимому, не требовалось. Тем более не могли предназначаться ямы для накопления древесного топлива.

Четкая выраженность остатков жилищ на хорошо изученных поселениях среднеднепровского типа не оставляет сомнений в нежиллом использовании обнаруженных на них ям. На костенковско-авдеевских поселениях вопрос о жилищах недостаточно ясен; однако сходство краевых ям со среднеднепровскими по слишком небольшим для жилья размерам, а частично и по заполнению в последней стадии использования склоняет к заключению, что и их первоначальное назначение было иным.

Таким образом, имеются более или менее веские соображения, в соответствии с которыми большие ямы ни по своему назначению, ни по конечному использованию не были специально связаны с хранением костей для построек, изделий и топлива, а также не являлись жилыми помещениями. Хорошо документированные ямы (кроме заброшенных костенковских) свидетельствуют о том, что перед уходом людей с поселений ямы не служили и для запаса мяса, а заполнялись как свалки.

Крупные ямы, близкие по размерам, а часто и по форме к палеолитическим, широко бытовали у некоторых земледельческих и охотничье-собираТЕЛЬСКИХ народов в условиях умеренного и холодного климата. Они известны, например, на памятниках сравнительно небольшой древности — зарубинецких и раннесредневековых русских поселениях, где с разной степенью точности, но в общем довольно определенно устанавливается хранение в ямах зерна, рыбы, корнеплодов, мяса, молочных продуктов и пр.²³, т. е. ямы использовались для сбережения основных продуктов питания, получаемых в земледельческом хозяйстве. Подобное положение характерно и для охотников-собираТЕЛЕЙ. На поселениях северных приморских культур, включающих большие ямы и издавна ориентированных на массовую добычу зверя, в ямы помещали мясо (главным образом, китов и тюленей) на зимний, а нередко и летний период²⁴.

Учитывая эти данные, вряд ли возможно считать, что существование исторически более ранних, палеолитических ям связано с чем-то иным, кроме хранения основных продуктов питания охотничье-собираТЕЛЬСКОГО хозяйства, вероятно почти одного только мяса. Указать соответствующие прямые свидетельства не просто. В некоторых ямах, по-видимому, оставалось немного неиспользованного мяса, но требуется отличить относящиеся к нему кости от костей, наваленных впоследствии. Несколько большие возможности в этом плане как будто бы содержат заброшенные ямы с незначительными остатками на днищах.

Вполне вероятно, что яма служила в течение лишь одного года: вырывади до морозов, затем загружали мясом, запасы которого периодически пополняли, а с наступлением тепла заполняли отбросами, которые скапливались за зиму и позднее. В пользу сказанного в некоторой мере свидетельствует наличие в большинстве ям углей и золы. Значительная часть их должна была происходить из открытых очагов (и это нередко выясняется по топографии объектов), а очаги эти разводили, по всей вероятности, в переходный и теплый сезон. Также с безморозным периодом может быть связано образование песчаных линз в яме 4 Гонцов и

заплывание суглинком ряда мезинских ям с костями, после чего оставшиеся западины использовали под очаги²⁵. Заслуживает внимания и принадлежность черепов северных оленей со сброшенными рогами из описанных гонцовских ям самкам. Сбрасывание рогов самками оленя в настоящее время отмечается на рубеже мая — июня (яловыми важенками — в конце февраля — начале марта)²⁶. Черепа и другие кости оленя залегали в ямах от уровня над днищем до верха средней части заполнения, преимущественно ближе ко дну. Имелись ли они выше, достоверно судить нельзя. Однако заполнение описанных гонцовских ям в весеннее время достаточно определено, что не исключает небольших поступлений в смежные сезоны.

Если соображения о годовичном сроке службы отдельной ямы на среднеднепровских поселениях (либо на части поселений, или в определенных жилищно-хозяйственных комплексах) найдут дальнейшее подтверждение, количество ям явится важнейшим ключом к определению срока жизни поселений. Но для его применения необходимо еще выяснить, одна или несколько ям функционировали при жилище. Ввиду того что стратиграфически во многих случаях это неразрешимо из-за невыразительности культурного слоя или его залегания между ямами, важно также изучать размещение подбирающихся фрагментов различных предметов.

Установление количества ям, одновременно функционировавших в жилищно-хозяйственном комплексе, в свою очередь, имеет важный социологический аспект, поскольку откроется возможность выяснить, пользовались каждой ямой все обитатели жилища или при вероятном совместном проживании лишь отдельные семьи. Решение этого вопроса имеет и другой путь: изучение соотношения в жилищно-хозяйственных комплексах площади жилища, числа ям и внутренних и наружных очагов. Небольшой имеющийся у нас материал свидетельствует скорее о совместном пользовании ямами. У современных народов мясные ямы функционировали постоянно, и в более раннее время одна яма, по-видимому, служила одному домохозяйству, позднее — одной семье²⁷.

У этнографически и археологически наблюдавшихся мясных ям северных народов отмечено перекрытие, сооружавшееся с помощью костей животных (обычно кита), дерева, дерна²⁸. Перекрытие предполагается и у палеолитических ям²⁹. Учитывая необходимость защиты содержимого ям от осадков и хищников и практику широкого применения дерева, костей, земли при сооружении углубленных и наземных жилищ, данное предположение можно считать вполне оправданным. В заброшенных ямах остатки перекрытия, если они сохранились, естественнее видеть в соответствующих группах крупных костей, западающих в яму сверху или располагающихся в верхнем ярусе, если последние не являются наброской поверх заплывшей ямы. При использовании ямы под свалку кости перекрытия в основном могли попадать на ее днище или западать до днища вдоль стен.

Кроме ям-кладовых, в палеолите появились, должно быть, и первые более приспособленные в качестве хранилищ объекты — погреба. Путь к превращению ямы в погреб заключался, по-видимому, в переходе к повторному, а затем и постоянному ее использованию, в связи с чем и вырабатывается наиболее удобная для этого форма углубления и конструкция. Зброшенность ряда костенковских ям, возможно, как раз и свидетельствует о предназначении их для продолжительного использования. А яма IV, может быть, уже представляла собой простейшее подобие погреба. Она имела обычные размеры, но к ней примыкала западина в виде ступеньки, образовавшая, видимо, входную часть³⁰.

С большей вероятностью как о погребах можно говорить о двучленных углублениях у северной стены гагаринского жилища³¹. Меньшее из них, согласно наблюдениям Л. М. Тарасова, возможно, не было простым хранилищем³². Начало выработки погреба на костенковско-авдеевских

поселениях в общем плане подкрепляется широко развитым на них земляночным строительством.

Благодаря большому удобству в ямы-погребя складывалось, должно быть, не только мясо, но и другие продукты и вещи. Для каких-то текущих целей в них могли зажигать жировые лампы или очажки. Не исключено, например, что таким погребом с очажком была небольшая яма-землянка на поселении Павлов, которая считается жилую³³.

Части туш животных вряд ли накладывали в ямы и погребя как попало: свежее мясо смерзлось бы с уже сложенным, и стоило бы большого труда воспользоваться каким-либо куском. Этнографами зафиксировано расчленение туш на удобные для использования части и замораживание их до помещения в ямы, иногда в обертке из шкур³⁴. Подобный способ запасаения мяса в ямах, вероятно с предварительным замораживанием, как представляется, по необходимости должен был выработаться еще в палеолите.

На некоторых поселениях среднеднепровского типа (Юдиново 1, Супонево, Костенки 2) хозяйственных ям пока не обнаружено и, возможно, не имелось. Несомненно отсутствовали они на многих других, в том числе и относительно долговременных, поселениях. Не использовались ли на них иные способы консервации мяса? По этнографическим данным, на севере после замораживания более широко были распространены квашение и вяление. Но квашение и употребление его продуктов производились в теплое время года, а вяление ограничивалось коротким весенним периодом до появления массы мух и создавало не очень большой резерв питания, главным образом на лето и осень³⁵. Сомнительно, чтобы эти способы консервации могли играть решающую роль в обеспечении скудного сезона при менее развитом палеолитическом хозяйстве, в особенности у общин, добывавших главным образом мамонта.

По-видимому, и на относительно долговременных поселениях без ям основным способом консервации мяса было замораживание. Но храниться мясо могло, как и у некоторых современных охотников-собираателей, в иных, специальных или сделанных по случаю хранилищах, отчасти, возможно, и вне поселений: в небольшом наземном помещении, пристройке к жилищу, под наброской из камней или крупных костей и дерна, в подходящей части пещеры и т. п.

¹ *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Л., 1938, с. 451.

² *Левицкий И. Ф.* Гонцівська палеолітична стоянка. — В кн.: Палеоліт і неоліт України. Київ, 1947, т. 1, с. 228—230.

³ *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953, с. 429.

⁴ *Ефименко П. П.* Костенки 1. М.; Л., 1958, с. 44, 45, 203.

⁵ *Рогачев А. Н.* Палеолитические жилища и поселения. — В кн.: Каменный век на территории СССР. — МИА, 1970, № 166, с. 72, 76.

⁶ *Рогачев А. Н.* Об ановсовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине. — КСИА, 1962, вып. 92, с. 17.

⁷ *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965, с. 89.

⁸ *Шовкопляс И. Г.* Добраниячевская стоянка на Киевщине: (Некоторые итоги исследования). — МИА, 1972, № 185, с. 187.

⁹ *Будько В. Д.* Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение. — Докл. АН БССР, 1965, т. 9, № 10, с. 705.

¹⁰ *Грехова Л. В.* Раскопки в Елисеевичах. — АО 1976 г. М., 1977, с. 48.

¹¹ Материалы раскопок не публиковались, документация сохранилась частично.

¹² *Сергин В. Я.* Раскопки жилища на Гонцовском палеолитическом поселении. — КСИА, 1981, вып. 165.

¹³ Определение Н. Л. Корниец и Н. Г. Тимченко.

¹⁴ Следует, однако, заметить, что П. П. Ефименко не писал о хранении в каких-либо ямах только мяса.

¹⁵ *Ефименко П. П.* Костенки 1, с. 203.

¹⁶ *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка, рис. 46.

¹⁷ *Грехова Л. В.* Работа Деснинской экспедиции Гос. Исторического музея. — АО 1970 г. М., 1971, с. 47.

¹⁸ *Шовкопляс И. Г.* Добраниячевская палеолитическая стоянка: (Предварительное сообщение). — КСИИМФ, 1955, вып. 59, с. 35—37; *Он же.* Добраниячевская стоянка..., с. 177—182; *Он же.* Мезинская стоянка, с. 83—92; *Рогачев А. Н.* Об ановсовско-мезинском типе..., рис. 1; *Он же.* Палеолитические жилища..., с. 76, рис. 6, 7.

¹⁹ *Шовкопляс И. Г.* Палеолитична стоянка Радомішль. — Археологія, 1964, т. 16, с. 95; *Будько В. Д.* Елисеевичское

- верхнепалеолитическое поселение, с. 705; Заметки Греховой Л. В. в Археологических открытиях за 1970, 1974, 1976 гг. (М., 1971, 1975, 1977).
- ²⁰ *Ефименко П. П.* Костенки 1, с. 94.
- ²¹ Там же, с. 45—184.
- ²² Там же, с. 45—69, 159, 160.
- ²³ *Третьяков П. Н.* Древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. в верхнем и среднем Подесенье. — В кн.: Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974, с. 63.
- ²⁴ *Васильевский Р. С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971, с. 147, 159; *Руденко С. И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.; Л., 1947, с. 34, 35, 39, 41, 44, 55 и др.; *The Alaskan Eskimos. As described in the posthumous notes of Dr. Knud Rasmussen.* Copenhagen, 1952, p. 44; *Spencer R. F.* The North Alaskan Eskimo: A study in ecology and sociology. Washington, 1959, p. 60, 374; *Vanstone J. W.* Point Hope. Eskimo village in transition. Washington, 1962, p. 30; *Eidlitz K.* Food and emergency food in the circumpolar area. Uppsala, 1969, p. 107.
- ²⁵ *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка, с. 90, 91.
- ²⁶ *Баскин Л. М.* Северный олень: Экология и поведение. М., 1970, рис. 20.
- ²⁷ *Руденко С. И.* Древняя культура..., с. 104, 108; *Spencer R. F.* Op. cit., p. 60; *Vanstone J. W.* Op. cit., p. 30.
- ²⁸ *Spencer R. F.* Op. cit., p. 60; *Vanstone J. W.* Op. cit., pl. 111-B; *Васильевский Р. С.* Происхождение..., с. 54.
- ²⁹ *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953, с. 429. *Рогачев А. Н.* Палеолитические жилища..., с. 72.
- ³⁰ *Ефименко П. П.* Костенки 1, с. 92—94.
- ³¹ *Гарасов Л. М.* Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Восточной Европы. Л., 1979, с. 55, 56.
- ³² Там же, с. 56.
- ³³ *Клима Б.* Малая полуземлянка на палеолитической стоянке Павлов в Чехословакии. — В кн.: Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977.
- ³⁴ Сведения сообщены этнографом И. И. Крупником. Благодаря его за них и возможность ознакомиться с полевыми записями, касающимися мясных ям азиатских эскимосов. Записи отражают также многолетнее использование ям, наличие у них перекрытия.
- ³⁵ *Eidlitz K.* Op. cit., p. 107—109.

В. А. АЛЕКШИН

ОБ АБСОЛЮТНОЙ И ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ХРОНОЛОГИИ ДНЕПРОВСКИХ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ МОГИЛЬНИКОВ

В начале 50-х годов близ Днепропетровска были исследованы три могильника каменного века (один у с. Волошского и два у с. Васильевка).

По кремневым наконечникам стрел, обнаруженным в нескольких погребениях, Волошский могильник датирован финальной стадией позднего палеолита, I и III Васильевские могильники — эпохой мезолита¹. В последней по времени работе, посвященной анализу кремневых наконечников стрел из упомянутых могильников, Волошский и скорченные захоронения III Васильевского могильника отнесены к позднему палеолиту, вытянутые захоронения III Васильевского могильника и I Васильевского могильника — к позднему мезолиту².

В захоронениях трех упомянутых могильников погребальный инвентарь отсутствует, кроме нескольких кремневых микролитов. Кремневые микролиты, найденные в ряде могил, повреждены в результате их использования в качестве наконечников стрел. Ими убиты многие из погребенных в этих могильниках³. Таким образом, использование кремневых наконечников стрел в качестве главного аргумента для датировки днепровских могильников представляется неправомерным.

А. Д. Столяр, указав на аморфный и невыразительный характер кремня, найденного в могилах, использовал для датировки могильников их погребальные обряды, которые отличаются от обрядов неолита. На этом основании А. Д. Столяр отнес могильники к эпохе мезолита⁴.

Разделяя точки зрения А. Д. Столяра, отмечу два обстоятельства: 1. Для эпохи палеолита могильники неизвестны. Они появляются в Европе сравнительно поздно — в мезолите. Самый ранний из них — могильник Муото до Себастьяно (Португалия) — датируется второй половиной

VI тысячелетия до н. э.⁵ Повсеместное появление могильников в Европе фиксируется с V тысячелетия до н. э.: Тевбек, Оедик (Франция), Бегебаккен (Дания), Звейниекы (СССР)⁶. Аналогии, которые I Васильевский могильник имеет с могильниками Западной и Северной Европы и о которых будет сказано ниже, дают основание датировать его V тысячелетием до н. э. А. Д. Столяр предлагает эту же дату для всех трех могильников⁷. 2. Погребальные обряды днепровских могильников отличаются от погребальных обрядов неолита Украины. Следовательно, эти могильники более ранние.

Д. Я. Телегин, анализируя кремневые наконечники стрел, дал следующую схему относительной хронологии днепровских могильников: Волошский — I Васильевский — III Васильевский⁸. А. Д. Столяр, используя развитие ряда элементов погребальных обрядов (степень скорченности костяков, соотношение скорченных и вытянутых скелетов по каждому могильнику), дал иную схему: I Васильевский — Волошский — III Васильевский⁹. Он считает, что вытянутые погребения более поздние, чем скорченные. С. А. Дворянинов датирует скорченные погребения днепровских могильников поздним палеолитом, вытянутые — поздним мезолитом. Вследствие этого III Васильевский могильник оказывается разорванным на две части, принадлежавшие различным археологическим эпохам¹⁰.

Между тем нет никаких оснований считать позу умершего (вытянутая на спине, скорченная на боку) или степень скорченности трупа надежным хронологическим показателем. Обе позы, впрочем, как и различная степень скорченности, появляются еще в эпоху палеолита и сосуществуют в течение тысячелетий. Недостаток методики А. Д. Столяра заключается также и в том, что при определении относительной хронологии днепровских могильников он использовал лишь отдельные детали погребального обряда, не рассматривая всей его системы в целом.

Определение относительной хронологии днепровских могильников требует предварительной реконструкции стандартного погребального обряда (т. е. сочетания устойчиво повторяющихся признаков) для каждого могильника.

Волошский могильник дал 18 погребений (6 мужчин, 3 женщины, 1 ребенок и 9 костяков, пол и возраст которых не установлены)¹¹. Умерших хоронили на специально расчищенных для этого площадках, расположенных на поверхности земли. Погребенные лежали на правом боку в скорченном положении (14 случаев из 18), головой на юго-восток (16 случаев из 18), лицо обращено на восток (14 случаев из 18), кисти рук, согнутые в локтях, находятся возле лицевых костей (11 случаев из 18). Погребальный инвентарь отсутствует. Для могильника характерны одиночные захоронения.

III Васильевский могильник дал 36 могил (17 мужчин, 6 женщин, 12 детей и 10 взрослых, пол и возраст которых не определены)¹². Погребальные сооружения по конструкции аналогичны сооружениям Волошского могильника. Умершие лежат на правом боку в скорченном положении (24 случая из 41), головой на юг (29 случаев из 44), лицо обращено на восток (20 случаев из 37), кисти рук, согнутые в локтях, находятся возле лица (25 случаев из 30). Погребальный инвентарь в могилах отсутствует (43 случая из 45). Для могильника характерны одиночные захоронения. В трех тройных одновременных захоронениях (12, 37, 38; 31, 32, 33; 34, 35, 36) и двух двойных захоронениях (5, 6; 18, 19) похоронены погибшие насильственной смертью, судя по стрелам, найденным в их могилах. В связи с этим данную особенность III Васильевского могильника нельзя рассматривать как черту, присущую стандартному погребальному обряду.

Захоронения I Васильевского могильника располагались на значительном расстоянии друг от друга, а иногда образовывали компактные группы. Всего насчитывается пять таких групп: I группа — захоронения 1, 2, 2а, 3, 8. Это коллективное разновременное захоронение. II группа —

захоронения 11, 12, 15, 16. Это также коллективная разновременная могила. III группа — захоронения 10, 19, 20. По всей вероятности, это разновременное тройное захоронение. IV группа — парное одновременное захоронение 18 и 18а. V группа — парное разновременное захоронение 21 и 21а. Всего в I Васильевском могильнике раскопано 14 могил: 9 одиночных, 3 коллективные, 2 парные (18 мужчин, 3 женщины, 1 ребенок и 3 взрослых, пол и возраст которых не определены)¹³.

Погребальные сооружения I Васильевского могильника имеют конструкцию, аналогичную сооружениям Волошского могильника. Умершие лежат на правом боку в скорченном положении (15 случаев из 22), головой на восток (21 случай из 23), лицо обращено на север (15 случаев из 22), кисти рук, согнутых в локтях, находятся перед лицом (17 случаев из 17). Погребального инвентаря в могилах нет (14 случаев из 19). В захоронениях найдена красная краска (11 случаев из 23). Для могильника характерно наличие коллективных и парных захоронений, в которых лежало 16 из 25 скелетов.

Сравнение стандартных погребальных обрядов позволяет установить черты их сходства и различия (см. таблицу).

В I Васильевском могильнике умершие ориентированы головой на восток, лицо обращено на север. В Волошском и III Васильевском могильниках умершие лежат головой на юг, лицо обращено на восток. Для I Васильевского могильника характерны коллективные захоронения и красная краска в могилах как устойчивые черты стандартного погребального обряда. В Волошском и III Васильевском могильнике этого нет. Красная краска в могилах III Васильевского могильника (преимущественно детских) — отклонение от стандартного погребального обряда.

Волошский и III Васильевский могильники имеют идентичные стандартные погребальные обряды. Вследствие этого можно утверждать, что Волошский и III Васильевский могильники синхронны и, вероятно, относятся к одной археологической культуре.

Следовательно, хронологическая схема Д. Я. Телегина требует корректировки, поскольку, согласно ей, могильники с одинаковыми стандартными погребальными обрядами оказываются принадлежащими к различным хронологическим этапам. Более точной оказывается схема относительной хронологии днепровских могильников, предложенная С. А. Дворяниновым, который синхронизирует Волошский и III Васильевский могильники, хотя и по другим мотивам. Однако схема С. А. Дворянинова сомнительна из-за его попытки оторвать вытянутые захоронения III Васильевского могильника от скорченных захоронений этого же могильника. Вытянутые захоронения являются братскими могилами убитых, при похоронах которых, очевидно в соответствии с причиной их смерти, допущен ряд отклонений от стандартного обряда.

Подлежит корректировке и схема А. Д. Столяра. Совершенно очевидно, что исследователи, устанавливая разновременность Волошского и

Стандартные погребальные обряды
днепровских мезолитических могильников

Могильник	Отсутствие могильных ям	Скорченное положение умерших на правом боку	Южная ориентировка умерших	Восточная ориентировка умерших	Лицо повернуто на восток	Лицо повернуто на север	Руки, согнутые в локтях у лица	Отсутствие погребального инвентаря	Охра	Одиночные захоронения	Коллективные захоронения
Волошский	+	+	+		+		+	+		+	
III Васильевский могильник	+	+	+		+		+	+		+	
I Васильевский могильник	+	+		+		+	+	+	+		+

III Васильевского могильников, принимали различия культурологического характера за различия хронологические.

Сложнее определить хронологическую позицию I Васильевского могильника по отношению к другим. Прямых данных для решения этого вопроса пока нет.

Косвенным доказательством того, что I и III Васильевские могильники разновременны, является локализация их на местности. Они расположены в 600 м один от другого¹⁴. Вряд ли два могильника функционировали одновременно практически в одном месте. Другой аргумент позволяет предполагать инокультурную принадлежность I Васильевского могильника.

Для эпохи позднего мезолита выделяются две культурные зоны, в каждой из которых погребальные обряды имеют ряд специфических черт. Первая зона включает страны Западной, Центральной и Северной Европы. Для погребальных обрядов этого региона характерно расположение могильников на поселениях, наличие коллективных могил, погребальный инвентарь в захоронениях, красная краска в могилах.

Вторая зона включает Восточную Европу (Волошский и III Васильевский могильники). Для погребальных обрядов этого региона характерны могильники вне поселений, отсутствие коллективных могил, погребального инвентаря и красной краски в могилах. Особое положение в этой зоне занимает I Васильевский могильник, для которого характерны некоторые черты обряда, имеющие аналогии в первой культурной зоне: наличие коллективных захоронений и красная краска в могилах (см. таблицу). Эти аналогии позволяют предположить, что население, оставившее I Васильевский могильник, было пришлым на Днепре.

Следовательно, I Васильевский могильник несколько позднее синхронных Волошского и III Васильевского могильников и оставлен пришлым инокультурным населением. В связи с этим дату V тысячелетия до н. э., предложенную для I Васильевского могильника, можно перенести и на остальные днепровские могильники эпохи мезолита, согласившись тем самым с абсолютной датировкой А. Д. Столяра.

¹ Даниленко В. Н. Волошский эппалеолитический могильник: (Предварительное сообщение) — СЭ, 1955, № 3, с. 61; Телегин Д. Я. Васильевский третий некрополь в Надпорижжі. — Археологія, 1961, т. 13, с. 10.

² Дворянинов С. А. О днепровских могильниках каменного века. — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 10.

³ Даниленко В. Н. Указ. соч., с. 57—59; Столяр А. Д. Первый Васильевский мезолитический могильник. — АСГЭ, 1959, вып. 1, с. 98—100, 106—107; Телегин Д. Я. Указ. соч., с. 5, 14—15, 18.

⁴ Столяр А. Д. Указ. соч., с. 125—136.

⁵ Newell R. B. *Constandse-Westermann T. S., Meihlejohn Ch. The Skeletal Remains of Mesolithic Man in Western Europe: an Evaluative Catalogue.* — *J. Human Evolution*, 1979, vol. 8, N 1, p. 151.

⁶ Vallois H. V. de Felice S. *Les Mésolithiques de France* — AIPH, 1977, vol. 37, p. 3; Albrehtsen S. E., Petersen E. B.

Excavation of a Mesolithic Cemetery of Vedbaek, Denmark. — *Ac. Arch.*, 1976, vol. 47, p. 26; *Zagorskis F. Zvejnieku Akmens Laikumenta Kapulanka Apbedijumu Tipologija un Hronologija.* — *Arch. un etnogr.*, 1974, t. 11, p. 7—24.

⁷ Столяр А. Д. Указ. соч., с. 152.

⁸ Телегин Д. Я. Указ. соч., с. 10.

⁹ Столяр А. Д. Указ. соч., с. 129—132.

¹⁰ Дворянинов С. А. Указ. соч., с. 10.

¹¹ Даниленко В. Н. Указ. соч., с. 57—59; Дебец Г. Ф. Череп из эппалеолитического могильника у с. Волошского: (Предварительное сообщение). — СЭ, 1958, № 3, с. 70.

¹² Телегин Д. Я. Указ. соч., с. 12—19; Голман И. И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита. М., 1966, с. 79.

¹³ Столяр А. Д. Указ. соч., с. 79—110; Кондукторова Т. С. Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I. — Сов. антр., 1957, № 2, с. 190—199.

¹⁴ Столяр А. Д. Указ. соч., с. 159.

ТИПЫ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ НЕОЛИТА — РАННЕГО МЕТАЛЛА НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР

Древние поселения — важный источник для изучения истории древнего общества. В современной археологической литературе имеется много определений самого термина «поселение». К сожалению, обычно это касается обществ и культур с более высоким уровнем хозяйственного и социального развития, чем культуры эпох неолита — раннего металла лесной полосы европейской части СССР. Поэтому мы не можем руководствоваться теми признаками, которые, например, выдвигает В. М. Массон¹, а именно: размеры поселения, планировка, наличие «публичных зданий» и производственных центров и укреплений. На поселениях эпохи неолита — раннего металла изучаемой территории никогда не встречались укрепления, нигде не было зафиксировано построек общественного назначения, обычно не выделены производственные центры, мало сведений для определения размеров поселения и соотносительной планировки зданий. Для изучаемых поселений мы можем принять более общее определение этого термина, предложенное В. М. Массоном². В. М. Массон выдвигает лишь два непреложных признака для характеристики поселения: «наличие культурного слоя, свидетельствующего, что жизнь на этом месте длилась более одного сезона», и «наличие остатков тех или иных строений». В соответствии с этим поселениями можно считать только те стоянки эпох неолита — раннего металла на территории лесной зоны европейской части СССР, где зафиксированы достаточно мощный культурный слой и остатки построек.

Все поселения эпохи неолита этой зоны имеют много общих черт, которые объясняются тем, что на протяжении всей эпохи хозяйство основывалось на охоте и рыболовстве с какой-то долей собирательства, т. е. на этой территории в эпоху неолита господствовала присваивающая форма хозяйства. Стоянки и поселения располагались на берегах рек и озер; на берегах крупных рек обычно располагались небольшие стоянки типа временных стойбищ, постоянные же поселения обычно находились на берегах небольших притоков крупных рек и на берегах небольших озер. Исследования последних лет³ показали, что в эпоху неолита вся лесная зона европейской части была интенсивно, хотя и неравномерно, заселена.

В данной работе использованы все имеющиеся в настоящее время в археологической литературе сведения о поселениях эпохи неолита и раннего металла в лесной зоне европейской части СССР. Уже для раннего неолита можно в настоящее время выделить три типа поселений. Поселения первого типа, которые мы можем условно назвать малыми поселениями, состояли из одного или двух жилищ и имели сезонный характер. Для раннего неолита этот тип поселений известен только на территории культур с ямочно-гребенчатой керамикой (стоянки Малое Окулово⁴, Сонино и Садовый Бор на р. Теше⁵, на каждой из которых вскрыто по одной землянке).

Ко второму типу поселений мы отнесли поселения, где вскрыто несколько жилых помещений, условно называемые «большие поселения». К этому же типу относится самое раннее неолитическое поселение на Русской равнине Романово I, раскопанное Л. В. Кольцовым⁶ в верховьях Западной Двины и состоящее из трех жилищ площадью 21—22 кв. м, соединенных с озером деревянным помостом. Исследователь относит это поселение к верхневолжской культуре и датирует V—началом IV тысячелетия до н. э. К этому типу поселений в эпоху раннего

неолита можно отнести также стоянки Суна 1⁷ и Вига́й-Наволо́к 1⁸ в Карелии. На стоянке Суна 1 А. Я. Брюсовым в 1929 г. была раскопана одна землянка подчетыреугольной формы небольшой площади (15 кв. м). Г. А. Панкрушев полагает, что на поселении было три-четыре таких жилища, располагавшихся в одну линию вдоль берега реки. На поселении Вига́й-Наволо́к 1 раскопано семь неолитических жилищ разной площади (12—60 кв. м). Несколько условно к этому же типу поселений можно отнести поселение Кубенино, хотя М. Е. Фосс определила там как жилище лишь одну круглую землянку. Но нам кажется, что в зафиксированных М. Е. Фосс⁹ крупных очагах и столбовых ямах вокруг них можно видеть очертания построек какого-то другого типа. Сама М. Е. Фосс предполагала здесь наличие шалашеобразного жилища. К типу больших поселений относятся поселения эпохи раннего неолита, раскопанные в Прибалтике. Это Сарнате¹⁰, Скаруляй, Версминис¹¹.

К третьему типу поселений относятся поселения, состоящие из одного большого дома, в котором, видимо, жили все члены обитавшего на стоянке родового объединения. Для раннего неолита можно выделить два таких поселения. Это Сахтыш 1, где вскрыто одно большое жилище площадью около 200 кв. м¹², и Андозеро 11¹³, на котором зафиксировано одно жилище, почти наземное, площадью около 60 кв. м. Подобные поселения, состоящие из одного большого дома, достаточно известны в археологии и этнографии. Таков дом площадью 300 кв. м на неолитическом поселении Джанбас-Кала IV и дом площадью 380 кв. м в Кават VII, таковы дома кельтеминарского неолита в Хорезме. Эти дома-поселения существовали и в более поздние этапы неолита.

Для эпохи развитого неолита известны поселения всех трех типов. К малым поселениям относятся Льяловское (по данным А. Я. Брюсова¹⁴, который в 1951 г. обнаружил в виде настила из коры два «своеобразных домика»), поселение на р. Яне¹⁵, у деревни Желнино¹⁶. Для Карелии это поселения типа Лахта I и Кудума X¹⁷. На территории волго-камской культуры можно выделить лишь одно малое поселение — I Черномазинское¹⁸, где было вскрыто два небольших жилища прямоугольной формы.

К среднему неолиту относится единственное малое поселение, известное в Прибалтике. Это Нарва-Рейгикюла I, раскопанное Н. Н. Гуриной и состоящее из двух овальных в плане полуземлянок.

Ко второму типу поселений в эпоху развитого неолита с ямочно-гребенчатой керамикой можно отнести поселение Федоровское, раскопанное А. Я. Брюсовым¹⁹, где он обнаружил три расположенные рядом одна с другой круглые землянки. С некоторым колебанием мы включаем сюда поселение на Балахнинской стоянке, где была вскрыта одна круглая землянка малого размера, но, по свидетельству ранее работавшего там В. Каменского, на территории стоянки видно более 20 западин от подобных жилищ²⁰. К таким же поселениям относится V Удельно-Шумецкое и III Обсерваторское близ Казани²¹. В Прибалтике исследованы большие поселения Сарнате (поселение с ямочно-гребенчатой керамикой), Квaпаны II, Звидзвиенаскрогс и др.

К третьему типу поселений в эпоху развитого неолита можно отнести знаменитое Саконовское поселение²², где раскопано жилище площадью 190 кв. м, разделенное на несколько частей. Сюда же относятся поселения волго-камской культуры на стоянках Лебединская II²³ и Хуторская²⁴.

В эпоху позднего неолита продолжают бытовать те же типы поселений, среди которых известны поселения Языково²⁵, Дубровичи²⁶, Пегрема V²⁷, Вис I²⁸ и Вис II, относящиеся к малым поселениям, а такие, как Пога I (в котором раскопано одно жилище, но есть более 20 западин от таких же жилищ), Усть-Валдайка II²⁹, Кайлудское II³⁰, можно отнести к большим поселениям. В Прибалтике к этому времени можно отнести поселения Абора I, Лагажа, Звейсалас, Эйни и Малмута³¹. Как на территории культур с ямочно-гребенчатой керамикой (Ибердус I³² и Эньты I³³), так и на территории волго-камской культуры продолжают

бытовать поселения третьего типа (Давлеканово³⁴, Карабалаклы³⁵, Чернашка³⁶ и др.).

Что касается количества жителей на поселениях, то мы считаем максимальным для поселения большого типа 150—160 человек (поселение Сарнате, Л. В. Ванкина), обычным для северной зоны 50—60 человек (поселение Вигаи-Наволоки 1, Г. А. Панкрушев), минимальным 20—25 человек (поселение Суна I, Г. А. Панкрушев). Поэтому поселения малого типа, где не мог, судя по количеству жилищ, жить постоянно минимальный для поселения коллектив, мы относим к поселениям временного или сезонного характера. На поселениях третьего типа в сравнительно небольших домах (на стоянках Хуторская I, Андозеро II, II Лебединская, Ибердус I и др.) можно предполагать коллектив 20—25 человек, в домах большого размера (на стоянках Сахтыш, Саконово) могло жить 50—60 человек.

Таким образом в настоящее время мы можем сказать, что в эпоху неолита на территории лесной зоны существовало три типа поселений — малые, большие и поселения, состоящие из одного большого дома. Причем первый и третий типы обнаружены только на территории культур с ямочно-гребенчатой керамикой и волго-камской культуры. Второй же тип встречался на этой территории, но более характерным и преимущественным был на территории Прибалтики, где к концу неолита стал близок к поселениям, характерным для культур с линейно-ленточной керамикой.

В эпоху раннего металла на территории лесной зоны появились новые жители — носители волосовской и турбинской культур, для которых характерен новый тип поселения. Для территорий, занятых волосовскими и турбинскими племенами, характерно очень значительное увеличение плотности населения по сравнению с эпохой неолита, о чем можно судить по обилию стоянок, характеризующих эти культуры. Сейчас известно несколько больших группировок стоянок волосовской культуры — на Нижней Оке, Волго-Окском междуречье, Средней Волге, Верхней Волге и т. д. Они несколько отличаются одна от другой по материалу и времени обитания, но тип поселения везде один и тот же — это поселения размером 1500—3000 кв. м, располагавшиеся на краях луговых террас или на краях небольших водоемов в некотором удалении от крупных рек, с одним и тем же типом жилища — полуземлянками или почти наземным типом строений столбовой конструкции прямоугольных очертаний, часто соединенных между собой. Соединениями служили глубокие и, видимо, крытые переходы постоянного типа. Количество жилищ было разным — от одного (Подборица Щербининская³⁷) до 16 (на Ахмыловском II поселении³⁸), в основном же, видимо, по четыре — семь жилищ. Весь тип поселения говорит о том, что произошли какие-то сдвиги социального и хозяйственного порядка. Все поселение, видимо, составляло устойчивую общность людей, имеющую в своей основе какое-то родовое начало. В то же время наличие выделение меньшего коллектива, обитавшего в одном доме. Обычно площадь жилищ от 40—50 до 80—100 кв. м, и можно предполагать, что это соединение небольшого числа кровных родственников типа большой семьи, исчислявшейся в 16—20 человек. Тогда мы можем считать, что на обычном волосовском поселении жило 70—250 человек.

Очень сходны с волосовскими поселения турбинской культуры³⁹. Были поселения небольшие, как Смолокуренное и Выстелишна, состоящие из трех небольших помещений; были такие гиганты, как Бор I, где одновременно жили в 23 жилищах. Отличие турбинских поселений от волосовских состоит в том, что на турбинских встречаются огромные длинные дома (Бор V), в которых наряду с четырьмя обычными попарно соединенными жилищами существовало три длинных дома площадью 130, 90 и 70 кв. м. Не исключено, что некоторые турбинские поселения состояли из одного большого дома; так, на стоянке Бор VI О. Н. Бадером было раскопано жилище площадью более 200 кв. м, прямоугольной вытя-

пудой. формы, с множеством очагов; оно было единственным на поселении.

В настоящее время на севере лесной зоны европейской части СССР раскопано множество поселений, которые по характеру материала относятся авторами к турбинской культуре. Это поселения Галово II на р. Ижме⁴⁰, Юртик на средней Вятке⁴¹, Ниремка I на р. Выми⁴², Чужьяель и Опче на р. Мезени⁴³, Ильинский Остров на юге Архангельской области⁴⁴. Везде здесь вскрыты жилища, близкие к турбинским. Но тип поселений иной. Здесь нет характерной для турбинских поселений замкнутости планировки и соединения жилищ. Они более подходят к тому типу больших поселений, который мы выделили для этой территории в эпоху неолита. Эти поселения характерны для эпохи палеометалла тех районов лесной зоны, в которые не проникли носители волосовской культуры и в которых, видимо, жили потомки тех, кто обитал на этих местах в эпоху неолита. В первую очередь это относится к Карелии, где раскопаны такие большие поселения эпохи палеометалла, как неолитический слой Вига́й-Наволо́к 1⁴⁵, Илекса I, Пегрема I—III, VII⁴⁶. Встречались на этой территории и поселения малого типа — такие, как Вой-Наволо́к 9 и Оров-Наволо́к, раскопанные Н. Н. Гуриной⁴⁷. На территории Прибалтики в это время бытовали большие поселения типа Аборы I и Лагажи⁴⁸.

Таким образом, для эпохи энеолита мы можем выделить несколько типов поселений. Некоторые из них близки к неолитическим. Это малые поселения сезонного или временного характера (Вига́й-Наволо́к 9), большие поселения (Вига́й-Наволо́к 1, Пегрема I, Ильинский Остров), поселения прибалтийские типа Аборы и Лагажи, а также поселения, состоящие из одного дома (Боровое озеро VI). Пятым типом поселения можно считать мало исследованные до сих пор свайные поселения — такие, как поселение, раскопанное А. Я. Брюсовым на р. Модлоне⁴⁹. Шестым и основным для эпохи энеолита на этой территории мы считаем тип поселения, связанный с волосовско-турбинской этнокультурной общностью и характерный только для нее. Существование этого типа поселения свидетельствует как о новом населении, так и о больших сдвигах в области социально-общественного и, вероятно, хозяйственного развития населения лесной зоны в эпоху раннего металла.

¹ *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. М.; Л., 1976, с. 127.

² Там же, с. 128.

³ *Гурина Н. Н.* Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР. — МИА, 1970, № 166, с. 135.

⁴ *Воеводский М. В., Збруева А. В.* Малокуловская неолитическая стоянка. — КСИИМК, 1950, № 31.

⁵ *Селезнев Ф. Я.* Стоянки на р. Теше: Приокские древнейшие поселения. — Тр. Владимир. губ. музея, 1928, вып. 3.

⁶ *Кольцов Л. В.* Работы в Калининской и Ярославской областях. — АО, 1974 г. М., 1975, с. 60—61.

⁷ *Брюсов А. Я.* Сунские стоянки. — В кн.: Археологический сборник научно-исследовательского института КФССР. Петрозаводск, 1947; *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. М.; Л., 1978. Т. 1, 2.

⁸ *Панкрушев Г. А., Журавлев А. П.* Стоянка Вига́й-Наволо́к 1. — В кн.: Новые памятники истории Древней Карелии. М.; Л., 1966, с. 152—163.

⁹ *Фосс М. Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР. — МИА, 1952, № 29, с. 212—215.

¹⁰ *Ванкина Л. В.* Торфяниковая стоянка Сарнаге. Рига, 1970.

¹¹ *Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.

¹² *Крайнов Д. А.* Результаты работ Верхне-Волжской экспедиции. — АО, 1977 г. М., 1978, с. 66—67.

¹³ *Ошибкина С. В.* Неолит Восточного Прионежья. М., 1978, с. 42—47.

¹⁴ *Брюсов А. Я.* Льяловская стоянка на р. Клязьме в Московской обл. — СА, 1960, № 3, с. 217—283.

¹⁵ *Крижевская Л. Я.* Неолитическая стоянка на р. Яне. — КСИИМК, 1940, № 8, с. 102—105.

¹⁶ *Цветкова И. К.* Стоянки Балахнинской культуры. — МИА, № 110, с. 78—79.

¹⁷ *Панкрушев Г. Е.* Мезолит и неолит Карелии, т. 2, с. 46.

¹⁸ *Халиков А. Х.* Неолитические племена Среднего Поволжья. — МИА, 1973, № 172, с. 114.

¹⁹ *Брюсов А. Я.* Федоровская стоянка. — ТСА РАНИОН, 1928, т. 2.

²⁰ *Жуков Б. С.* Неолитическая дюнная стоянка близ Балахны. — РАЖ, 1922, № 12, вып. 1/2, с. 110—117.

- ²¹ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 101—102.
- ²² Алихова А. Е. Саоновская неолитическая стоянка. — В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
- ²³ Халиков А. Х. Древняя история.
- ²⁴ Денисов В. П. Хуторская неолитическая стоянка. — Записка Перм. ун-та, 1960, т. 12, вып. 1.
- ²⁵ Портнягин Н. Г., Урбан Ю. И. Работы Калининского отряда. — АО, 1971 г. М., 1972, с. 51—52.
- ²⁶ Городцов В. А. Стоянки неолитической эпохи в окрестностях сел Шумаш, Дубровичи. — Труды Рязанской архивной комиссии, 1889, вып. 4, № 7, 9.
- ²⁷ Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. М., 1978, с. 47.
- ²⁸ Буров Г. М. Древний Синдор. М., 1967, с. 37—78.
- ²⁹ Зимина М. П. Некоторые данные о неолитических памятниках в бассейне р. Мсты. — МИА, 1973, № 172, с. 169—171.
- ³⁰ Гусенцова Т. М. Исследование памятников неолита и бронзы в Удмуртии. — АО, 1977 г. М., 1978, с. 66.
- ³¹ Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
- ³² Цветкова И. К. Неолитические племена рязанского течения р. Оки. — МИА, 1973, № 172, с. 140—145.
- ³³ Логина Э. С. Поселение Энты I. — В кн.: Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978.
- ³⁴ Матюшин Г. Н. Неолитическое поселение и погребение у с. Давлеканово. — СА, 1976, № 4.
- ³⁵ Матюшин Г. Н. Многослойное поселение Мысовое на озере Карабаклы. — КСИА, 1973, № 136, с. 71—79.
- ³⁶ Бадер О. Н. Камская археологическая экспедиция в 1958 г. — КСИА, 1961, № 85, с. 73.
- ³⁷ Цветкова И. К. Стоянка Подборица Щербининская. — СА, 1961, № 2, с. 174.
- ³⁸ Никитин В. В. Волосовские племена на Средней Волге. — В кн.: Десная полоса Восточной Европы в волосовско-гурбинское время. Йошкар-Ола, 1978.
- ³⁹ Бадер О. Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. — МИА, 1981, № 99.
- ⁴⁰ Лувгин В. Е. Древние культуры Ижмы. М., 1972, с. 40—76.
- ⁴¹ Ошибкина С. В. О работе Северной и Вятской экспедиций. — АО, 1977 г. М., 1978, с. 26—27.
- ⁴² Косинская Л. В. Работы на Выми. — АО, 1976 г. М., 1977; Она же. Исследования в бассейне р. Выми. — АО, 1977 г. М., 1978.
- ⁴³ Стоколос В. С. Поселение Чужьяель на Мезени. — В кн.: Археологические памятники эпохи палеометалла в северном Приуралье. Сыктывкар, 1978, с. 23—38.
- ⁴⁴ Козырева Р. В. Позднепалеолитические жилища на стоянке Ильинский остров. — КСИА, 1972, № 131.
- ⁴⁵ Панкрушев Г. А., Журавлев А. П. Стоянка Вигаи-Наволоки 1. — В кн.: Новые памятники истории древней Карелии. М.; Л., 1978.
- ⁴⁶ Журавлев А. П. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1977.
- ⁴⁷ Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северном побережье Онежского озера. — МИА, 1951, № 20, с. 77—143.
- ⁴⁸ Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979.
- ⁴⁹ Брюсов А. Я. Свайное поселение на р. Модлоне. — МИА, 1951, № 20, с. 7—44.

А. К. ФИЛИППОВ

О БИВНЕ ИЗ КИРИЛЛОВСКОЙ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ

Эта небольшая заметка продиктована необходимостью вернуться к описанию «кирилловского бивня»*. Исследователи культуры прошлого не всегда имели возможность держать в руках этот уникальный музейный экспонат, а его публикации, за исключением отдельных изображений, недостаточно полные, четкие и точные. Мы попытаемся частично восполнить этот пробел. Нас будет интересовать прежде всего технологическая сторона, анализ которой позволит с большой степенью достоверности раскрыть некоторые процессы обработки и технического использования.

Сравнительно неплохие фотографии бивня опубликованы в работах П. И. Борисковского¹ (рис. 80, 81, 82) и З. А. Абрамовой² (табл. 38).

* Речь идет о 30-сантиметровом обломке бивня с орнаментом, обнаруженном В. В. Хвойкой в нижнем слое стоянки в 120 м от места основных раскопок.

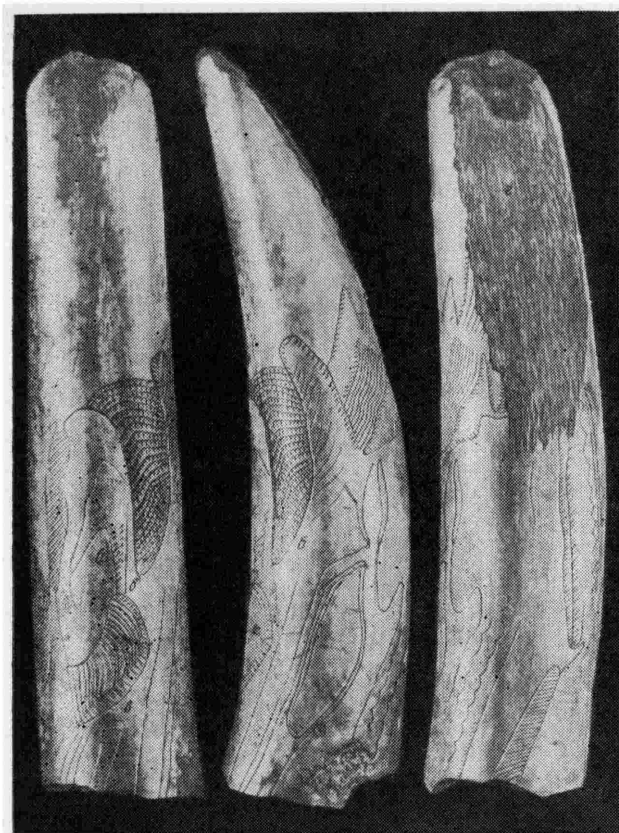

Рис. 1. Бивень из Кирилловской стоянки

а — неглубокие небрежные царапины; *б* — линии, углубленные строганием; *в* — линии, проведенные острием резцеvidно-срединного орудия; *г* — долото-видный затес; *д* — следы интенсивного уплощающего скобления; *е* — фасетки утилизации от ударов бивнем; *ж* — следы ударов при разбивании бивня

Рис. 2. «Орнамент» кирилловского бивня (развертка). Буквенные обозначения соответствуют литерам на рис. 1 и имеют ту же расшифровку

Аналогичные фотографии представлены на рис. 1. Что касается ранее изданной прорисовки орнамента, то точность ее оставляет желать лучшего. На рис. 2 мы приводим развертку орнамента, соблюдая по возможности количество гравированных линий и нарезок, а также их относительную толщину.

Гравировка орнамента производилась по размягченной верхней поверхности бивня. Линии орнамента намечались острием пластины в вентральной позиции **. В этом процессе острие часто выкрашивалось, получались двойные и тройные линии, что хорошо заметно на участке «а» (рис. 2). Таким же слегка вибрирующим (при гравировальном скоблении) острием линии углублялись на крутых изгибах короткими, в иных случаях длинными участками. Размягченная поверхность бивня позволяла проводить первичные чрезвычайно тонкие, глубокие и плавно изгибающиеся линии. Следы, оставленные от разных стадий «гравирования», позволяют отметить, что после проведения первичных линий некоторые из них подрезались ножевидным краем пластины с боков (внутренние стенки состругивались) и таким образом расширялись («б»). Эта операция производилась, возможно, уже по более твердой подсыхающей поверхности. Среди гравированных, проскобленных, прорезанных линий можно выделить очень четкие канавки, проведенные резцеvidно-срединным орудием в вентральном положении («в»). Таковы наши наблюдения над технико-технологическими следами гравирования.

Морфология археологического источника с утраченным значением не позволяет определить конкретный семантический смысл орнаментального изображения. В этом узоре некоторые усматривают предметные изображения черепахи, рыбы; при желании можно увидеть переднюю часть мамонта или, например, в волнистых линиях — изображение воды, но это

** В этой позиции вентральная сторона пластины при скоблении — прорезании оказывается фронтальной гранью «резца».

скорее область гаданий, чем научных выводов. О семантике можно говорить обобщенно только по отношению к группе символических предметов: здесь также необходима типология с учетом этнографических моделей. Этот вопрос мы пока оставляем за пределами данной заметки.

В связи с анализом «кирилловского бивня» возникают не менее важные вопросы иного порядка. Например, композиция орнамента (рис. 2) вряд ли имела целостность: «круговая» поверхность бивня заполнена хоть и абстрактным (беспредметным) «узором», но неравномерно, с незавершенным линейным заполнением оконтуренных площадей. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело с механическим приращением одних элементов к другим. Наряду с этим возможное особо важное сакральное значение этой символики вдруг было снято. Здесь мы должны признать, что в одном случае по неизвестным нам условиям могло кончиться действие (какое-то использование) данных символов, в другом — появилась актуальная потребность использовать бивень в механической функции. Об этом весьма определенно свидетельствует характер фрагментированности и утилизация бивня.

На рис. 1 показаны признаки двукратной трансформации орнаментированного бивня. Прежде всего конец бивня стесан нижним углом лезвия топора («г»): гладких затесов нет, наблюдаются своеобразные следы от работы острием. Часть орнаментального рисунка снята. Поверх хорошо видны следы скобления; эти следы особенно четки на вогнутой стороне. В данном случае уплощение поверхности производилось выкрашивающимся лезвием пластины, отчего следы работы имеют вид волособразной линейности с соблюдением иногда строгой парной параллельности («д»). Затеска и скобление придали концу бивня долотовидную форму. Следующее наблюдение касается использования этого бивня в качестве кайла или пещни.

Следы «е» — выбоины, замятость, мелкие и крупные негативы сколов — следствие ударов о твердый материал. Поверх этих негативов наблюдаются

продольное бивню истирание и мягкая заполировка. Следы сложные, имеющие признаки земляных работ. Возможно, что наряду с этим орудие употреблялось в качестве пещни для долбления льда, о чем может свидетельствовать очень мягкая поверхностная заполировка. Это предположение вполне согласуется с первичной универсальностью примитивных древнейших орудий, объединенных единой кинематикой.

У данного обломка бивня с долотовидным концом нет следов крепления с деревянным древком. Использование его в захвате кисти руки без специальной рукояточной части может вызвать сомнение из-за толщины бивня и связанного с этим неудобства. Вместе с тем на поверхности бивня имеются следы очень сильных ударов («ж»). Такие следы — раздробленные вмятины — могли возникнуть только при размашистых резких ударах бивнем (имеется в виду бивень какой-то первоначальной величины) о глыбу камня. Бивень был разломан. До нас не дошла другая часть с фрагментом орнамента.

Таким образом, мы наблюдаем три стадии использования бивня: 1) с неизвестной нам символической функцией; 2) в качестве пещни или (и) кайла; 3) возможно, в качестве вторичного сырья (?). На этом цикл утилизации замыкается.

¹ *Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л., 1962.

² *Борисковский П. И.* Палеолит Украины. М.; Л., 1953.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

З. А. АБРАМОВА

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ТАРАЧИХА НА ЕНИСЕЕ

После образования Красноярского моря одной из главных задач Палеолитического отряда Красноярской экспедиции стало обследование формирующихся берегов с целью выявления памятников на высоких террасах. Несколько новых стоянок было открыто в новоселовском расширении в Северо-Минусинской котловине — на уступах высоких (более 40 м над прежним уровнем Енисея) террас, расположенных в окрестностях бывшего районного центра Новоселово на левом берегу Енисея в 210 км выше Красноярска. В 1974 г. при очередном обследовании новоселовских террас в 3 км выше их по течению, в логу Тарачиха, была обнаружена стоянка, резко отличающаяся от всех ранее известных на Енисее палеолитических памятников.

Левый борт лога представляет скальный мыс, в правом борту непосредственно под береговым обрывом, выходящим в долину Енисея, находилась небольшая площадка, на поверхности которой лежали кости мамонта, каменные орудия и отщепы. Кости иногда образовывали скопления, что, возможно, объясняется некоторой сортировкой материала местными жителями, приезжающими сюда на выходные дни из нового районного центра, также названного Новоселово, но расположенного выше по течению, над тем местом, где до образования водохранилища находился пос. Новоселовский Овцесовхоз. По словам жителя с. Новоселово И. Г. Колядного, впервые кости мамонта были замечены им в 1973 г.

Берег вновь образованного залива имеет около лога Тарачиха почти отвесное обнажение высотой до 2,5 м и протяженностью около 20 м, ориентированное на северо-запад. Близ поворота в собственно лог обнажение замаскировано оползнями крупных блоков земли с деревьями, которые широкой полосой растут вдоль правого борта лога.

Размыв спускался к воде уступами, и кости мамонта находились на верхнем уступе у подножия обнажения, на расстоянии 30—40 м от поворота в лог. Размеры горизонтальной площадки уступа, ограниченного небольшими промоинами, примерно 20×10 м. Здесь разбита условная сетка квадратов на площади 10×10 м с единственной сохранившейся северо-западной стенкой, представляющей часть вертикального обнажения. Стратиграфия ее следующая: 1. Гумус — очень тонкий слой, сохранившийся лишь местами, очевидно, частично смытый. На 2 м имеется западина чернозема глубиной до 20 см. Слой подпочвы, также очень тонкий, прослеживается на части разреза в виде западин мощностью до 10 см. 2. Слой серо-палеовой супеси, достаточно однородной. В западном углу идет до глубины 1 м, в северном — до глубины 1,2 м. 3. Прослойка красноватой супеси. Прослеживается по всему разрезу, но залегает крайне неравномерно. В западной части она немного волнистая, идет почти горизонтально, толщиной до 10 см, затем становится прерывистой, изорванной, имеющей причудливые очертания. В центре разреза на протяжении 3 м она падает почти на 50 см и далее прерывается, разорванная

смещенными вертикальными блоками, падающими вниз по склону, причем прослойка на каждом следующем блоке начинается выше ее конца на предшествующем. 4. Слой буроватой слоистой супеси, падающей по склону к логу и, судя по остаткам северо-восточной стенки, — к Енисею. Слоистость слабая, волнистая, выделяются более тонкие прослойки. Мощность 0,9—1 м; 5. Темные волнистые прослойки незначительной мощности (менее 10 см); 6. Супесь светлая, иловатая, слабого зеленовато-сизого оттенка. Мощность до 20 см. 7. Супесь буровато-палевого цвета, вмещающая культурный слой, который начинается в нижней прослойке в виде отдельных кремней, обломков костей и угольков. Контакт с нижележащим слоем несогласный, местами граница размыта. Мощность 20—30 см. 8. Суглинок красноватого цвета, довольно однородный в верхней части, ниже становится слоистым, прослеживаются тонкие, более светлые прослойки глины. Видимая мощность 50 см. Общая глубина стратиграфической колонки у западного угла 3 м.

Стратиграфия показывает типичную делювиальную слоистость, отмеченную в верхней части тонкой прослойкой красноватой супеси, очевидно представляющей остатки погребенной почвы. В центральной части мыса прослойка залегает почти горизонтально, затем падает по склону к логу и к Енисею, т. е. согласно современному падению склона. Прослойка здесь измята и разорвана; при этом, чем ниже по склону, тем выше она поднята и в перерывах наблюдается заметное потемнение в виде небольших клиньев, спускающихся ниже разрывов.

Культурный слой лежит ниже слоя зеленовато-сизой супеси, находки начинают встречаться в верхнем уровне супеси буровато-палевого цвета, отмеченном темной прослойкой, и идут до контакта с подстилающим красноватым суглинком, на котором за пределами зачистки, т. е. на поверхности размыва, лежат кости мамонта. Таким образом, очевидно, что горизонтальная площадка была размыва до уровня красного суглинка и кости из культурного слоя спроецированы на суглинок или перемещены на незначительное расстояние.

Почти вся исследованная поверхность прикрыта тончайшим слоем чернозема, лежащим или на красном суглинке, или на прослойке песка. Кости мамонта: позвонки, ребра, кости конечностей, обломки таза, лопаток, зубов — находились на поверхности без видимого порядка. Отмечается парное залегание костей: в большинстве случаев крылья таза лежали парами, но они обязательно сломаны; часто парами лежали и трубчатые кости, хотя малых берцовых и лучевых нет. Эпифизы у трубчатых в большинстве случаев отслоились, иногда отбиты. Между костями обнаружены в большом количестве обломки зубов мамонта, образуя местами нечто вроде брекчии. Под костями или рядом с ними много расщепленного камня, в том числе мельчайших чешуек.

Только в зачистке культурные остатки лежат в непо потревоженном положении, в частности, представлено небольшое скопление костей мамонта: обломок лопатки гребнем вверх, плечевая кость с обломанным проксимальным эпифизом, небольшая локтевая кость. Над лопаткой располагался небольшой осколок трубчатой кости и на более высоком уровне — более крупный осколок. Немного в стороне находилась большая берцовая кость мамонта довольно крупных размеров, но без эпифизов. Далее, по склону к логу, лежали две крупные бедренные кости, нижняя с обломанными эпифизами, верхняя с отслоившимся проксимальным эпифизом и целым дистальным. Между дистальными концами костей находился обломок лопатки гребнем вверх. Ниже уровня костей лежали два позвонка мамонта без остистых отростков и обломок кости. Еще один обломок найден у проксимального конца верхней бедренной кости. Между костями залегали мелкие обломки костей мамонта. Камня на этом участке мало: два отщепы и один аргиллитовый обломок.

Фаунистические остатки определены Н. М. Ермоловой. Они принадлежали мамонту (*Mammuthus primigenius*) — 124 кости от минимум восьми особей, северному оленю (*Rangifer tarandus*) — шесть костей от одной

особи, аргали (*Ovis ammon*) — четыре кости от двух особей, бизону (*Bison priscus*) — одна кость и *Bovidae*, ближе не определенному, — две кости, песцу (*Alopec lagopus*) — одна кость, лошади (*Equus sp.*) — одна кость; грызунам: сурку (*Marmota sp.*) — восемь костей от одной-двух особей и, возможно, суслику (*Citellus sp.*) — две кости.

Отсутствие в зачистке признаков других культурных слоев, слабая переотложенность остатков и их очевидная однородность (каких-либо хронологически выделяющихся элементов не найдено) позволяют рассматривать собранный материал как единый комплекс. В общей сложности представлено около 5000 единиц расщепленного камня, причем около 3000 принадлежит отщепам и осколкам светлого глинистого сланца — аргиллита. Следует заметить, что масса осколков сланца, не имеющая признаков намеренного раскалывания, вначале не привлекала внимания и лишь находка подлинных орудий и нуклеусов позволила установить, что и этот мягкий и хрупкий (возможно, выщелоченный позже) материал подвергался обработке и использованию.

Из аргиллита изготовлено 17 нуклеусов, в принципе тех же типов, что и нуклеусы из кремнистых пород, но часть их более аморфна из-за качества материала. Имеется пять массивных нуклеовидных осколков и 61 обломок нуклеусов. Среди отщепов и осколков аргиллита преобладают мелкие (2846); часто естественное раскалывание затрудняет разделение на отщепы и осколки. Помимо упомянутого массива, выделены 18 крупных отщепов, 73 отщепов средних размеров и 183 мелких, а также 134 осколка. Крупные пластины единичны, преобладают пластины и мелкие пластинки, часто встреченные в обломках. Всего к пластинчатым сколам относится 124 предмета.

Помимо аргиллита, широко применялся зеленый, коричневый и темный силицит, а также зеленая и коричневая яшма, значительно реже использовались кварцит и халцедон. Из всех этих пород изготовлено в общей сложности 1805 предметов, которые распределяются по категориям следующим образом: отщепы — 1237, осколки — 75, гальки без обработки — 13, расколотые гальки — 4 и со следами сколов — 3; пластины и пластинки разных размеров — 274, нуклеусы, их заготовки и обломки — 100, орудия — 99.

Нуклеусы достаточно разнообразны, но, судя по негативам сколов, все они служили для получения пластин и мелких пластинок. К ним не применим основной принцип классификации, разработанный для нуклеусов палеолита Енисея: деление нуклеусов на две группы, поскольку в инвентаре Тарачихи нет типичных клиновидных нуклеусов, а нуклеусы для получения мелких пластинок, количественно преобладающие, по своим особенностям мало чем отличаются от единичных нуклеусов, изготовленных из крупных галек. Имеются три заготовки нуклеусов из галек с одной подготовленной ударной площадкой, от которой начаты единичные снятия. Односторонних одноплощадочных нуклеусов пять. У нуклеуса из гальки черного кремнистого сланца широкая скошенная ударная площадка подготовлена рядом сколов. Лицевая сторона выпуклая. Конец, край и тыльная сторона сохраняют остатки галечной корки (рис. 1, 10). Остальные нуклеусы этого типа имеют подправку лицевой стороны с края (рис. 1, 1).

Односторонние двухплощадочные нуклеусы представлены двумя экземплярами, для которых характерны наличие двух противоположных скошенных ударных площадок и на лицевой стороне следы встречного снятия мелких пластинок (рис. 1, 7). Нуклеус из довольно крупной округлой гальки — классический образец двустороннего двухплощадочного с продольно-поперечными снятиями (рис. 1, 9). Имеются еще три нуклеуса из мелких галек, относящихся к этому типу, но обладающих некоторыми особенностями.

Особую группу составляют кубовидные нуклеусы с тремя ударными площадками (три экземпляра), у которых одна плоскость скалывания служит ударной площадкой для другой (рис. 1, 3). Имеются призматич-

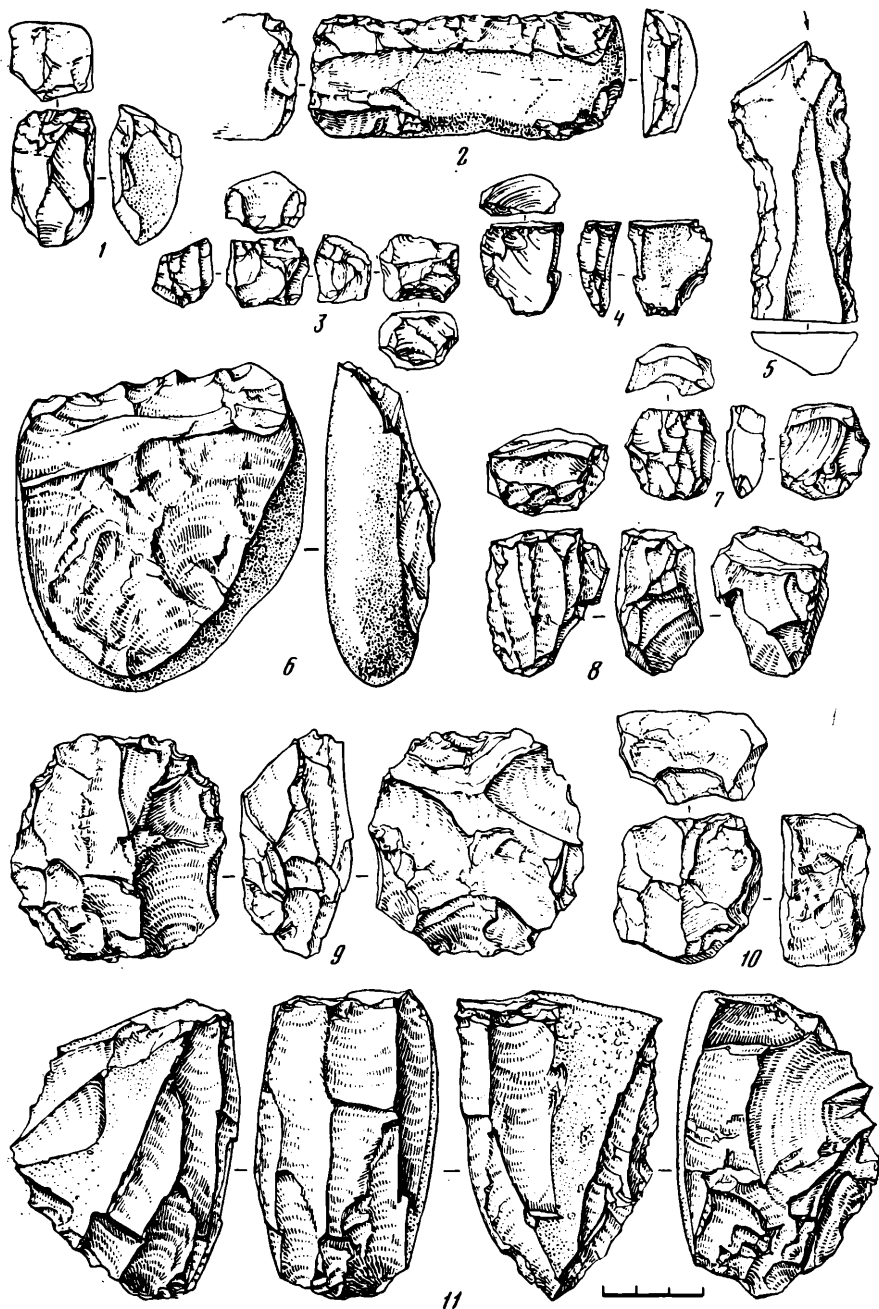

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Тарачиха

1, 3, 4, 7-11 — нуклеусы; 2 — скребло-тесло; 5 — пластина с выемкой и мелкими рецзовыми сколами; 6 — галечное орудие

ческие нуклеусы с торцевым принципом скалывания (четыре экземпляра), все двуплощадочные (рис. 1, 8). Наиболее выработанную форму имеет нуклеус с широкой фасетированной ударной площадкой, расположенной под острым углом к плоскости скалывания, противолежащая площадка имеет меньшие размеры и расположена к плоскости скалывания почти под прямым углом (рис. 1, 11). Группа мелких торцевых нуклеусов (пять экземпляров) очень разнообразна, что свидетельствует о поисках максимально пригодной формы. Два находятся в начальной степени использования, у них все подготовлено для снятия мелких пласти-

нок. По форме и размерам одному из них соответствует третий нуклеус, к которому подбираются две пластинки, снятые с торца, и отщеп, снятый с плоской стороны. Разница в высотном положении пластинок показывает, что после снятия одной из них ударная площадка была подправлена и лишь затем снята вторая пластинка. Два нуклеуса наиболее близки клиновидным, но с них снимались пластинки неправильной огранки (рис. 1, 4), что отмечено и в Мальте.

В общей сложности, помимо 22 нуклеусов, собрано шесть нуклеидных осколков, из которых один близок одностороннему дисковидному нуклеусу. Имеются 34 различных, преимущественно мелких обломков нуклеусов. Среди них выделяется крупный обломок массивной гальки с подготовленной ударной площадкой. Кроме того, найдено 14 поперечных снятий (сколы оживления ударных площадок), 17 краевых и два боковых скола.

В соответствии с преобладанием мелких нуклеусов для инвентаря не характерны заготовки и отбросы производства крупных размеров. Отщепов, площадь которых превышает 5×5 см, найдено всего 14. К ним отнесены первичные сколы, снятые как поперек, так и вдоль гальки; снятия с лицевой части нуклеусов, имеющие овальную, точечную, фасетированную и редко галечную ударные площадки.

Отщепов средних размеров (в среднем 3×3 см) 182. Они имеют галечные, усеченные, извилистые, редко фасетированные ударные площадки. Мелких отщепов (менее 2×2 см) 766 и чешуек 243. Представляется, что чешуек, как и на всякой стоянке, где производилась обработка камня, было значительно больше, но они могли быть смыты при разрушении культурного слоя.

Пластинчатые отщепы мало отличаются от пластин и пластинок, поскольку последние имеют правильную огранку. К одному крупному пластинчатому отщепу можно добавить крупную укороченную пластину с фасетированной ударной площадкой и две укороченные пластины. Крупных пластин всего две. К трем целым пластинам можно присоединить семь обломков. Значительно более многочисленны пластины, мелкие пластинки и микропластинки, которые условно отличаются от мелких пластинок меньшей шириной и более правильной огранкой. В общей сложности вместе с обломками их 258.

Орудия. Часть пластин и пластинок из кремнистых пород служила орудиями, о чем свидетельствует ретушь и следы использования на их краях; вместе с обломками их 25. Для примера можно упомянуть узкую и длинную трехгранную в сечении пластину зеленого силицита с почти зубчатой ретушью по одному краю с вентральной стороны (рис. 2, 18) и обломок (дистальный конец) пластины с мелкой непрерывной ретушью по выпуклому краю (рис. 2, 11). Большую группу из 19 предметов составляют микропластинки неправильных очертаний и их обломки, у которых ретуширован или один продольный край — 15 экземпляров (рис. 2, 2, 3, 6), или продольный край и конец — три экземпляра (рис. 2, 4), или имеется тонко ретушированная выемка — один экземпляр.

Наибольший интерес представляет двусторонне обработанный наконечник листовидной формы из коричневой яшмовидной породы, симметричный, с закругленным и уплощенным основанием. Сечение плоско-выпуклое, плоская сторона на значительной части сохраняет галечную корку, но конец и оба выпуклых края обработаны широкими фасетками ретуши (рис. 2, 9). К проколам может быть отнесена пластинка неправильных очертаний с обломанным проксимальным концом. На дистальном конце тонкой ретушью выделено острое жальце (рис. 2, 10). Возможно, проколкой служила и пластинка из аргиллита.

Резцов 14 (семь из кремнистых пород, семь из аргиллита). За исключением отдельных типичных орудий, эта категория не очень выразительна. Из кремнистого сланца наиболее представительный тип — многофасеточные резцы (рис. 2, 21), имеются и угловые (рис. 2, 20); из аргиллита — боковые (рис. 2, 19) и угловые.

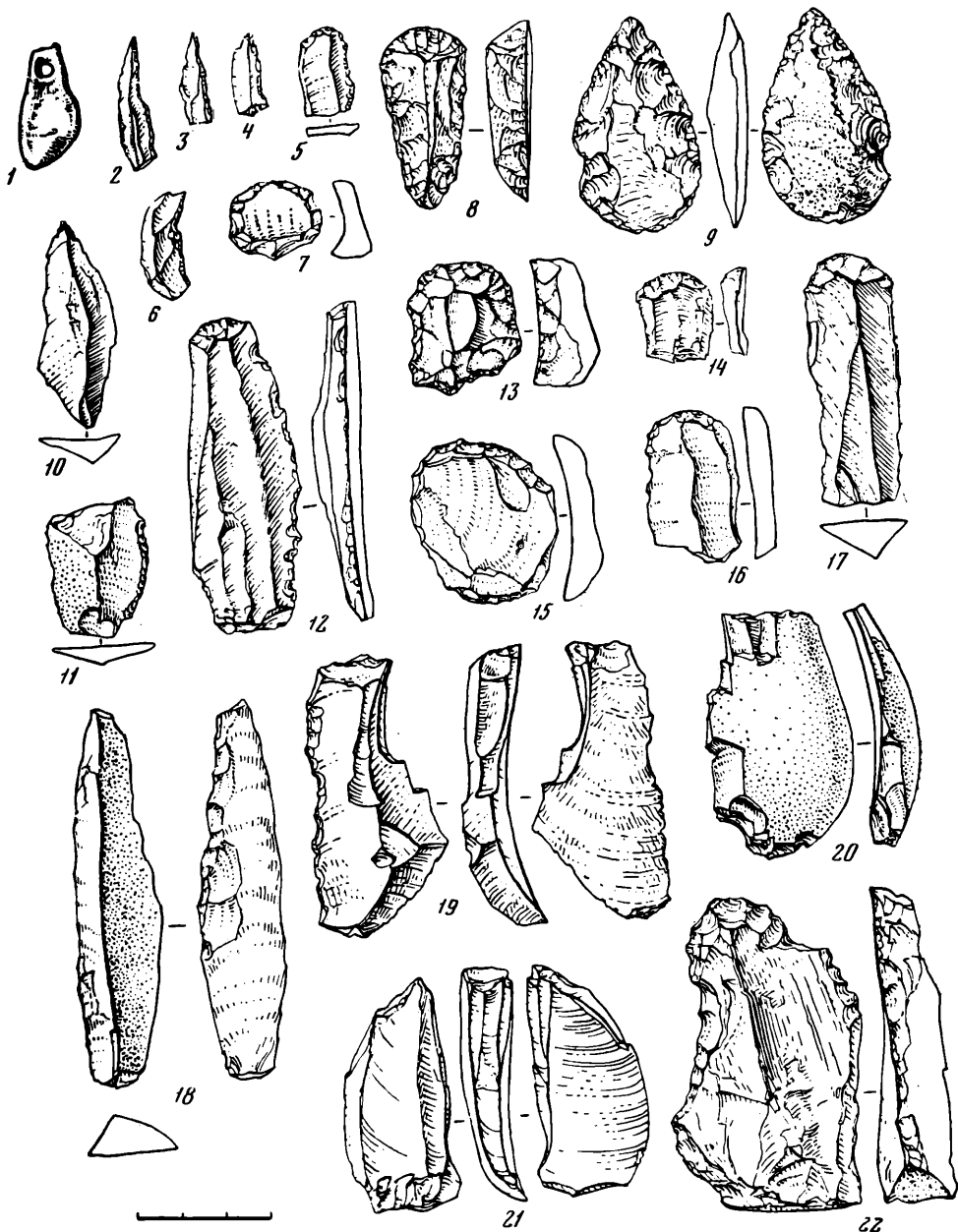

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Тарачиха

1 — подвеска из зуба оленя; 2—4, 6 — мелкие пластинки с ретушью; 5, 7, 8, 12—17, 22 — скребки; 9 — наконечник копья или дротика; 10 — проколка; 11 — обломок пластины с ретушью; 18 — пластина с ретушью; 19—21 — резцы

Скребков 30 (22 из кремнистых пород, восемь из аргиллита). Различаются концевые из целых пластин (рис. 2, 12) и усеченных пластинок (рис. 2, 14, 16, 17) — 11 экземпляров, все с параллельными или почти параллельными краями; лишь в двух случаях ретуширован один край, как на упомянутом скребке из пластины и скребке на мелкой пластинке (рис. 2, 5). Примечателен скребок из халцедоновой пластинки с двумя ретушированными краями, сведенными на острие (рис. 2, 8). Концевые скребки из отщепов: шесть из кремнистых пород и четыре из аргиллита. Сюда входят скребок из массивного отщепа с ретушированным выемча-

тым краем (рис. 2, 22) и скребки из мелких отщепов. Особо выделен скребок из овального отщепа с ретушью почти по периметру (рис. 2, 7), а также три двойных скребка — все из кремнистых пород (рис. 2, 13, 15). Кроме того, есть обломки скребков (два экземпляра) и менее выразительные скребки (два экземпляра).

Характерно, что скребел, наиболее типичных орудий в палеолите Енисея, на стоянке не найдено. К этой категории с определенными оговорками можно отнести своеобразное орудие из массивной пластины зеленого силицита. Часть дорсальной стороны, один край (обушок) и один конец сохраняют галечную корку. Второй конец уплощен длинными параллельными стесами и по краю ретуширован, создавая нечто вроде желобчатого лезвия с вентральной стороны. Рабочий край прямой, покрытый крупными фасетками ретуши. Таким образом, это орудие могло быть одновременно скреблом (ножом) с прямым рабочим краем и теслом (рис. 1, 2). Другое своеобразное орудие представлено массивной пластиной с обломанным проксимальным концом. На один из углов дистального конца нанесены мелкие резцовые сколы. Один край почти прямой с остатками галечной корки, не обработанный, а как бы забытый, второй край обработан ступенчатой ретушью в виде широкой выемки (рис. 1, 5). Это орудие можно рассматривать как вогнутое скребло, но скребел такого типа ранее в палеолите Енисея не отмечалось. Три предмета можно условно обозначить как заготовки скребел — это первичные отщепы со следами обработки или использования. Имеются еще семь мелких отщепов, края которых со следами использования, три мелких отщепа, возможно, заготовки скребков и три обломка орудий. Особо следует упомянуть обломок пластинки, на одном из краев которого мелкой ретушью выделена широкая выемка, и обломок небольшого отщепа с двумя мелкими выемками по одному краю.

Орудий из целых галек семь; часть их могла служить отбойниками и отжимниками. Типично изделие из плоской гальки, один конец которой сбит и прямой край обработан крупной зубчатой ретушью в виде извилистого лезвия (рис. 1, 6).

Предметов из кости и рога не найдено, но сохранилось украшение в виде просверленного клыка оленя (рис. 2, 1).

Геологические условия залегания культурного слоя указывают на более древний возраст стоянки по сравнению с наиболее близко расположенными на тех же высоких уровнях новоселовскими поселениями, залегание которых соответствует слою 2 разреза Тарачихи¹. Об относительной древности Тарачихи свидетельствует и состав фауны, имеющий существенные отличия от состава фауны всех известных до сих пор памятников Северо-Минусинской котловины, относящихся ко второй половине сартанского оледенения. Значительное преобладание мамонта над всеми остальными видами и малое количество северного оленя не случайны и указывают на иные экологические условия. Если даже предположить, что мелкие кости могли разрушиться, обилие костей мамонта необычно для этого района.

По сравнению с упомянутыми памятниками инвентарь стоянки отличается большим разнообразием. Прежде всего это касается сырья: наряду с обычным силицитом и яшмовидными породами широко применялся аргиллит, неизвестный в других местах. Применение мелких галек также может указывать, что галечные отмели, на которых в изобилии лежало подходящее сырье, не были в полной мере доступны обитателям Тарачихи. При некотором сходстве части нуклеусов с нуклеусами кокоревской культуры отмечены и более широкие параллели: с нуклеусом из мустьерского слоя Двуглазки² и нуклеусами Мальты. В отличие от инвентаря кокоревской культуры здесь много нуклеусов для получения мелких пластинок неправильной огранки и отсутствуют типичные клиновидные нуклеусы и микропластинки. Своеобразен набор орудий. В частности, мелкие пластинки с ретушью, многофасеточные резцы, двойные скребки не представлены в инвентаре енисейских памятников,

за исключением недавно открытых Афанасьевой Горы³ и Голубой. Взятые вместе, эти стоянки образуют некий особый круг, сопоставимый с кругом памятников Мальты, Бурети, Ачинской. Однако по своим характерным чертам единственное пока в палеолите Енисея орудие — двусторонне обработанный наконечник — не находит прямых аналогий в палеолите Сибири и еще более подчеркивает своеобразие памятника.

¹ См.: *Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М., 1979, с. 121—122.

Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. Новосибирск, 1979, с. 119—120.

² Ср. рис. 1, 9 и *Абрамова З. А.* Мустьерский грот Двуглазка в Хакасии. — КСИА, 1981, № 165, рис. 1, I.

³ *Лисицын Н. Ф.* Палеолитические стоянки в районе Батеневского кряжа на Енисее. — СА, 1980, № 3.

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

НОВЫЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ МУСТЬЕРСКОГО ВРЕМЕНИ БЛИЗ г. СОЧИ

Окрестности Сочи—Адлера давно известны на Кавказе как один из примечательных районов сосредоточения археологических памятников мустьерского времени. Эти памятники в основном локализируются на ограниченном участке прибрежной низкогорной зоны южного склона Кавказа между реками Сочи и Мзымта и представляют собой многослойные пещерные стоянки. Каменный инвентарь большинства стоянок относится к так называемому зубчатому мустье и весьма сходен в технико-морфологическом отношении, что позволяет предполагать существование в данном районе в мустьерское время особой хостинской культуры¹.

Дальнейшее изучение хронологических и хозяйственных взаимосвязей внутри этого единства мустьерских стоянок предполагает исследование всех имеющихся поблизости археологических материалов мустьерской эпохи, в том числе и местонахождений под открытым небом. Памятники этого типа вполне могут быть однокультурными с пещерными стоянками.

В 1969 г. во время раскопок позднепалеолитического местонахождения в с. Нижняя Пластунка около г. Сочи нами были открыты два новых мустьерских местонахождения. Они обследованы пока предварительно, однако сведения о них уже сейчас представляют определенный научный интерес.

Особого внимания заслуживает местонахождение, установленное рядом с исследованным нами Нижнепластунским местонахождением позднего палеолита у северной окраины с. Нижняя Пластунка, на левом берегу р. Сочи, в 6 км от берега моря². Расстояние между этими двумя одновременными палеолитическими памятниками составляет несколько десятков метров. Разграничить памятники позволяет лишь то обстоятельство, что они располагаются на самостоятельных древних речных террасах, отделяющихся одна от другой высоким хорошо выработанным уступом. Не менее важен и тот факт, что горизонты культурных остатков местонахождений, залегающие в непереотложенном состоянии, связаны с литологически различными слоями покровных террасовых отложений. Тем самым эти сближенные одновременные местонахождения образуют как бы один многослойный палеолитический памятник, на котором сохранились остатки мустьерского и позднепалеолитического времени.

Расположение памятника довольно обычное. Он занимает оконечность обширного высокого мыса, ограниченного с запада р. Сочи, с юга — ее

небольшим левобережным притоком — Нижнепластунской балкой. Мыс образован узкими поверхностями главным образом двух древних речных террас высотой 30—35 м и 45—50 м, разделенных крутым уступом высотой около 10 м. На этих террасовых поверхностях мыса и устраивали свои стоянки палеолитические охотники.

Возраст названных террас пока проблематичен, ибо еще не совсем ясно, каким образом они соотносятся с фаунистически датированными морскими плейстоценовыми террасами. Вместе с тем, несмотря на значительные высотные отметки этих террас, что, вероятно, обусловлено активностью новейшей тектоники в пределах Сочинско-Адлерской зоны, они не кажутся очень древними. По ряду признаков (литология покровных отложений, соотношение последних с аллювием) их следует датировать верхним плейстоценом. Нижняя из террас (30—35 м), на наш взгляд, является II террасой (суржской), верхняя же (45—50 м) — III террасой (карангатской).

Горизонт культурных остатков мустьерского времени связан с верхней, 50-метровой террасой. Он был обнаружен в небольшом разведочном шурфе площадью 1,5 м, на месте которого, к сожалению, пока не удалось провести широких раскопок. Шурф находился на относительной отметке около 46 м, в 15 м к востоку от усадьбы Р. С. Заркалиани и в 380 м от русла реки. Участок террасы здесь не подвергался распашке и хорошо сохранился.

На западной стенке шурфа был записан следующий стратиграфический разрез:

	Мощность, м
1. Глина желтовато-серая, гумусированная, с дресвой, мелкой щебенкой песчаников и единичными выветрелыми гальками; обломочного материала 5—8%, распределение его равномерное. Контакт с нижележащим слоем отчетливый, волнистый	0,1—0,15
2. Глина пестроцветная, сизо-желто-красная, плотная, содержит единичные гальки и выветрелые обломки песчаников; в верхней части слоя — многочисленные черные пятна и дробины гидроокислов железа и марганца. Нижний контакт отчетливый с небольшими пологими карманами	1,1—1,2
3. Галечник с гравием и валунами, очень плотный с сизо-желтым ожелезненным глинистым заполнителем; гальки хорошей окатанности, сильно выветрелые, часто расколотые, представлены в основном песчаниками, известняками и алевролитами	(видимая) 1

В шурфе были обнаружены пять мустьерских каменных изделий, залежавших в нижней части слоя красноватой глины (слой 2) на одном уровне. Нивелировочные отметки находок колебались в пределах нескольких сантиметров. Изделия не имеют признаков переотложения. Они не оглажены, без выломов и смятостей, почти не люстрированы, не патинизированы (два предмета, к сожалению, были повреждены при раскопках). Никакой, однако, особой окрашенности глины на уровне залегания культурных остатков не прослеживалось.

Датировать каменные изделия затруднительно. Сейчас достоверно лишь то, что глины, включающие находки, располагаются поверх аллювия III террасы и, следовательно, они не древнее нижнего вюрма. Правда, косвенные данные позволяют как будто уточнить датировку. Поскольку палеолитические охотники предпочитали селиться у рек на современных им пляжах или поймах, можно предполагать, что рассматриваемое нами местонахождение мустьерских культурных остатков относится скорее к среднему, чем к нижнему вюрму и соответствует времени накопления аллювия II террасы (суржской).

Найденные в шурфе каменные изделия изготовлены из местного розово-коричневого (красного) кремня, происходящего из ближайших окрестностей местонахождения, где он встречается на склонах гор в виде небольших конкреций. Среди изделий представлены два орудия и три скола. Нуклеусов нет, как нет и мелких отщепов и чешуек, которые

могли бы свидетельствовать о расщеплении камня и вторичной обработке орудий здесь же на месте стоянки.

Целое орудие одно. Это хорошо сделанное небольшое, широкое, длиной 4 см двулезвийное, угловатое режущее орудие (угловатое скребло) из нелеваллуазского отщепа, оба лезвия и острие которого тщательно обработаны крупной чешуйчатой ретушью (см. рисунок, 2). Лезвия орудия слабо изношены от работы, очевидно, по мягкому материалу (мясу?) и не имеют следов вторичного использования. От мустьерского острокопечника оно отличается асимметрией, значительным отклонением оси орудия от оси скалывания исходной заготовки. Основание его при этом не утончено, что исключало возможность применения орудия в качестве наконечника рогатины и дротика.

Второе орудие тоже относится к классу режущих. Оно еще меньше, длиной 3,3 см, и является отщепом с ретушью (см. рисунок, 1). Рабочий край короткий, мелко зазубренный, образован на дистальном конце отщепа несколькими фасетками крупной параллельной ретуши. Орудие весьма мало изношено.

Третье орудие представляет собой неопределимый обломок (см. рисунок, 3).

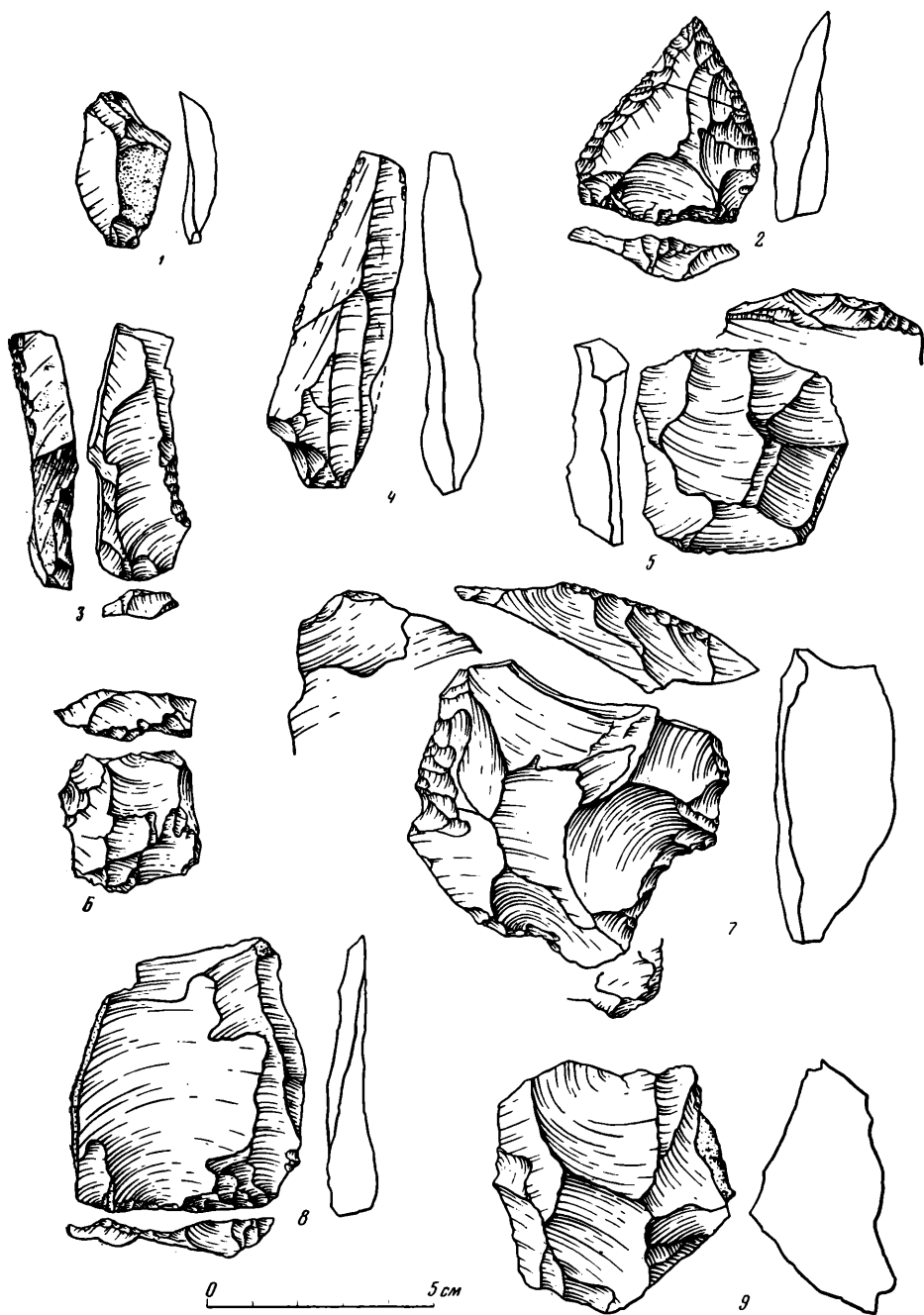
Сколы, включая использованные для изготовления законченных орудий, являются отщепами нелеваллуазских типов. Два из них — удлиненные отщепы. По пропорциям эти отщепы сходны с грубыми пластинами, но асимметричны, и ограничение их спинок неправильное (см. рисунок, 3, 4). Среди трех других отщепов один первичный. Все сколы определенно свидетельствуют о нелеваллуазской фации техники расщепления на местонахождении. Однако эта последняя отнюдь не архаична. На двух отщепках ударные площадки тщательно отретушированы на нуклеусе; причем в обоих случаях ретушь наносилась не только поперек, но и вдоль ударной площадки скола (см. рисунок, 2, 3). Этот своеобразный прием ретуширования ударных площадок нуклеусов перед скалыванием заготовок, очевидно, следует признать прогрессивным приемом в технике расщепления камня, ибо его нередко можно видеть на призматических и торцевых нуклеусах позднего палеолита.

Малочисленный каменный инвентарь не позволяет пока реконструировать виды деятельности человека на стоянке. Необходимы раскопки и существенное пополнение археологической коллекции памятника. Очевидно, однако, что местонахождение является остатками кратковременной стоянки мустьерских охотников, на что указывает бедный состав и слабая изношенность изделий местонахождения.

Сложнее решается вопрос о культурной принадлежности памятника. Можно лишь предполагать, что он принадлежит к тому же культурному единству, что и расположенные поблизости от него пещерные памятники, хотя фактических доказательств этого пока недостаточно.

Второе местонахождение — наиболее западное в группе палеолитических памятников Сочинско-Адлерского района — является памятником особого типа, поскольку связано не с долиной реки, а с водоразделом (отсюда его название Водораздельное). Местонахождение находится в 3 км к северо-западу от рассмотренного выше памятника, на водоразделе рек Сочи и Псахе, на высоте около 250 м над уровнем моря. Водораздел на участке находок сильно расчленен многочисленными балками на длинные и узкие гряды с более или менее пологими вершинами. Местонахождение располагается на гряде шириной 25—30 м, юго-восточный край которой постепенно переходит в склон правого борта долины р. Сочи, северо-восточный — ограничивается склоном глубокой балки. Ближайшие к местонахождению постройки поселка Нижняя Пластунка находятся на расстоянии около 1,5 км.

На местонахождении собран лишь подъемный археологический материал. В коллекции представлены единичные каменные изделия мустьерского облика, обнаруженные на отвалах грунтовой дороги, проложен-

Кремневые изделия из мустьерских местонахождений у г. Сочи

1—4 — из Нижнепластунского местонахождения; 5—9 — из местонахождения Водораздельное (1, 2 — режущие орудия; 3 — обломок орудия; 4 — удлиненный отщеп; 5, 6, 9 — нуклеусы; 7 — комбинированное орудие; 8 — леваллуазский отщеп)

ной по гряде. Густые лесные заросли затрудняли изучение местонахождения, и нам не удалось установить ни его площади, ни геологических условий залегания археологического материала. Однако обращало на себя внимание, что всюду, где встречались находки, они лежали на поверхности той же красноватой глины, которая просматривалась и в срезе дороги.

В зачистке, поставленной у обочины дороги, получен следующий разрез (сверху вниз):

	Мощность, м
1. Глина серая и темно-серая, комковатая, пронизана корнями растений, содержит 10—15% обломочного материала в виде оглаженной и выветрелой щебенки желтовато-серых песчаников от 3 до 5 см в поперечнике. Переход к нижележащему слою отчетливый	0,5
2. Глина пятнистоокрашенная, сизо-красная, местами желто-красная, плотная, оскольчатой структуры, с глянцем и точечными вкраплениями гидроокислов железа и марганца на структурных гранях, содержит единичные выветрелые обломки (до 10 см) желтовато-серых песчаников	(видимая) 1,0

Изделий в зачистке не найдено. Подъемный же археологический материал, видимо, происходит из сизо-красной пятнистой глины слоя 2 приведенного разреза. Если это так, то налицо известное сходство литологии отложений с культурными остатками этого местонахождения с мустьерским культурным горизонтом Нижнепластунского памятника, также представляющим собой пестроцветную красноватую глину. Оба памятника вполне могут быть синхронными. Но не исключен и более ранний, нижневюрмский возраст Водораздельного местонахождения.

В коллекции каменных изделий этого местонахождения тоже пять предметов. Сохранность их относительно хорошая. Поверхность имеет разную степень заглянцованности. На одном она значительная (см. рисунок, 8); этот предмет покрыт также легкой беловато-кофейной патиной. Изготовлены изделия из того же великоленого розовато-коричневого кремня, отличающегося от кремня Нижнепластунского комплекса лишь наличием в нем крупных сероокрашенных разностей.

Состав находок очень интересен. Это законченное орудие со вторичной обработкой, необработанный леваллуазский отщеп и три нуклеуса. Орудие — массивное комбинированное изделие (5,5×6,6×2,3 см) с выступами и выемками — изготовлено из грубого отщепа (см. рисунок, 7). Крупные выступы и выемки его небрежно оформлены снятиями небольших сколов и разнофасеточной субпараллельной ретушью. На противоположащих выступах с нижней стороны сохранились следы изнашивания в виде выкрошенности. Орудие использовалось для строгания, скобления и провертывания отверстий.

Необработанный отщеп, как отмечалось, леваллуазского типа. Он широкий, тонкий, подтреугольной формы, средних размеров (5,8×4,9×0,6 см), с едва заметным естественным обушком на левом крае; получен с нуклеуса параллельным расщеплением, ударная площадка ретушированная (см. рисунок, 8). Это, несомненно, нож, использовавшийся в работе непродолжительное время.

Типологический облик нуклеусов показывает, что сколы с них, в том числе нелеваллуазские и весьма небольшие, применялись в работе без дополнительной обработки. Один нуклеус миниатюрный (длиной 2,8 см), два других средних размеров (4,4 и 5 см). Исходными формами сырья для них послужили куски и отщеп кремня. Примечательно, что все нуклеусы сработанные, предназначались для снятия отщепов. Расщеплялись типично раннепалеолитическим способом — скалыванием заготовок с одной слабовыпуклой поверхности с постепенным уплощением этой поверхности. Два нуклеуса параллельного расщепления, подчетыреугольной формы (см. рисунок, 5, 6), один — радиального расщепления, округлый, с утолщением посередине поверхности скалывания (см. рисунок, 9). Ударные площадки нуклеусов ретушированы, в том числе приемом снятия продольных фасеток, как на Нижнепластунской стоянке (см. рисунок, 5).

Небольшой каменный инвентарь этого местонахождения также мало напоминает наборы изделий, встречающиеся на палеолитических памятниках типа мастерских. В составе его имеется законченное орудие, ко-

торое, безусловно, не связано с процессом расщепления камня. Нуклеусы представлены сработанными разновидностями, что также не характерно для мастерских. В районе местонахождения нет выходов или россыпей галек кремня. На наш взгляд, это местонахождение, как и Нижнепластунское, является остатками кратковременной стоянки группы мустьерских охотников, вероятно близких по материальной культуре к мустьерским обитателям, заселявшим пещерные убежища на территории Сочинско-Адлерского карстового района.

¹ Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977, с. 196.

² Щелинский В. Е., Островский А. Б., Янушевич Ю. Д. Новые палеолитиче-

ские памятники на Черноморском побережье Кавказа между Туапсе и Сочи. — АО, 1969 г. М., 1970, с. 82—83.

Г. В. ГРИГОРЬЕВА

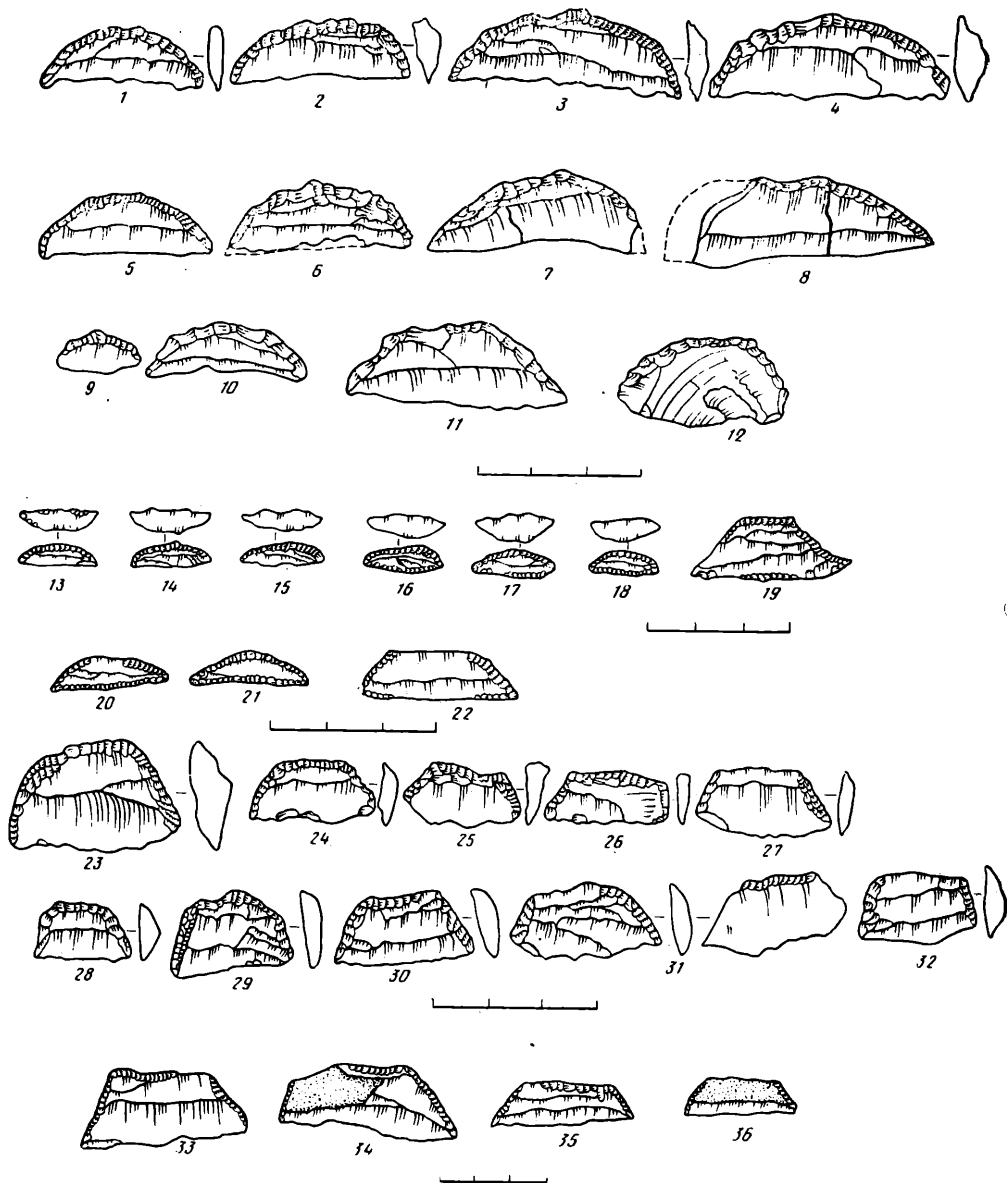
ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМИ МИКРОЛИТАМИ НА РУССКОЙ РАВНИНЕ

Присутствие геометрических микролитов в восточноевропейских позднепалеолитических памятниках привлекает все большее внимание. Количество стоянок, в материалах которых представлены сегменты и трапеции, в последнее время заметно увеличилось.

Наиболее ранним среди рассматриваемых памятников, по нашему мнению, является 4-й культурный слой многослойной стоянки Корпач I, расположенной в долине Прута, в Единецком районе, на северо-западе Молдавии. Из четырех культурных слоев три являются позднепалеолитическими. В 1-м культурном слое обнаружены смешанные материалы, палеолитические и трипольские; инвентари 3-го и 2-го слоев принадлежат, по всей вероятности, к молдавской культуре. Материал 4-го слоя находился в четких стратиграфических условиях, во второй погребенной почве полного профиля, на глубине 3,9—4,1 м от дневной поверхности. По технике оформления и типам орудий материалы 4-го слоя относятся к позднему палеолиту. Своеобразие инвентарю данного слоя придает сочетание таких орудий, как сегменты, наконечники с двусторонней обработкой, скребла, представленные не единичными экземплярами, а сериями: сегментов 19 (среди них крупные, средние и мелкие; см. рисунок, 1—4), наконечников восемь, скребел 16. Помимо указанных групп, здесь присутствуют скребки, резцы, остря, ретушированные пластинки, выемчатые орудия. Совместное залегание сегментов, наконечников и скребел выделяет инвентарь 4-го культурного слоя среди материалов известных позднепалеолитических памятников Днестро-Прутского междуречья. Слой датирован по C^{14} 25 250 ± 300 лет (Ggr — 9758) ¹.

В Молдавии есть и другие памятники, в материалах которых имеются скребла и наконечники, но геометрические микролиты отсутствуют: например, Брынзены I (3-й культурный слой), Бобулешты 6, Климауцы ². В Румынии скребла и наконечники представлены в памятниках на плато Молдова: Четэцика I, Миток-Валя Изворулуй. Все перечисленные стоянки относятся к начальной поре позднего палеолита.

Следующая стоянка с геометрическими микролитами. — Ивашково 6 ³ — находится на левобережье Днестра, в Кодымском районе Одесской области. Культурный слой стоянки залегает в зеленоватом суглинке на глубине 0,6—0,8 м от дневной поверхности ⁴. В инвентаре вместе с распространенными группами орудий — скребками, резцами, выемчатыми формами, единичными проколками и микроостриями — встречены и такие специфические формы, как долотовидные орудия и геометрические ми-

Орудия стоянок

1—4 — сегменты из стоянки Корпач (4-й культурный слой); 5—8 — сегменты из стоянки Звержинец 1; 9—12 — сегменты культуры улицо; 13—19 — геометрические микролиты Тельманской стоянки (2-й культурный слой); 20—22 — геометрические микролиты стоянки Павлов; 23—27 — геометрические микролиты стоянки Ивашково 6; 28—32 — геометрические микролиты стоянки Царинка; 33—36 — геометрические микролиты стоянки Осокоровка (горизонт 3в)

кролиты (см. рисунок, 23—27). Геометрические микролиты типологически разнообразны: четыре сегмента крупных и средних размеров, три трапеции; среди них есть и переходные формы, напоминающие и сегменты, и трапеции, у которых ретушированы и боковые края и верхние.

С. П. Смольянинова считает, что Ивашково 6 не имеет конкретных аналогий среди позднепалеолитических памятников. Стоянка расположена на стыке степи и лесостепи и обнаруживает черты сходства, присущие памятникам и того и другого региона. Стоянка относится к поздней поре палеолита. Согласно схеме В. Н. Станко, в степном Причерноморье выделяются четыре хронологические группы памятников. Ивашково 6 отнесено к четвертой, заключительной⁵.

К памятникам с геометрическими микролитами, расположенным на юго-западе Русской равнины, относится и Царинка⁶. Стоянка находится в 300 м от Ивашкова 6, в том же Кодымском районе Одесской области. Культурный слой при шурфовке не обнаружен, но собран подъемный материал. Орудия стоянки представлены скребками, в основном концевыми, резцами, в большинстве угловыми, ретушированными пластинками, остриями, отдельными пластинками с притупленным краем; особо выделяется выразительная серия геометрических микролитов — 19 экземпляров: два сегмента (один оформлен встречной ретушью) и 17 трапеций, абсолютное большинство которых составляют экземпляры с ретушированными боковыми краями и верхним концом, причем верхний конец одной трапеции оформлен ретушью с бруска, и лишь у одной трапеции верхний конец не подправлен ретушью (см. рисунок, 28—32).

В. Н. Станко датирует Царинку ранним мезолитом, однако, судя по типично позднепалеолитической технике расщепления кремня и набору орудий, этот памятник, с нашей точки зрения, следует отнести к финальной поре позднего палеолита.

В Надпорожье к стоянкам с геометрическими микролитами следует причислить горизонт Зв Осокоровки I, расположенной в Красноармейском районе Запорожской области⁷. Он залегал в средней части лёссовидного суглинка на глубине 4,1—4,8 м от дневной поверхности. В нем прослежены остатки пяти жилищ, размещавшихся по кругу. Внутри жилищ расчищены очаги, по краям обнаружены ямки от столбов.

Инвентарь горизонта Зв характеризуется скребками, резцами, остриями, ретушированными пластинками; исключительный интерес вызывают четыре трапеции удлинённых форм (см. рисунок, 33—36). Верхние концы трех трапеций имеют неглубокие выемки, оформленные притупляющей ретушью. Кроме кремневых изделий, найдены гнейсовая наковальня, несколько поделок из кости, просверленные раковины. На трех упомянутых памятниках — Корпач, Ивашково 6 и Царинка — фауна не обнаружена, в горизонте Зв Осокоровки I найдены кости зубра, быка, байбака и бобра. И. Ф. Левицкий датировал горизонт Зв позднеазильским временем. Ю. Г. Колосов и С. В. Смирнов считают более правильным относить его к раннеазильскому времени⁸.

Среди позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района сегменты представлены во 2-м культурном слое Тельманской стоянки. Культурные остатки залегали в слабогумусированном суглинке, в котором обнаружено также пять жилищ с очагами в центре⁹.

Кремневый инвентарь, собранный на вскрытой площади поселения, идентичен. Среди орудий имеются резцы, скребки, проколки, многочисленны ретушированные пластинки, есть орудия трапециевидной формы, долотовидные орудия. Особенно разнообразны микропластинки с притупленным краем. На основе микропластинок изготовлены и 14 сегментов. Они чрезвычайно своеобразны и отличаются от сегментов других памятников: сделаны из очень мелких микропластинок, имеют хорошо оформленную притупляющую ретушью дугу, и у некоторых экземпляров полностью или частично ретушированное основание (см. рисунок, 13—19). В этом слое много костяных изделий: стержни с различным по форме сечением, шилья, острия, наконечник с черешком, ложила, бусы с орнаментом в виде спиральных нарезок или кривых прерывистых параллелей, поделка грушевидной формы. Материалы рассматриваемого слоя характеризуют костенковско-тельманскую культуру Восточной Европы.

За пределами Восточной Европы к стоянкам с геометрическими формами относится стоянка Звержинец I в предместье Кракова¹⁰. В геологическом разрезе памятника выделены два разновременных горизонта лёссов, разделенных ископаемой почвой. В верхнем лёссе обнаружены остатки костей мамонта, лошади и обломки рогов оленя. Здесь же найдены немногочисленные и маловыразительные кремневые орудия. В ниж-

нем горизонте, залегающем в ископаемой почве и верхней части подстилающего его нижнего лёсса, обнаружены кремневые изделия, зерна минеральной краски и угли. «Совокупность изделий можно определить как смесь остаточных элементов, характеризующих начальную стадию верхнего палеолита»¹¹.

Польские ученые, проведя стратиграфическое и планиграфическое исследования находок, пришли к выводу, что в каменном инвентаре Звержинца I можно выделить ряд элементов, присущих разным культурам. Селетские элементы представлены двумя группами орудий: двусторонними листовидными наконечниками, дошедшими до нас в обломках, и скреблами. Эти элементы связывают с отложениями нижнего лёсса и погребенной почвой, однако некоторые из этих изделий обнаружены и в солифлюкционном горизонте верхнего лёсса. Польские ученые отмечают, что наконечники и скребла не связаны с комплексом, в котором представлены сегменты.

Местоположение ориньякских элементов исследователи связывают с нижним лёссом. Судя по публикациям, участки с находками ориньякских орудий совпадают с участками, на которых обнаружены селетские изделия. К ориньякским формам относят скребки — ладьевидные и с «рыльцем» (кареноидные), ряд клювовидных орудий, многофасеточные резцы.

В солифлюкционном слое найдены орудия, относимые польскими учеными к костенковско-авдеевской культуре. Среди них — крупные срединные резцы, орудия с подтеской на концах с брюшка; но подобные изделия есть и в комплексе с сегментами. О правомочности выделения костенковско-авдеевских элементов судить трудно, ибо большинство из них широко и повсеместно представлено в позднепалеолитических памятниках.

Особо выделяют польские ученые инвентарь с сегментами, приуроченный к горизонту верхнего лёсса. Сегменты крупные, сохранились в основном в обломках (см. рисунок, 1, 5—8). Наряду с сегментами в данном комплексе представлены острия с крутой ретушью по одному и обоим краям, ретушированные пластинки, многочисленные тронкированные пластинки с вогнутыми, выпуклыми и прямыми концами, пластинки с выемками, скребки, разнообразные резцы. Планиграфический анализ орудий на вскрытой площади Звержинца I привел польских ученых к выводу, что комплекс с сегментами не связан ни с селетским, ни с ориньякским комплексами и представляет, таким образом, особую культуру на стоянке. Мы полагаем, что сочетание в одном комплексе сегментов, наконечников с двусторонней обработкой и скребел не вызывает недоумения в настоящее время.

Группа памятников с взаимовстречаемостью в инвентаре сегментов и скребел известна также и в Италии и характеризует культуру улуццо¹², довольно широко распространенную в Италии, особенно в южных и центральных районах. С географической и хронологической точек зрения, как отмечает исследователь данной культуры А. Пальма Чезнола, улуццо присуща некоторая вариабельность, которую стремятся объяснить использованием разного сырья для изготовления орудий.

Южная фация улуццо хорошо представлена материалами грота Кавалло, серия горизонтов которого позволяет проследить развитие этой культуры и установить ее периодизацию¹³. В культуре улуццо выделено три фазы развития.

Древняя фаза характеризуется использованием в качестве сырья плитчатого мелового кремня и техникой двуполусного раскалывания. Среди орудий много долотовидных форм и скребел (последних от 64 до 80%), меньше зубчатых орудий. На данном этапе еще редки острия с изогнутой спинкой, пластинки с притупленным краем, тронкированные орудия, изделия с рабочим краем в виде клюва попугая («бек»); сегменты; процентное содержание перечисленных орудий колеблется от 5,8 до 7,9. Пластинки и острия с изогнутой спинкой крупные и грубые.

Содержание резцов не превышает 1,1%, скребков больше: от 13,5 до 28,9%. Изделия из кости представлены фрагментом наконечника или шила цилиндрическо-конической формы.

В средней, или развитой, фазе использовали в качестве сырья мелкие гальки кремня и яшмы. Техника раскалывания по-прежнему двуполусная. Пластинчатость, несмотря на незначительное увеличение, слабая. Изменения в инвентаре: уменьшилось количество скребел и зубчатых орудий (до 50%), многочисленны еще долотовидные орудия, возросло количество острий с изогнутой спинкой, пластинок с притупленным краем и сегментов (см. рисунок, 9—12), стало меньше скребков и почти исчезли резцы, уменьшились размеры орудий. Из костяных орудий продолжали существовать наконечники цилиндрическо-конической формы. Средняя фаза улуццо датирована по $C^{14} > 31\ 000$ лет.

На поздней фазе улуццо для изготовления орудий использовали кремень, яшму, а также известняк и кварцит, резко возросла роль пластинчатой техники, уменьшилось число долотовидных орудий, почти исчезли острия с изогнутой спинкой, пластинки с притупленным краем и сегменты, увеличилось количество орудий зубчатых форм (до 78—79%) и резцов, среди скребков представлены ориньякские типы — карене с «рыльцем», появились пластинки с ориньякской ретушью, неизменной осталась костяная индустрия.

Между культурой улуццо Южной и Центральной Италии наблюдаются определенные различия: двуполусная техника расщепления в центральных районах не общепринята, значительно реже встречаются там и долотовидные формы, пластинчатость более слабая. Ведущими группами орудий являлись скребла (84—85%) и зубчатые формы. Меньше, чем на юге, острий с изогнутой спинкой, пластинок с притупленным краем и сегментов. Бедность указанных форм как бы компенсируется большим числом тронкированных орудий довольно крупных размеров. Обычны скребки карене и с «рыльцем», количество которых возрастает на юге только к концу развитой фазы.

Что касается вопроса происхождения культуры улуццо, то А. Пальма Чезпола высказал гипотезу, что эта культура развивалась на местной основе, от специальной фации мустье Центральной Италии, может быть даже Тосканы, а затем распространилась на южные области, изменяясь в результате развития.

Сопоставление инвентаря культуры улуццо с комплексом с сегментами из Звержинца I свидетельствует об отсутствии в последнем ряда орудий, характерных для улуццо. К ним относятся короткие скребки из отщепов, зубчатые орудия, острия. По мнению исследователей, комплекс с сегментами хронологически может соответствовать поздней фазе культуры улуццо. По своей культурной принадлежности они различны. Все же остальные памятники, в материалах которых есть сегменты (позднемадленские, азильские), по мнению польских ученых, являются более поздними, что представляется нам вполне справедливым.

Среди позднепалеолитических памятников Центральной Европы следует упомянуть еще стоянку Павлов¹⁴, в инвентаре которой имеются сегменты. Павловские сегменты различны по обработке: с полностью ретушированными дугой и основанием, с частично ретушированной дугой и полностью ретушированным основанием, есть экземпляры, приближающиеся по форме к трапециям (см. рисунок, 20—22).

Таким образом, коротко охарактеризовав ряд памятников с геометрическими формами и сопоставив их со стоянками сопредельных территорий (в данной работе не рассматриваются памятники Кавказа и Крыма), можно подвести некоторые итоги.

Сегменты появляются и существуют на протяжении всего позднего палеолита. Инвентари рассмотренных памятников демонстрируют исключительное своеобразие геометрических форм, т. е. в приведенных материалах нет ни одного типологически сходного набора геометрических микролитов. Наиболее древними памятниками являются Корпач

(4-й культурный слой), за пределами Восточной Европы — Звержинец I и культура улудцо. Эти памятники разнокультурны, несмотря на хронологическую близость. Тельманская стоянка (2-й культурный слой) — оригинальный и развитый памятник костенковско-тельманской культуры со своеобразным набором миниатюрных сегментов — по времени занимает промежуточное место между начальной и финальной группами позднепалеолитических памятников. Заключительный этап позднего палеолита характеризуют материалы Ивашкова 6, Осоковрки I (горизонт Зв) и Царинки, в которых наряду с сегментами появились трапеции и переходные орудия, близкие по форме и обработке к сегментам, и к трапециям. В материалах 4-го культурного слоя Корпача и Звержинца I сосуществуют такие типы орудий, как сегменты, наконечники и скребла.

Правда, наконечники и скребла стоянки Звержинец I выделены особо как селетские элементы, но, по нашему мнению, они могут находиться вместе в одном комплексе с сегментами. Лишь дальнейшие раскопки Звержинца I решат вопрос о смешанности или несмешанности комплексов.

Между материалами Корпача (4-й культурный слой) и Звержинца I наряду с общими чертами наблюдаются и значительные различия. В данном случае мы рассматриваем инвентарь Звержинца I целиком. В Звержинце I представлены в основном крупные сегменты с полностью ретушированной дугой, в Корпаче (4-й культурный слой) они разнообразнее и по размерам и по оформлению. Близки между собой по характеру обработки наконечники Звержинца I и Корпача (4-й культурный слой): и там и тут мелкие и крупные экземпляры, готовые изделия и заготовки; сходны по технике оформления скребла. В Звержинце I нет зубчато-выемчатых орудий, в Корпаче (4-й культурный слой) отсутствуют ориньякские скребки и пластинки с ориньякской ретушью. В Корпаче маловыразительны резцы, довольно много плоских, в Звержинце I резцы разнообразнее, более типичны, среди них значительное количество плоских.

Итак, в течение всего позднего палеолита можно констатировать присутствие геометрических микролитов в виде сегментов, а на заключительных этапах палеолита — трапеций. Существование геометрических форм на протяжении всего позднего палеолита на Кавказе и Ближнем Востоке довольно обычно. Появление сегментов в памятниках ранней поры позднего палеолита на Русской равнине — явление пока исключительное.

- ¹ Борзияк И. А. Поздний палеолит Северо-Запада Молдавии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978, с. 13—14. Grigorjeva G. Korpach. Early Man News 3/4. Tübingen, 1978/79, p. 40. Матюхин А. Е., Григорьева Г. В. Технология изготовления наконечников из позднепалеолитической стоянки Корпач. — СА, 1981, № 2, с. 245—251; Борзияк И. А., Григорьева Г. В., Кергару Н. А. Поселение древнекаменного века на северо-западе Молдавии. Кишинев, 1981, с. 45—86.
- ² Кергару Н. А. Памятники эпох палеолита и мезолита. — Археол. карта МССР. Кишинев, 1973, вып. 1, с. 69—73, 119—120; Борзияк И. А. Поздний палеолит северо-запада Молдавии..., с. 5, 6; Он же. Новые памятники палеолита и мезолита в Молдавии — В кн.: Археологические исследования в Молдавии. Кишинев, 1974, с. 17—19; Он же. Проблема перехода от мустье к позднему палеолиту на примере

мустьерских и верхнепалеолитических памятников Днестровско-Карпатского региона. — Изв. АН МССР, Сер. обществ. наук, 1980, с. 59—67.

- ³ Смольянинова С. П. Раскопки позднепалеолитической стоянки Ивашково 6. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР: Тез. докл. юбил. конф. Киев, 1975, с. 22—24.
- ⁴ Смольянинова С. П. Позднепалеолитическая стоянка Ивашково 6. — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 120—129.
- ⁵ Станко В. Н. Поздний палеолит и сложение мезолита в степях Северного Причерноморья. — В кн.: Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. Киев, 1980, с. 17.
- ⁶ Станко В. Н. Ранний мезолит степей Северного Причерноморья. — В кн.:

- Первобытная археология — поиски и находки. Киев, 1980, с. 99—104.
- ⁷ *Левицький І. Ф.* Розкопки палеолітичної стоянки на балці Осокорівій в 1946 АП, УРСР. Київ, 1949, т. 2, с. 289—291.
- ⁸ *Колосов Ю. Г.* Некоторые позднелеолитические стоянки порожистой части Днепра (Осокоровка, Дубовая балка, Ямбург). — САИ, 1964, вып. А 1-5, с. 44—45; *Смирнов С. В.* Палеоліт Дніпровського Надпоріжжя. Київ, 1973, с. 126—128.
- ⁹ *Розачев А. Н.* Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблемы развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. — МИА, 1957, № 59, с. 47—56; *Челидзе Л. М.* Тельманская стоянка и некоторые вопросы развития верхнепалеолитической культуры в Восточной Европе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1968, с. 13—14.
- ¹⁰ Warunki klimatyczne akumulacji lessu młodszego w świetle wników badań stratygraficznych stanowiska paleolitycznego lessowego na Zwierzyńcu w Krakowie. Warszawa, 1952; Nowa kultura górnopaleolityczna w Europie Środkowej ze studiów nad materiałami ze stanowiska Zwierzyniec I. — Archeol. Polski, 1975, t. 20, z. 2, p. 275—314.
- ¹¹ Warunki klimatyczne..., p. 41.
- ¹² *Palma di Cesnola A.* Le leptolithique archaïque en Italie. — In: IX Congrès URSP, colloque XV, perigordien et gravettien en Europe. Nice, 1976, 13 sept., p. 66—98.
- ¹³ *Palma di Cesnola A.* Il paleolitico superiore arcaico (facies uluzziana) della Grotta del Cavallo, Lecce. Rivista di Scienze preistoriche. Firenze, 1965, vol. 20, f. I, p. 33—62.
- ¹⁴ *Klima B.* Výskum paleolitického sildiste v Pavlova v roce 1956. — Arch. roz, 1959, t. 11, ses. I, p. 3—15; *Idem.* Dolni Vestonice. Praha, 1963.

Т. И. ЩЕРБАКОВА

МЕТОДИКА СБОРА МАТЕРИАЛА НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ С РАЗРУШЕННЫМ КУЛЬТУРНЫМ СЛОЕМ

Впервые в нашей стране на местонахождения с разрушенным культурным слоем было обращено внимание в 30-х годах благодаря работам С. Н. Замятина на Черноморском побережье Кавказа. В ходе исследования Яштуха возник ряд трудностей, связанных со спецификой подобных памятников. С. Н. Замятин писал: «Методика изучения такого рода памятников на Западе, где они известны давно и в большом числе, не разработана сколько-нибудь серьезно. Сталкиваясь впервые на Яштухском местонахождении с памятниками подобного рода, мне приходилось на ходу нащупывать и намечать приемы и способы наблюдений, которые бы позволили хоть в какой-то мере восполнить отрывочность получаемых сведений»¹. Сбор материалов Яштуха по участкам и представление общего плана этих участков явились в советской археологии примером нового отношения к стоянкам с разрушенным культурным слоем, но, к сожалению, этот опыт был воспринят не сразу и не всеми археологами.

В 1947—1948 гг. М. З. Паничкиной были проведены поквadratные сборы на нижнепалеолитическом поселении Сатани-Дар в Армении. Оказалось, что выявленные две группы изделий, названные шелльским и ашельским комплексами, имеют разную плотность распределения в пределах одного и того же участка. Однако, кроме короткого описания о расположении предметов, где сказано, что «позднеашельские остатки представлены в большем числе и группируются сконцентрированными пятнами, а древнейшие изделия встречаются в значительно меньшем количестве и распределяются на той же площади в виде единичных экземпляров»², никаких других данных, в частности планов, не приводится. Более того, при дальнейшей работе автор рассматривала материал уже только по типологическому принципу (шелль — ашель), практически не используя данные планиграфических наблюдений.

Интересные предложения для разработки методики исследования памятников с разрушенным культурным слоем были сделаны в конце

50-х годов геологами М. Ф. Петрунем и Л. С. Белокрысом, которые наряду с геологическими работами в Крыму провели серию «площадных археологических съемок»³. При выборе участков для обследования они учитывали степень их пригодности для заселения первобытным человеком. Основные положения их работы: а) на миллиметровку наносится план участка в масштабе 1500 или 1200 в зависимости от площади; б) участок разбивается на продольные полосы шириной 3—5 м; в) регистратор, двигаясь по компасу, отмечает находки на плане (расстояние при этом отмеряется шагами); г) находка отмечается на плане точкой, и рядом ставится цифра в виде дроби, где числитель означает номер полосы, а знаменатель — порядковый номер предмета.

В принципе такой способ фиксации и сбора подъемного материала достаточно прост и удобен, особенно для тех разрушенных памятников (или групп памятников), материал которых рассеян на достаточно большой площади. Однако, кажется, никто из археологов не пытался проверить и опробовать эти методические разработки, внесенные М. Ф. Петрунем и Л. С. Белокрысом. Отношение к местонахождениям с разрушенным культурным слоем как к памятникам второстепенным по-прежнему остается господствующим, хотя в литературе порою и появляются сообщения о нетрадиционном подходе к стоянкам подобного рода. В 1970—1973 гг. группа иркутских археологов провела работу «по картированию и возможной локализации в составленных топопланах эродированных кварцитовых артефактов, собранных с поверхности горы Глиняной, одной из высот ангарского правобережья»⁴. Основное внимание в своей работе данные исследователи уделили привязке пунктов локализации артефактов к формам рельефа и дали их анализ с учетом состава инвентаря в каждой локальной группе. Фиксации находок на плане не производилось, намечались только контуры их распространения на местности. Возможно, такая система работы окажется наиболее приемлемой и достаточной для большинства местонахождений с разрушенным культурным слоем, поскольку очень во многом методика исследования зависит от конкретных условий, и в первую очередь от степени сохранности памятника. Результаты проведенных опытных исследований на горе Глиняной убедили иркутских археологов в перспективности выбранного ими направления, что «прежде всего вызывается требованиями научной фиксации и аналитических операций, хотя в меньшей степени здесь затрагиваются и вопросы достоверности памятника. . .»⁵

В нашей литературе с наиболее полным обоснованием необходимости специального подхода к памятникам с разрушенным культурным слоем, а также с обоснованием их значимости в решении проблем первобытной археологии наряду с памятниками с нетронуемым культурным слоем выступил И. И. Коробков⁶. Его работа как бы подвела теоретическую основу под те опытные исследования, которые предпринимались отдельными археологами в разные годы и на разных территориях, и в ней были сформулированы основные принципы, направленные на разработку методики изучения местонахождений открытого типа с разрушенным культурным слоем. Эти методологические установки не являются чем-то принципиально новым; большинство исследователей, как правило, руководствуются ими, работая на местонахождениях залегающих *in situ*, но не распространяют на разрушенные памятники. И. И. Коробков, предлагая рассматривать стоянки с разрушенным культурным слоем как полноправные исторические источники, предъявил к их изучению требование обязательной научной фиксации (топопривязка, планиграфия), что позволит не только хорошо документировать полевые работы и отразить определенное состояние памятника к моменту его изучения, но и получить ряд наблюдений, которые значительно увеличат количество информации о собранных артефактах. Техничко-морфологический анализ каменных изделий и их интерпретация должны находиться в обязательной взаимосвязи с данными всех полученных в поле наблюдений — это второе необходимое требование.

Однако следует учесть, что местонахождения с разрушенным культурным слоем далеко не равноценны. Они различаются не только по степени, но и по характеру разрушения культурного слоя (искусственный характер — вспашка, раскорчевка и др.; естественный — склоновая эрозия, плоскостный смыв, разрушение по промоинам, выдувы в песках), а также по расположению в рельефе местности. Вряд ли имеет смысл применять какую-либо методику сборов к материалам, значительно перетолженным, находимым в руслах оврагов (как, например, на местонахождении Лаше-Балта в Юго-Осетии)⁷ или на бичевниках (Лука Врублевская на Днестре)⁸. Здесь налицо отрыв материалов от места их первоначального залегания. Очевидно, что основное внимание должно быть направлено на стоянки, расположенные на речных террасах и по берегам водоемов, культурный слой которых в силу тех или иных причин был полностью или частично вскрыт. Смещение и рассеивание артефактов на площади зависело уже от конкретных условий местности и длительности воздействия разрушающих факторов.

Следует учитывать и то, что после попадания на современную дневную поверхность сами каменные изделия подвергаются сильным физическим и химическим изменениям. На них появляются интенсивная патина, окатанность, трещиноватость, повреждения. Все это порой придает комплексу известную архаичность и часто влияет на хронологическую оценку, тогда как, кажется, ведущая роль здесь должна оставаться за технико-морфологическим анализом и аналогиями с ближайшими материалами, происходящими из слоя.

В 1974 г. на ашело-мустьерском местонахождении Кишлянский Яр, находящемся в Хотинском районе Черновицкой области близ с. Дарабаны и открытым Н. К. Анисюткиным в 1971 г.⁹, был собран и проанализирован материал согласно методическим предложениям И. И. Коробкова. Памятник расположен на правобережье Днестра, приблизительно в 600—700 м от устья оврага, образованного р. Кишлянский Яр, впадающей в Днестр. Здесь по левому борту фиксируется вторая надпойменная терраса с аллювием в основании, а в месте распределения находок — небольшой фрагмент III (?). Поверхность террасы в настоящее время распаивается, что, скорее всего, и привело к вскрытию культурного слоя. Предварительные исследования, проведенные в 1972 г., показали, что каменные изделия встречаются в виде неравномерных скоплений на площади приблизительно 300×150 м. Тогда же было заложено четыре шурфа для выявления возможно сохранившихся участков культурного слоя (см. рисунок). Общая стратиграфия местонахождения по линии север—юг:

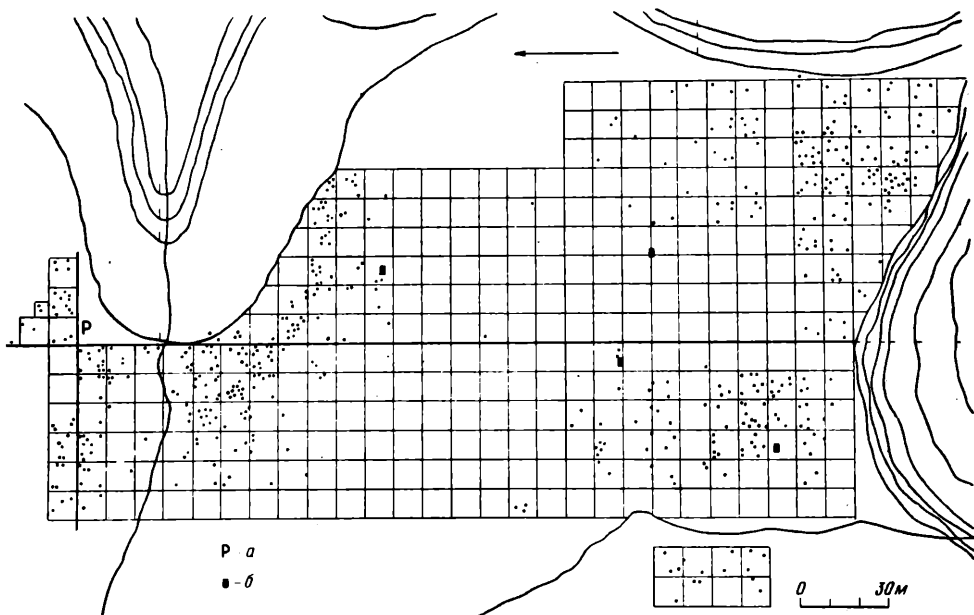
1. Современная почва черного цвета (пахотный слой), содержащая в смешанном состоянии керамику трипольской культуры и более поздних эпох, а также палеолитические кремневые изделия; мощность слоя различна: на северной оконечности — 20 см, в центре — наиболее высокой части — до 45 см, на южном участке — не более 5 см.

2. Глина слабокарбонатная, коричневого цвета, с кротовинами; в ней встречаются только палеолитические находки. Мощность: на северном участке — 56 см, в центральной части — 45 см, на южном участке этот слой отсутствует.

3. Суглинок карбонатный, светло-коричневого цвета, содержит кремневые палеолитические изделия и моллюски; мощность: на северном участке — до 10 см, в центральной части — до 15 см, на южном — 80 см. Контакт с нижележащим слоем четкий.

4. Супесь желтовато-серая, переходящая в мелкий песок; прокопана до глубины 25 см, находок нет.

Стратиграфия по линии запад—восток (по направлению к тальвегу оврага) отличается увеличением мощности двух верхних слоев, причем 2-й слой состоит из гумусированных пятен и прослоек, указывающих на частичное перемещение слоев вниз по склону. Выраженного культурного горизонта в результате шурфовки не обнаружено, но установлена связь

Схематический план распределения находок на местонахождении Кишлянский Яр
a — репер; *b* — шурфы 1972

палеолитических изделий с определенными литологическими отложениями (слои 2-й и 3-й). Надо полагать, что нарушение первичного залегания археологических остатков еще до их вскрытия вспашкой было также связано с наличием на этой же площади поселений энеолита и железного века.

Первоначальное намерение разбить всю исследуемую площадь на квадраты размерами 2×2 м и затем производить сбор материала оказалось нереальным: в этот год склон был засажен кукурузой. Но, как кажется, такая разбивка, даже если бы она и была возможна, является слишком трудоемкой для осуществления на достаточно большой площади. Наша практика показала, что гораздо удобнее производить постепенный и последовательный осмотр участков с фиксацией и сбором с них материалов, начиная с какой-то определенной точки на местности, которая должна служить ориентиром в течение всех работ. В данном случае выбранный нами репер (*P*) находился у северного края поселения (см. рисунок). От него сначала в направлении запад—восток была намечена первая реперная линия с обозначением на ней 10-метровых отметок. По обе стороны от этой линии с помощью рулетки и нескольких кольев намечались контуры двух 10-метровых участков (квадратов?). После сбора в них материала с занесением каждой находки на план намечались следующие два участка вдоль реперной линии и т. д. Пройдя по северному краю поселения 20-метровой полосой в направлении запад—восток, наметили вторую реперную линию в направлении север—юг, которая пересекла площадь распространения находок примерно по середине (см. рисунок). Здесь продолжался сбор и фиксация артефактов по тем же 10-метровым участкам. Нуклеусы, отщепы и орудия обозначались на плане различными знаками, аморфные обломки и куски подсчитывались, но при уменьшении плана для данной статьи все находки были показаны точками.

Полученные таким образом данные позволили провести планиграфический анализ материала. В северном и южном концах местонахождения четко обозначались два больших скопления. Они получили названия Северного и Южного участков. Площадь первого примерно 120×110 м², второго — 140×150 м². То, что существует полярная концентрация из-

делий, было замечено еще при визуальном осмотре исследуемой площади, и точная фиксация не просто откорректировала это впечатление, но и выявила несомненное наличие почти пустой полосы шириной около 60 м между скоплениями (см. рисунок).

Весьма наглядным показателем при сборе материала оказался известковистый натек, происхождение которого на изделиях связано с наличием карбонатного горизонта в южной части местонахождения. На материалах Северного участка он не встречается, на артефактах в районе «нейтральной» полосы начинает появляться, и по мере продвижения к югу его наличие на предметах становится закономерностью. На Южном участке практически нет ни одного изделия, в той или иной мере не покрытого известковистой коркой.

При планиграфическом анализе местонахождений с разрушенным культурным слоем в отличие от подобного анализа стоянок с хорошо выраженным культурным слоем невозможно выделять какие-либо места хозяйственной или производственной деятельности; здесь можно указать только на общую тенденцию расположения материала на местности. В Кишлянском Яре при его степени разрушения можно уловить пункты наибольшей концентрации материала и пункты, менее насыщенные. Так, на Северном участке наиболее сильная частота встречаемости находок приходится на мыс небольшого (древнего?) овражка и затем прослеживается по его бортам (см. рисунок). Не исключено, что в процессе роста этого овражка часть стоянки была уничтожена. Расположение стоянки в древности у источника, на берегу небольшой реки, является не только логичным, но и подтверждается фактом размещения материала.

Южное скопление имеет несколько иное распределение, что в какой-то мере связано с особенностями рельефа. Центральная часть участка (примерно там, где проходит реперная линия) немного возвышена, а в восточном и западном направлениях начинается понижение поверхности, достигающее крутизны 35—40°. На плане видно, что в ближайших квадратах, расположенных по обе стороны от реперной линии, находок почти нет, тогда как на пониженных местах их количество резко возрастает. Это создает впечатление наличия двух отдельных группировок на Южном участке. Окончательно подтвердить или опровергнуть это могли только последующие технико-морфологический и типологический анализы, а пока было сделано предположение, что изделия, попадая на поверхность, «смывались» водными потоками на пониженные места. Более мелкие артефакты располагались обычно на самых отдаленных пониженных участках. Но возможен и другой вариант: палеолитический материал в центральной части Южного участка находится под более мощными отложениями и еще не вскрыт. Этот вариант нужно проверить, так как шурфы 1972 г. не затрагивали данной части местонахождения.

Таким образом, планиграфические наблюдения на Южном участке давали несколько вариантов для интерпретации материала. Здесь уже вступало в силу второе методическое требование для работы на памятниках с разрушенным культурным слоем, а именно взаимосвязь полевых наблюдений с технико-морфологическим анализом и типологией. Не излагая подробно весь процесс проделанной работы, что и не предусматривается темой статьи, приведу только основные результаты.

Ни по приемам первичного расщепления, ни по приемам вторичной обработки, ни по типологии материал Южного участка не разделяется. Он, несомненно, является единым комплексом, который датируется приблизительно концом ашельского времени. Ближайший его аналог — местонахождение Королево в Закарпатье¹⁰.

На Северном участке представлен мустьерский комплекс. Его связь с комплексом Южного участка прослеживается по ряду признаков. Индустрия Южного скопления имеет клетонскую направленность. Здесь преобладают массивные укороченные или средних пропорций сколы, высок процент зубчато-выемчатых элементов и в то же время фиксируются приемы классической леваллуазской техники, намечается

развитие приемов параллельного раскалывания, дающих не столь массивные удлинённые заготовки, много скребел. Материал Северного участка показывает явное усиление этих тенденций и по своим технико-типологическим признакам в какой-то мере приближается к молодцовскому леваллуа-мустье. Известно, что до 70-х годов в Поднестровье выделяли две археологические культуры: молодцовскую с леваллуазской техникой и стинковскую с выраженными тейко-зубчатыми чертами¹¹. Новые открытия в окрестностях Хотина выявили своеобразную группу памятников (Северный и Южный участки Кишлянского Яра, Кетросы, Пригородок IV), инвентарь которых имеет определенную специфику, не позволяющую относить эти стоянки ни к одной из ранее известных культур данного региона. Подъемные материалы Кишлянского Яра дали для такого заключения не менее важную информацию, чем материалы Кетрос, происходящие из прекрасно сохранившегося культурного слоя.

В подходе к изучению памятников с разрушенным культурным слоем в настоящее время можно констатировать накопление определенного опыта в плане их методического изучения. Это: а) топопривязка материала и фиксация его на плане в виде скоплений контурной линией (С. Н. Замятнин, Г. И. Медведев); б) подквадратные сборы с фиксацией на плане каждой находки (М. З. Паничкина, И. И. Коробков). Вариант наших сборов на Кишлянском Яре по участкам, вдоль реперных линий, во многом сходен с поквадратными сборами, отличаясь лишь последовательностью операций, что, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ, однако принцип фиксации — в пределах определенного участка (квadrата?) — сохраняется; в) сбор материала продольными полосами шириной 3—5 м с обозначением находок на плане (М. Ф. Петрунь, Л. С. Белокрыс).

Будет ли создана некая единая методика работы на памятниках с разрушенным культурным слоем? Практика показывает, что более очевидно использование различных способов сбора подъемного материала, зависящих от конкретных условий и степени сохранности местонахождения. Но цели и методические установки исследователей должны быть общими и обязательными. В первую очередь это — получение максимума информации о памятнике еще в поле, рассмотрение материалов в контексте их местоположения на местности.

¹ Замятнин С. А. Палеолитические местонахождения восточного побережья Черного моря. — В кн.: Очерки по палеолиту. М.; Л., 1961, с. 76.

² Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л., 1950, с. 26.

³ Петрунь М. Ф., Белокрыс Л. С. К применению геологами археологического метода использования в условиях горного Крыма. — БКИЧП, 1961, № 26, с. 161—167.

⁴ Медведев Г. И., Алаев С. А., Сокальский А. А. О топографии раннепалеолитических местонахождений на высоких террасах Южного Приангарья. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1978, с. 5.

⁵ Там же, с. 12.

⁶ Коробков И. И. К проблеме изучения нижнепалеолитических поселений открытого типа. — МИА, 1971, № 173, с. 61—99.

⁷ Любин В. П. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии. — МИА, 1960, № 79, с. 29—30.

⁸ Борисковский П. И. Палеолит Украины. — МИА, 1953, № 40, с. 39—42.

⁹ Анисюткин Н. К. Палеолитические памятники в Черновицкой области. — АО, 1972 г. М., 1973.

¹⁰ Анисюткин Н. К. Мустьерская стоянка Кетросы в Среднем Приднестровье. — БКИЧП, 1978, № 48, с. 147.

¹¹ Анисюткин Н. К. Об археологических культурах мустье. — В кн.: Археологический сборник. Л., 1977, № 18, с. 5—9.

МАСЛОВКА — ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА Р. ВОРОНЕЖ

На обширной территории бассейна Дона, в его верхнем течении, до недавнего времени была известна лишь одна стоянка эпохи палеолита — Гагарино¹. От Костенковско-Борщевской группы стоянок на юге она удалена на 160 км, от Курских стоянок на юго-западе — на 250 км, от Брянской группы деснинских стоянок — на 320 км. Это не давало, однако, основания считать, что в эпоху палеолита рассматриваемая территория была крайне слабо заселена человеком. Первые же кратковременные, но специализированные поиски палеолита, предпринятые нами в 1969 г. по р. Воронеж, привели к открытию там позднепалеолитической стоянки Масловка².

В ходе рекогносцировочного маршрута по правому берегу р. Воронеж, на участке ее нижнего течения (в пределах Воронежской области) выяснилось, что наиболее перспективной для поисков палеолита является северная часть Рамонского района. Правобережье здесь высоко поднимается над уровнем реки и расчленено древними логами. Наибольшее внимание привлек к себе крупный Маслов лог, протянувшийся с запада на восток у самой границы Липецкой области. На более низком правом склоне лога находится пос. Масловка, а выше левого склона, с северной стороны, протянулось с. Сенное. Приустьевая часть лога — прямая, с высокими крутыми склонами — открывается в русло р. Воронеж, выше лог делает поворот к северу и, расширяясь примерно вдвое, тянется снова в западном направлении, а далее вновь сужается и уходит к водоразделу. Расширенная часть лога — его левый (северный) склон — расчленена оврагами, образующими мысовидные выступы. Поверхность этих мысов сильно размыта, и они круто понижаются к тальвегу лога. Просмотр этого участка с наиболее высокой точки правого склона привел к выводу, что такие мысы могут наиболее близко отвечать традиционным местам поселения палеолитического человека. Расположены они в большом логу, недалеко от крупной реки, близко к воде, но довольно высоко; защищены высоким склоном от северных ветров, обращены в южную сторону. Именно на мысах Маслова лога и были обнаружены культурные остатки эпохи палеолита.

При осмотре мыса, удаленного примерно на 1 км от устья лога, на самой его оконечности, на месте небольшой осыпи, был найден мелкий пластинчатый отщеп мелового кремня. В 300 м от этой находки, ближе к устью лога, на размытой суглинистой поверхности второго мыса обнаружено еще два расщепленных кремня. Примерно в 40 м еще дальше выделяется третий сильно размытый мыс, на поверхности которого было собрано шесть расщепленных кремней. Часть этих кремней имела в момент обнаружения яркую голубоватую патину, которая спустя некоторое время приобрела тусклый белесый оттенок. Это может быть объяснено тем, что незадолго до обнаружения кремни были вымыты из суглинка прошедшим накануне ливневым дождем.

В 1969—1973 гг. на всех трех мысах Маслова лога были проведены раскопки: шурфовка и вскрытие небольших участков. На первом мысу заложено два шурфа: один (1,50×0,75×1,6 м) на месте находки кремня и второй (1,70×0,80×2,44 м) — немного выше по склону. Шурфами пройдены плотные суглинистые отложения до сильно опесчаненного суглинка и светлого песка. Культурных остатков в шурфах не оказалось.

На втором мысу проведена шурфовка и заложен небольшой раскоп (рис. 1, а). В средней полосе мыса на разных уровнях поверхности поставлено семь небольших по площади (1,70×0,80 м) шурфов, углубленных до 1,7—2,94 м. В шурфах прослежены плотные суглинистые отло-

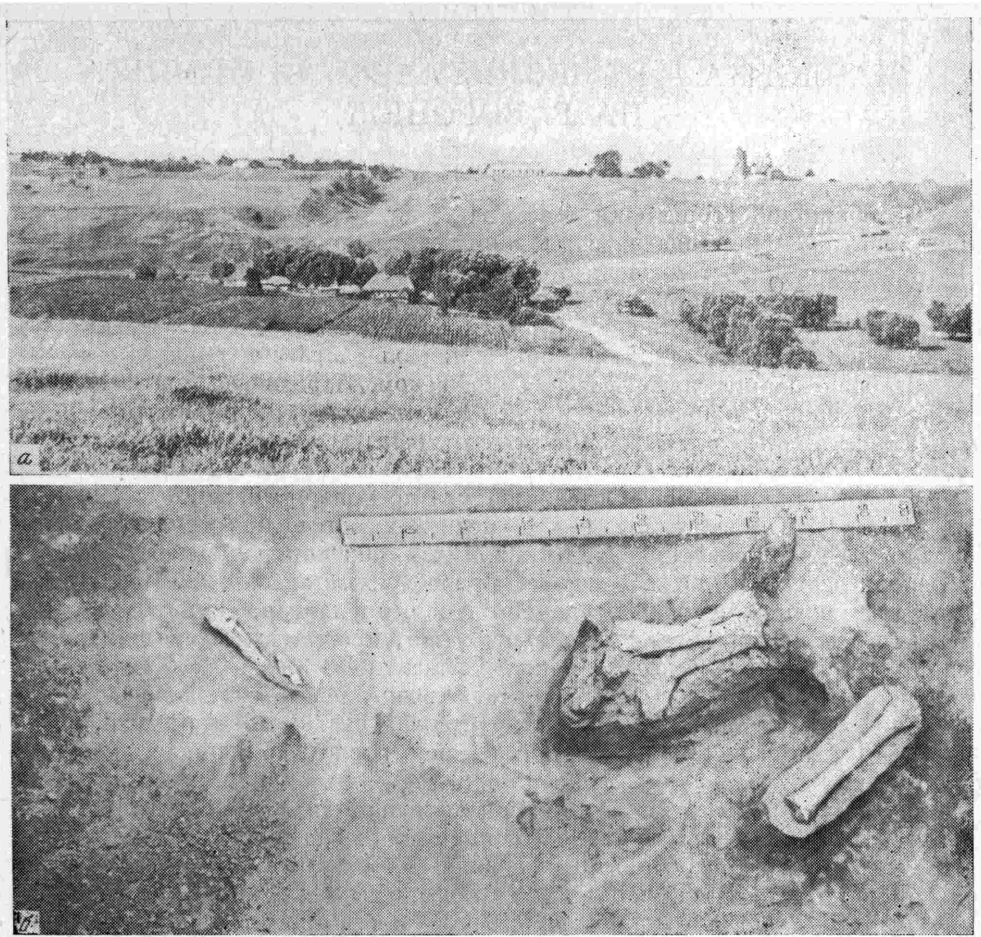

Рис. 1. Стоянка Масловка

a — вид на мысы II и III с юга; *b* — скопление костей лошади на мысу II

жения, подстилаемые светлым песком или суглинком, песчанистым, известковистым, мергелистым. Светлый песок отмечен в шурфах, заложенных на нижнем и верхнем уровнях поверхности мыса. Весьма своеобразны отложения, прослеженные в одном из шурфов более высокого уровня мыса, находящегося западнее остальных. Здесь на глубине 1 м от поверхности под слоем плотного бурого суглинка отмечены линзы черного гумуса, круто падающие к востоку, а на глубине 1,5 м — сильно окатанные обломки разных пород. В шурфе хорошо прослеживался прислон отложений, образующих этот мыс. Такой прислон отмечен и в шурфе, заложенном на самом верхнем участке мыса. Следовательно, отложения мыса — это тыльная часть надпойменной террасы, по всей вероятности второй.

Культурных остатков в шурфах не обнаружено, если не считать расколотой трубчатой кости, залегающей в мергелистом суглинке на глубине 1,7 м от поверхности, в шурфе выше среднего участка склона мыса. Этот шурф был расширен на 4 м² в сторону повышения мыса, где в тех же условиях на глубине 2 м компактной группой залегали кости лошади (рис. 1, б), рядом с ними (в кротовине) — кремневая пластинка, а выше — еще три кремня. Кости были покрыты сплошным известковистым налетом, на этом же уровне прослеживался горизонт мелких журавчиков. На следующем этапе работ выше по склону был заложен раскоп площадью 24 м² — 6×4×2,6 м. В раскопе оказалось 11 кремней и один фрагмент кости животного. Находки были рассеяны по всей пло-

пада и весьма значительно по вертикали — в пределах 0,55—1,65 м от поверхности, а фрагмент кости находился на глубине 2 м, т. е. на том же уровне и в тех же условиях, что и кости лошади.

На третьем мысу тоже проведена шурфовка и заложен небольшой раскоп (рис. 1, а). По гребневой части мыса поставлено семь шурфов (1,70×0,80 м), углубленных до 1,85—3,30 м. Шурфами пройдены очень плотные суглинки, и в большинстве их достигнута толща светло-желтого слоистого песка, выше которой залегали темно-серые гумусные прослойки. В одном из шурфов на более высокой части мыса прослежены две гумусные прослойки, каждая из которых подстилается более светлыми прослойками с оранжевыми линзами. Культурные остатки выявлены лишь в одном шурфе, заложенном у более высокого участка мыса и несколько восточнее его гребня, где ранее на поверхности собирался кремь. В шурфе обнаружены десять кремней и одна кость мелкого животного, залежавшие на глубине 0,90—1,30 м. Основная их часть связана со слоем плотного желтовато-бурого суглинка и приурочена к уровню 1,2 м. В дальнейшем на месте шурфа был заложен раскоп площадью 22 кв. м (вместе с шурфом) — 6×4 м (северо-восточный угол — 2 кв. м — не вскрывался), глубина раскопа 1,7 м. В центральной части вскрытой площади и ближе к юго-восточному углу выявлено 19 кремней и одна кость мелкого животного. Большая часть находок приурочена к слою плотного бурого суглинка, локализовалась на рубеже 1,2 м от поверхности, но часть их весьма значительно рассеяна по вертикали — от 0,30 до 1,50 м.

Основная часть площади второго и третьего мысов была снята на план в масштабе 1:200 с сечением горизонталей через 1 м. Как показывают эти планы, культурные остатки, выявленные на обоих мысах раскопками, залегают примерно на одной высоте близко к 20-метровому уровню над урезом ручья.

В целом полученные в Масловке коллекционные материалы невелики по объему, представлены кремневым инвентарем и фаунистическими остатками. Последние, по определению Н. М. Ермоловой, включают три вида животных: 1) лошадь (*Equus caballus*) — лопатка, локтевая, метаподий, фаланга копытная — II мыс; 2) северный олень (*Rangifer tarandus*) — метаподий — II мыс; 3) лисица (*Vulpes vulpes*) — пяточная, метаподий — III мыс.

Кремневый инвентарь насчитывает 76 предметов: только 1 экземпляр происходит с первого мыса, менее половины — со второго и несколько больше — с третьего. Для всего инвентаря характерно использование однородного сырья — высококачественного мелового кремня, светлого, просвечивающегося и черного. Наличие патины разной плотности — от слабой голубовато-белесой до очень интенсивно ровной белесой — не всегда позволяет точно определить цвет сырьевого материала.

Весь расщепленный кремь подразделяется на несколько групп. 1. Пластинки (рис. 2, 4—8, 15), 12 экземпляров. Верхняя сторона двух- и трехгранная, основание или концевая часть обломаны, иногда утрачены оба конца, размеры небольшие: длина менее 4 см, ширина — от 1,0 до 1,9 см, толщина 0,20—0,60 см. Выделяются два экземпляра более массивные (0,9—1,0 см), длиной 4,7 и 5,5 см.

2. Микропластинки, пять экземпляров (рис. 2, 1—3). Фрагментированы, как и пластинки, длина их менее 3 см, ширина от 0,5 до 0,8 см, толщина 0,15—0,3 см, верхняя сторона двугранная, у одного экземпляра — трехгранная.

3. Пластинчатые отщепы, четыре экземпляра, укороченные пластинки, верхняя сторона двугранная и в одном случае трехгранная. Длина их едва превышает 2 см, ширина равна 1—1,4 см, толщина 0,2—0,5 см.

4. Сколы с площадки нуклеуса (поперечные, рис. 2, 12), четыре экземпляра — отщепы с негативами сколов по краю, направленными вертикально по отношению к верхней плоскости. Размеры их невелики — длина, ширина и толщина не превышают соответственно 4,2—3,5—1,0 см.

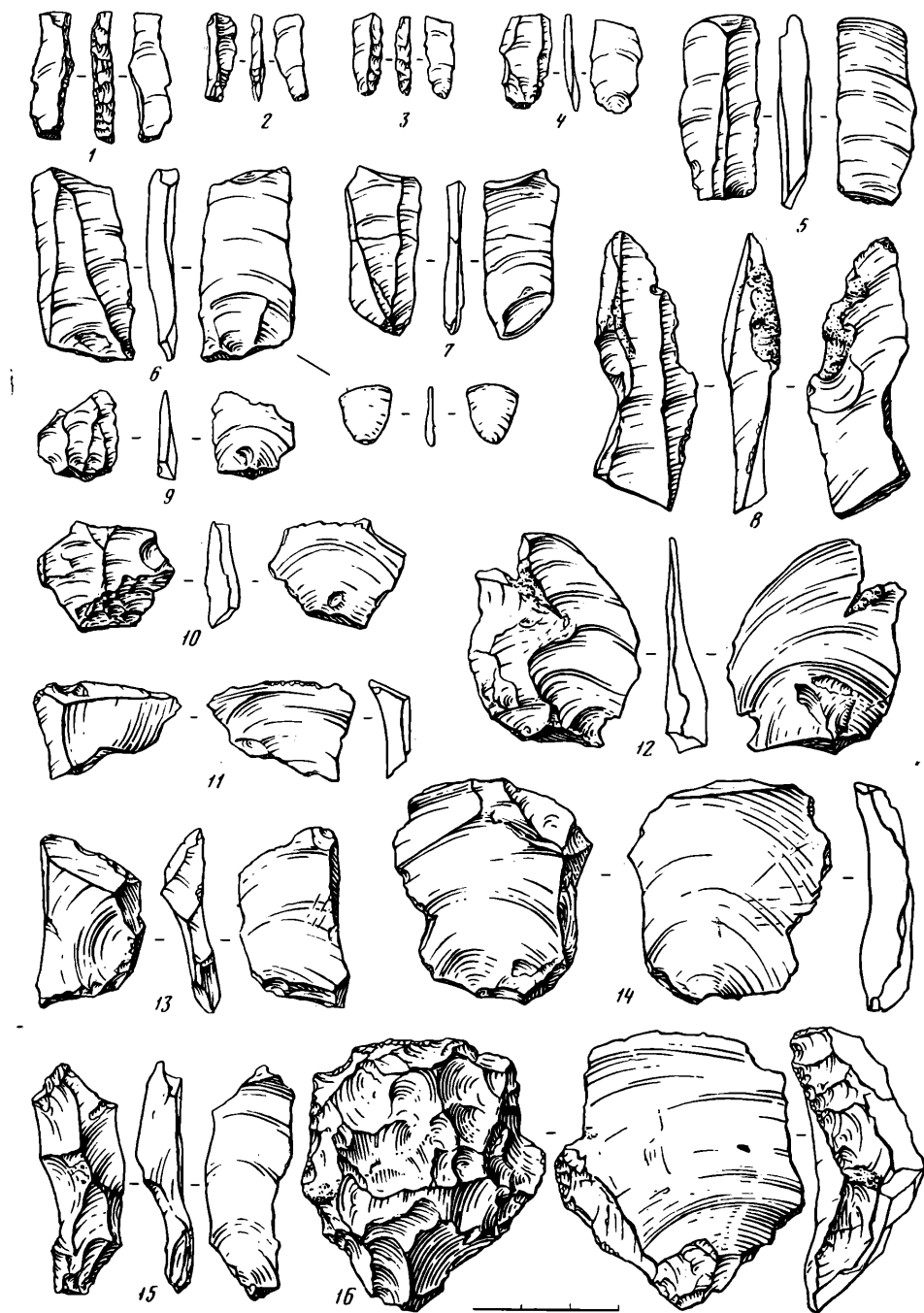

Рис. 2. Кремневый инвентарь

1 — микропластинка с затупленным краем; 2, 3 — микропластинки; 4, 7, 15 — пластинки; 5, 8 — пластинки со следами работы; 6 — пластинка со снятым ударным бугорком; 9, 10 — отщепы; 11, 13 — отщепы с ретушью; 12 — скол с площадки нуклеуса; 14 — отщеп со следами работы; 16 — скребок

5. Сколы оформления резца — один очень мелкий экземпляр ($1,0 \times 0,3 \times 0,15$ см) с обломанными концами.

6. Отщепы (рис. 2, 9—11, 13, 14), 48 экземпляров, в основном мелкие и очень мелкие. Так, длина и ширина лишь пяти экземпляров превышает 3 см, достигая 5,6 см, длина или ширина еще семи экземпляров превышает 2 см. Толщина отщепов, исключая один экземпляр, не превышает 0,9 см.

7. Осколки, два экземпляра. Небольшие (3,0 и 4,9 см), на разных сторонах прослеживаются бессистемно направленные негативы сколов.

Некоторые из этих кремней подверглись вторичной обработке. Самый крупный отщеп — массивный скол с края желвака превращен в скребок со слабовыпуклым круто ретушированным рабочим краем и клювовидным выступом у левого края (рис. 2, 16). Микропластинка с затупленным краем — круто отесанной гранью (рис. 2, 1). Ножевидная пластинка правильных пропорций, у которой с выровненного ретушью и сильно заглаженного основания вертикально направленным сколом снят ударный бугорок. Это снятие было обнаружено недалеко от пластинки (рис. 2, 6). Такой прием вторичной обработки отмечался еще в нескольких случаях. В коллекции имеются единичные отщепы с ретушью на небольшом участке края (рис. 2, 11, 13), а также пластинки и отщепы с выщербленностью по естественно заостренному краю, что свидетельствует об использовании их в работе (рис. 2, 5, 8, 14).

Таким образом, полученные вещественные материалы и условия их нахождения позволяют считать Масловку сильно разрушенной стоянкой эпохи позднего палеолита. Возможно предположение, что основная часть культурного слоя была уничтожена оврагом, разделяющим второй и третий мысы. Это не снижает, однако, научной значимости открытия: Масловка — вторая после Гагарино стоянка эпохи палеолита в бассейне Верхнего Дона и первая — на р. Воронеж. Масловская стоянка находится в 80 км от Гагарино на севере и на таком же расстоянии от стоянки Костенки 1 (стоянка Полякова) на юге. Оба эти памятника связаны, как и Масловка, с отложениями второй надпойменной террасы. Сопоставляя коллекционные материалы этих стоянок, можно отметить близкое сходство кремневого сырья (высококачественный меловой кремнь) в Масловке и Костенках¹ и наличие его лишь как небольшой примеси в каменном инвентаре Гагарино. Месторождения такого кремня в бассейне Верхнего Дона неизвестны. Представленная в фаунистических материалах Масловки лошадь отсутствует в Гагарино, но характерна для Костенок 1, как и почти для всех позднепалеолитических стоянок Костенковско-Борщевского района⁴. Все это, вместе взятое, указывает на то, что стоянка Масловка тяготеет к более южным лесостепным районам.

¹ *Береговая Н. А.* Палеолитические местонахождения СССР. — МИА, 1960, № 81, с. 58—59.

² *Тарасов Л. М.* Первые сведения о палеолите на р. Воронеж. — АО, 1969 г. М., 1970, с. 43—44.

³ *Ефименко П. П.* Костенки 1. М.; Л., 1958, с. 210.

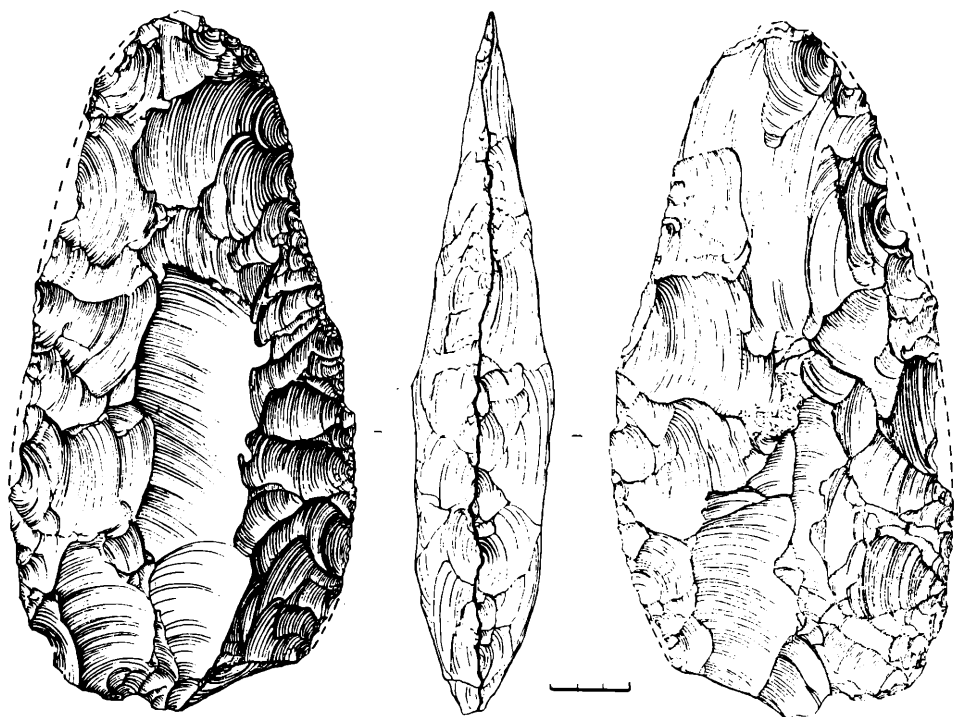
⁴ *Верецагин Н. К., Кузьмина И. Е.* Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и Верхней Десне. — Тр. ЗИН АН СССР, 1977, т. 72. Мамонтовская фауна Русской равнины и Восточной Сибири, с. 100—110.

Г. А. АЗИЗЯН, В. П. ЛЮБИН

ОБСИДИАНОВЫЙ БИФАС ИЗ АРМЕНИИ

В 1970 г. Г. А. Азизян, обследуя лавовые гроты и ниши окрестностей Еревана, обнаружил «в рыхлой земле» у входа в огромную нишу Амо 1 крупный обсидиановый бифас. Ниша расположена на правом берегу р. Егвард, метрах в 500 выше от впадения последней в Раздан, в 0,5—0,7 км севернее сел. Зовуни (Наирийский район). Она образовалась в подшоше стеноподобного обрыва столбчатых андезито-базальтов четвертичного (Q^2 — ?) возраста. Относительная высота ее 40 м.

Егвардский бифас привлекает к себе внимание крупными размерами, относительно свежей поверхностью, остротой лезвий и ребер, совершенством формы и особенностью вторичной отделки (см. рисунок). Он изго-

Егванд. Сердцевидный бифас. Обсидиан

товлен из крупного плитчатого (?) куска черного непрозрачного обсидиана, на поверхности которого проступают тонкие серебристо-пепельные и розоватые прослои. Концентрические круги прослоев, сужаясь, сходятся к небольшому участку корки (?), сохранившемуся в центре одной из сторон орудия. Поверхность обсидиана сохранила характерный стеклянный блеск и натуральный цвет, она лишь слабо подернута серовато-магровой, местами пятнистой, патиной, незначительно отличающей древнюю поверхность предмета от поверхности нескольких свежих повреждений на его краях. Небольшие кусочки желтой (плейстоценовой?) глины, сохранившиеся кое-где в западинах поверхности, являются, видимо, более наглядным свидетельством древности орудия.

Незначительность патинизации и оглаженности лезвий бифаса можно, по всей видимости, объяснить условиями его первоначального захоронения и залегания и кратковременным пребыванием на дневной поверхности после вскрытия вмещающих отложений. Хорошую сохранность поверхности орудия можно в какой-то мере рассматривать и как хронологический показатель, что согласуется с определенными технико-типологическими параметрами бифаса. Линейные измерения (длина — 26,5 м, ширина 13,2, толщина — 4,4 см) позволяют классифицировать его как бифас сердцевидный, удлиненный, плоский¹ с расширенным дистальным концом и притупленной пяткой, симметрично выпуклыми сторонами и хорошо выпрямленными, почти прямолинейными, если их рассматривать в профиль, продольными лезвиями. Левое продольное лезвие, впрочем, имеет несколько свежих выбоин, нарушивших его правильность.

Высокие технико-морфологические достоинства этого крупнейшего из известных в нашей стране бифасов достигнуты применением нескольких приемов обработки. Первоначально плитчатая (?) заготовка была подвергнута двусторонней оббивке радиально направленными мелкими сколами; затем лезвия и острие подправлялись — выравнивались и приострялись — более тщательной ретушью; одновременно с этим нижняя половина корпуса орудия утончалась несколько крупными пластинчатыми святиями, нанесенными (в разной последовательности) с обеих сторон

бифаса: от основания, вдоль его продольной оси. На первом и третьем этапах этой отделки применялся, судя по глубоким негативам снятий, каменный отбойник, на втором, представленном плоской, субпараллельной ретушью, — мягкий отбойник. Субпараллельная ретушь хорошо сохранилась по правому, неповрежденному краю верхней стороны бифаса, изображенному на нашем рисунке слева. В силу, вероятно, особенностей формы исходной плитки обсидиана эта сторона была более выпуклой, что нарушало симметрию изготавливаемого орудия. Искомая соразмерность (равномерная выпуклость и пропорциональность сторон и расположение продольных лезвий в плоскости основной симметрии предмета) была достигнута снятием именно с верхней стороны крупных пластинчатых сколов, срезавших выступавшую (вплоть до привершинной трети бифаса) осевую, срединную полосу этой стороны.

Прием оббивки или утончения корпуса бифаса пластинчатыми параллельными снятиями, направленными от его основания, вдоль продольной оси, известен только у бифасов поздних типов (треугольных, реже — сердцевидных) в ашеле верхнем и главным образом в мустье с традицией ашельской².

Таким образом, сравнительно хорошая сохранность поверхности бифаса в сочетании с такими его технико-морфологическими признаками, как совершенная форма, симметрия сторон, прямизна продольных лезвий, субпараллельная ретушь и пластинчатые сколы утончения корпуса, свидетельствуют, по всей видимости, о весьма позднем (финально-ашельском?) возрасте этого орудия.

¹ Индекс удлиненности бифаса равняется 2,0, индекс уплощенности — 3,0. Соотношение длины орудия и высоты от основания его максимального расширения — 2,9, соотношение ширины

середины (полувысоты) предмета и его максимальной ширины — 0,92.

² Bordes F. Typologie du paléolithique ancien et moyen. — Mémoire, 1961, N 1, pl. 57, 1, 4; 60, 59 et 59 bis.

Г. М. ЛЕВКОВСКАЯ

О СОБИРАТЕЛЬСТВЕ И АНТРОПОГЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ РАСТИТЕЛЬНОСТИ В МУСТЬЕ

Палинологические данные по стоянке Кетросы¹ показывают, что мустьерцы поселились здесь в конце холодной фазы — начало умеренно-теплого межстадиала, когда происходила смена условий перигляциальной лесотундры условиями среднетаежными.

Растительный покров в период обитания мустьерцев на Днестре был пестрым (подробное описание характера растительности см. у Г. М. Левковской²). Это создавало благоприятные условия для жизни людей и животных, на которых охотился древний человек.

Обращает на себя внимание видовое разнообразие пыльцы и спор, определенных из культурного слоя памятника Кетросы. Особенно это касается состава пыльцы травяно-кустарничковых растений. Так, в обр. 3, 19 и 20, соответствующих основному уровню находок кремня, определено 40 таксонов пыльцы травяно-кустарничковых растений и спор и 24 таксона пыльцы древесных пород и кустарников. В образцах же, отобранных на уровне уже единичных находок кремня (обр. 21 и 5), выше (обр. 22—25) или ниже (обр. 15—18) кремнесодержащих отложений, а также в современной поверхностной пробе (обр. 60) самое большое количество таксонов пыльцы древесных пород 11, а травяно-кустарничковых растений и спор — 16. Обогащение культурного слоя пыльцой разнообразных

растений связано, по-видимому, с хозяйственной деятельностью древних охотников и собирателей.

Определена пыльца ряда полезных для человека растений. Топливом могли быть ель, сосна, береза (таблица 1, 1, 2, 5). Интересна находка пыльцы дикого льна (*Linum* sp.) (см. в таблице микрофотографии пыльцы льна — 13). Некоторые виды льна сейчас употребляются³ для изготовления веревок, пряжи, окрашивания веществ в желтый цвет, как слабительное. Скополия (*Scopolia* sp.) * (см. таблицу, 12) ядовита, но она относится к группе наркотических средств, угнетающих нервную систему. Листья осота (*Sonchus* sp.), а также подорожника перистого (*Plantago coronopus* L.) (см. таблицу, 8, 9) съедобны. Причем листья осота считаются лакомством. Подорожник большой (*Plantago major* L.) используется при дублении кожи и придает ей гибкость, твердость и крепкость. Вяз пригоден для изготовления канатов (см. таблицу, 3, 4). Из культурного слоя определено восемь зерен пыльцы водно-болотных растений: кубышки (*Nuphar* sp.), кувшинки (*Nymphaea* sp.), частухи (*Alisma* sp.) (см. таблицу, 6, 7), урути (*Myriophyllum* sp.), пузырчатки (*Utricularia* sp.).

Водно-болотные растения обычно производят мало пыльцы. Так, в 247 поверхностных донных пробах из современных озер Литвы, по данным М. В. Кабайлене⁴, определено лишь 30 пылевых зерен этих растений, причем пыльца водно-болотных растений практически не выносится за пределы водоема. Поэтому присутствие в культурном слое пыльцы этой группы также, возможно, обусловлено хозяйственной деятельностью мустьерцев. Кубышка и кувшинка используются при дублении кожи, окрашивая ее в желтый, коричневый или черный тона. Их корневища съедобны. Частуха ядовита, но в высушенном виде ее корни могут употребляться в пищу.

Имеются и археологические свидетельства собирательства: в культурном слое памятника Кетросы Н. К. Анисюткиным обнаружено большое количество обломков песчаника с забитыми и заглаженными плоскостями и углами, которые могли использоваться для растирания плодов, кореньев. Подобные гальки часто встречаются в слоях древнеземледельческих (раннескифских) голоценовых культур. По данным А. Н. Рогачева (1973), находки подобных пестов-терочников в палеолитических слоях указывают на расширенное собирательство.

В районе своего обитания человек мог вытаптывать и выжигать естественный растительный покров. В культурном слое найдены угольки древесных пород, свидетельствующие о выжигании. Палинологические данные указывают на то, что в районе стоянки создались благоприятные условия для развития рудеральных растений и других сорняков (см. таблицу). Так в образцах из культурного слоя определена пыльца таких сорных растений, как осот — 53 зерна, василек (*Centaurea* sp.) — 14 зерен (см. таблицу, 10, 11), а также мари белой (*Chenopodium album* L.), крапивы (*Urtica* sp.), лопуха (*Arctium* sp.), гречихи (*Fagopirum* sp.), подорожника большого (*Plantago major* L.), горца (*Polygonum* cf. *convolvulus* L.). Непосредственно выше основного уровня находок кремня пыльца этих растений практически не встречена. На уровне культурного слоя больше также пыльцы березы пушистой (см. таблицу 5) — до 7,4%, которая является пионером при заселении гарей и вырубков. По данным Н. К. Анисюткиной, много пыльцы осота было определено ранее и на позднемустьерской стоянке Стинка. Отмечалась там и пыльца подорожника.

В зарубежной литературе также имеются данные об использовании уже в мустье растений и других продуктов собирательства для различных целей, в том числе для выполнения различных ритуалов. Об этом говорят, например, находки цветов на могиле неандертальского ребенка

* Автор выражает благодарность В. И. Тарасевич за помощь, оказанную в определении пыльцы скополии.

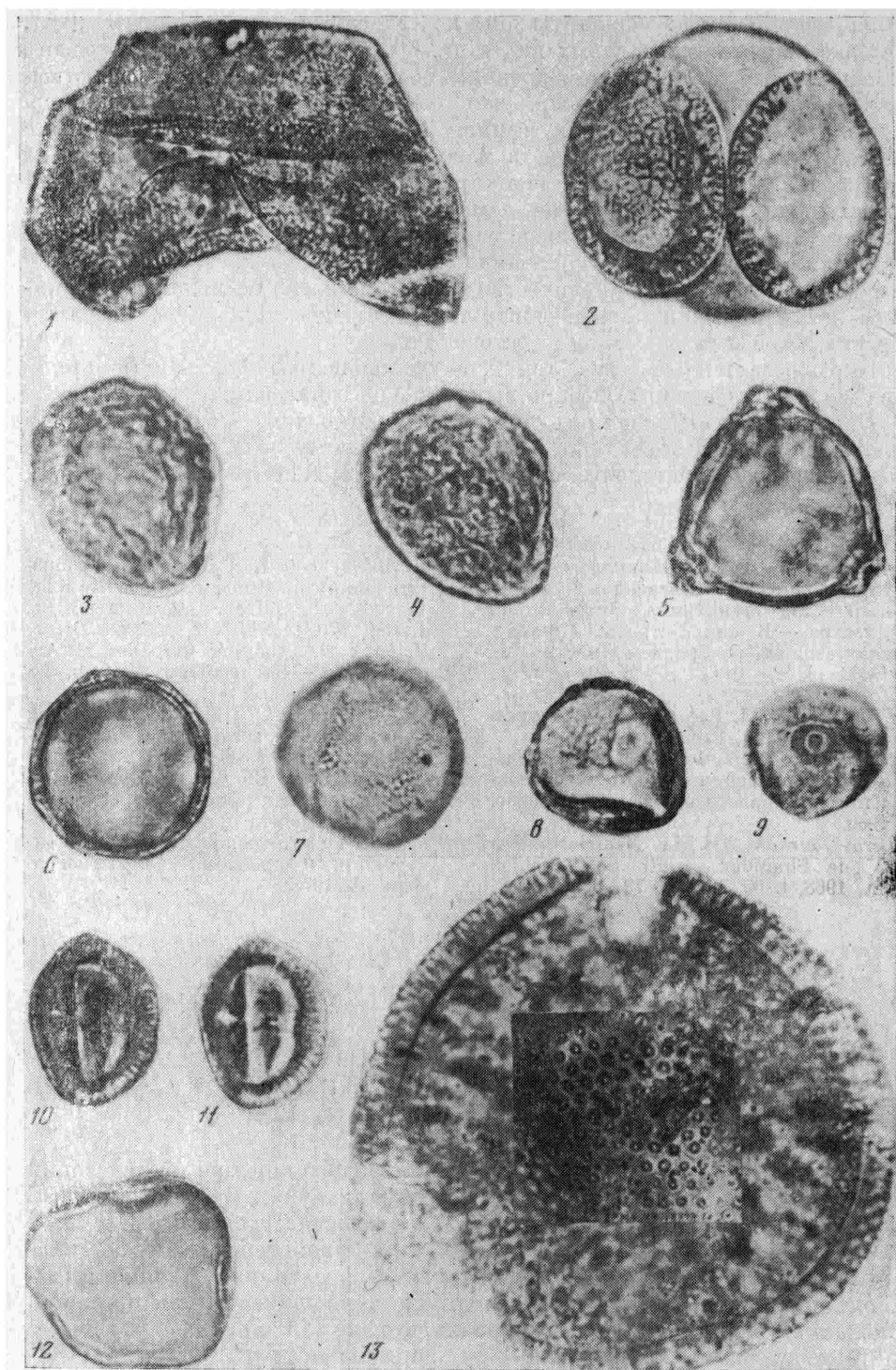

Таблица. Микрофотографии пыльцы из мустьерского культурного слоя памятника Кетросы

1 — *Picea* sp. (уродливая форма); 2 — *Pinus silvestris*; 3—4 — *Ulmus* sp.; 5 — *Betula pubescens*; 6, 7 — *Alisma* sp.; 8, 9 — *Plantago* cf. *coronopus*; 10, 11 — *Centaurea* sp.; 12 — cf. *Scopolia* sp.; 13 — *Linum* sp. 1 — увел. 450; 2—13 — увел. 1000

в пещере Шанидар французской исследовательницей Леруа-Гуран⁵, а также жареных страусовых яиц и черепа лани на могиле мустьерского ребенка в Израиле⁶. Причем древние люди знали о полезных свойствах растений значительно больше, чем современный человек. Например, в неолите люди употребляли в пищу многие растения, которые ныне считаются несъедобными. Так, в желудке «граубельского» человека из Дании найдены остатки 66 видов растений; из них, по современным представлениям, съедобны лишь немногие⁷.

Как указывает В. Е. Ларичев, самые древние обитатели пещеры Чжоукоудянь в Китае еще до появления там синантропов употребляли в пищу дикую вишню⁸. Большое количество вишни приносили в пещеру и каннибалы синантропы (в пещере обнаружено большое количество разбитых черепов детей и разгрызенных косточек вишни).

Высказывается мнение о том, что «усложненные формы собирательства восходят к начальной поре эпохи среднего палеолита»⁹ (с. 140).

Палинологические данные свидетельствуют о том, что уже в мустье человек мог использовать для своих нужд растительные ресурсы и в какой-то мере воздействовать на первичные фитоценозы в районе своих стоянок.

¹ Левковская Г. М. Палинологическая характеристика мустьерского культурного слоя памятника Кетросы на Днестре. — В кн.: Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М., 1981.

² Там же.

³ Гроссгейм А. А. Растительные ресурсы Кавказа. Баку, 1946.

⁴ Кабайлене М. В. Формирование пыльцевых спектров и методы восстановления палеорастительности. Вильнюс, 1969.

⁵ Leroi-Gourhan Arl. Le Néanderthalien IV de Shanidar. — Bull. Soc. préhist. Fr., 1968, t. 65, N 3, p. 79—83.

⁶ Vandermeersch B. Une sépulture moustérienne avec offrandes découverte dans la grotte de Qafzeh. — C. R. Acad. Sc. Paris, 1970, t. 270, N 2, p. 298—301.

⁷ Helbak H. Studying the Diet of Ancient Man. — Archaeology, 1961, v. 14, № 2.

⁸ Ларичев В. Е. Палеолит северной, центральной и восточной Азии. Новосибирск, 1972, ч. 2, с. 223, 282.

⁹ Рогачев А. Н. Об усложненном собирательстве как форме хозяйства в эпоху палеолита на Русской равнине. — В кн.: Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. М., 1973.

С. А. ВАСИЛЬЕВ

ГЛИНЯНАЯ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТАТУЭТКА ИЗ МАЙНИНСКОЙ СТОЯНКИ

В 1980 г. 6-м отрядом Саяно-Тувинской экспедиции при обследовании памятников каменного века в зоне затопления будущей Майнской ГЭС была открыта новая многослойная палеолитическая стоянка.

Она расположена в Саянском каньоне, на левом берегу Енисея, у впадения в него р. Уй, в 4 км к югу от центра пос. Майна (Саяногорский район Хакас. АО). Девять культурных слоев ее приурочены к песчаным отложениям перигляциального аллювия второй (15 м) террасы Енисея. По геологическим схемам¹ эти отложения датируются временем 13—16 тыс. лет. Аллювиальные пески перекрыты покровной толщей с погребенной почвой, вероятно относящейся к кокоревскому интерстадиалу. Пятый культурный слой залегал на глубине 3,7—3,9 м и вскрыт в двух раскопах на площади 79 м². Каменный инвентарь слоя характеризуется преобладанием скребел, есть скребки на отщепах, одноплощадочные, двухплощадочные и дисковидные ядрища. Найден костяной наконечник с пазами. По предварительным данным, комплекс вписывается в рамки афонтовской культуры². В 5-м культурном слое сделана уникальная находка антропоморфной статуэтки из обожженной глины (рис. 1, 2).

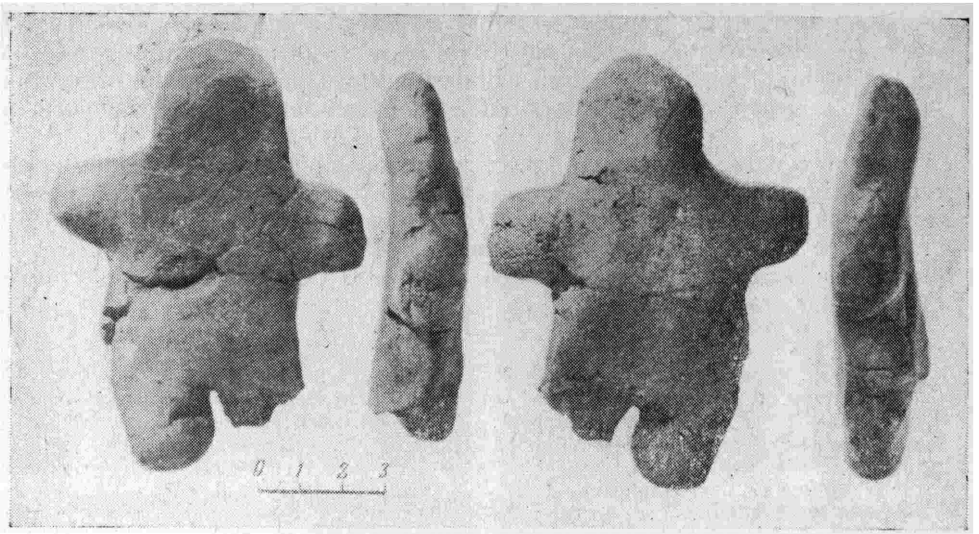

Рис. 1. Палеолитическая статуэтка из Майнинской стоянки (фото)

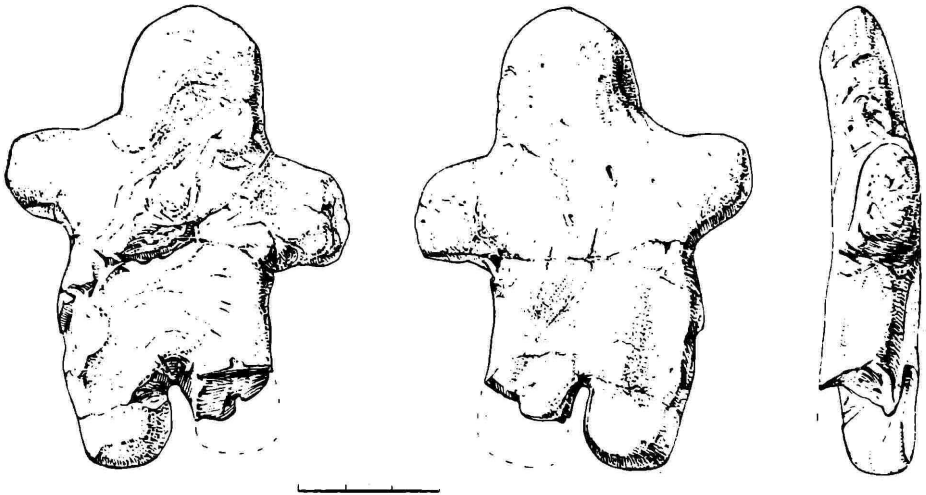

Рис. 2. Палеолитическая статуэтка из Майнинской стоянки (рис. Т. Е. Трошкиной)

Статуэтка найдена на раскопе I, в нижней части слоя, в 4 м от очага. Она залегала рядом с отщепами и костями головой на юго-запад под небольшим наклоном к западной стенке раскопа.

Статуэтка изготовлена из красновато-коричневой неравномерно обожженной глины с примесью отдельных зерен песка. При извлечении из слоя она рассыпалась на фрагменты и была реставрирована в Государственном Эрмитаже³.

Длина статуэтки 9,6 см, ширина туловища в средней части 4,4 см, ширина с ручками 7,3 см, толщина в средней части туловища 1,9 см. Руки, ноги и голова статуэтки оформлены в виде округлых выступов, в профиль она слабо изогнута. С лицевой стороны на туловище заметны следы сминания куска глины в виде полукруглых бороздок. Отдельные фрагменты в средней части туловища и часть левой ноги отсутствуют, так как они рассыпались в мельчайшую пыль.

Трудно переоценить значимость подобной находки. Это первое произведение изобразительного искусства в палеолите Енисея и первая находка керамической статуэтки в палеолите СССР. По классификации

З. А. Абрамовой⁴, ее можно отнести к антропоморфным скульптурам неясного пола, однако аналогов в мировом палеолитическом искусстве она не имеет. Скорее, по своим стилистическим особенностям статуэтка тяготеет к кругу глиняной пластики южного земледельческого неолита и энеолита.

Вместе с известными находками глиняной пластики в Дольни Вестоничах⁵, Павлове⁶ и других стоянках в Чехословакии, сведениями о раннем появлении керамики в Японии⁷ майнинская находка позволяет уловить следы первых опытов палеолитического человека с обожженной глиной и утверждать, что первобытное население Сибири также не стояло в стороне от этого процесса.

¹ Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. М., 1979, с. 139—145.

² Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Афонтовская культура. Новосибирск, 1979.

³ Автор приносит благодарность Л. П. Гоген за реставрацию статуэтки.

⁴ Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966; с. 10—11.

⁵ Klíma B. Dolní Věstonice. Výzkum taboriště lovců mamutů. Praha, 1963.

⁶ Klíma B. Výzkum paleolitického sídliště u Pavlova v roce 1954. — Archeologické rozhledy, 1957, r. 9, s. 2.

⁷ Serizawa C. Stone age of Japan. — Asian perspectives, 1978, vol. 19, N 1.

М. В. КОНСТАНТИНОВ, В. Б. СУМАРОКОВ,
А. К. ФИЛИППОВ, Н. М. ЕРМОЛОВА

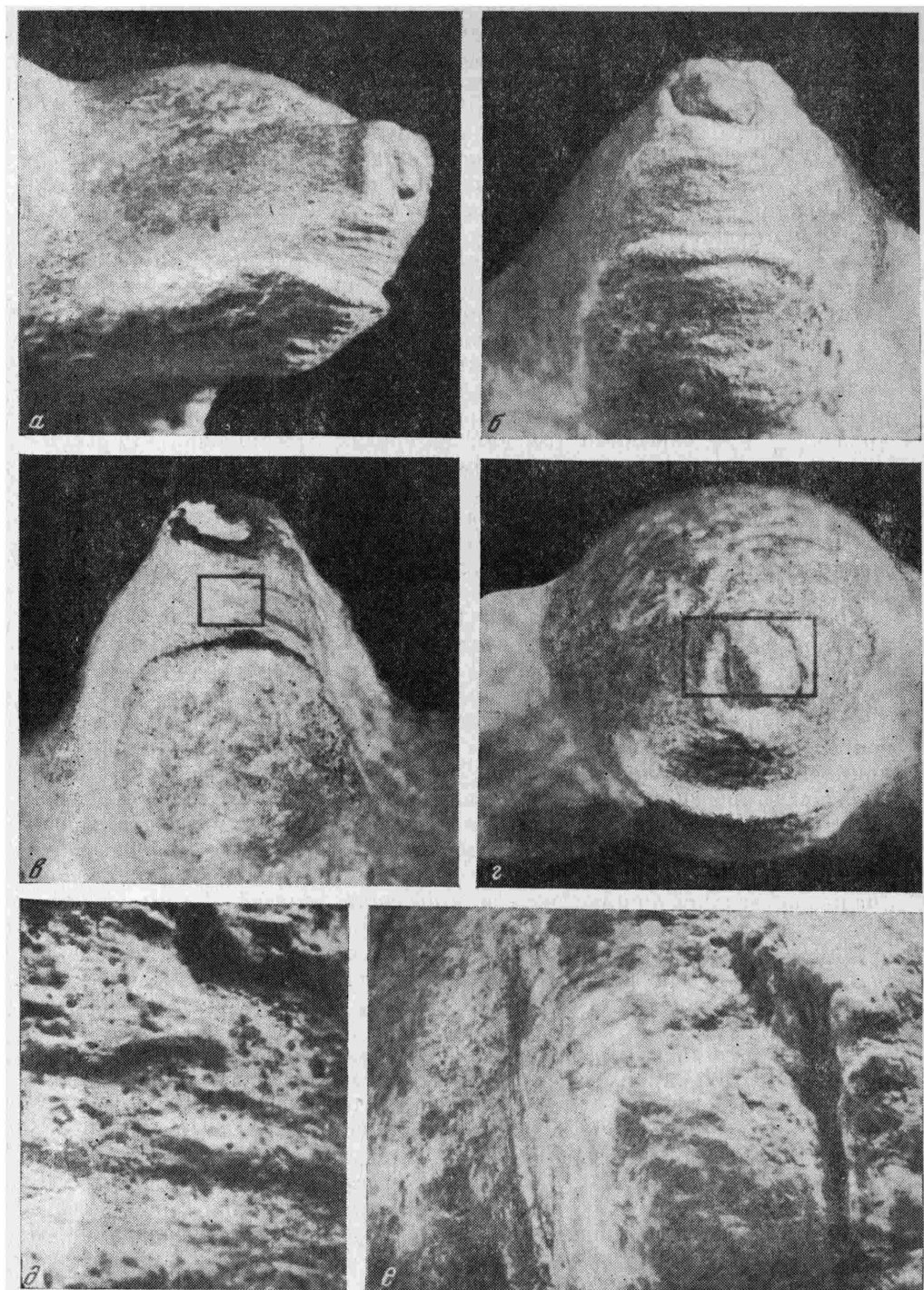
ДРЕВНЕЙШАЯ СКУЛЬПТУРА СИБИРИ

В 1979 г. на позднепалеолитическом поселении Толбага в Забайкалье обнаружен зубовидный отросток второго шейного позвонка шерстистого носорога, чрезвычайно похожий на голову медведя (см. рисунок). Большое сходство с медвежьей головой сразу же поставило вопрос об искусственном изображении. Сравнение части позвонка, на которой изображена морда медведя, с аналогичными частями других вторых шейных позвонков шерстистого носорога исключает возможность патологических отклонений в строении зубовидного отростка именно такой формы. Для придания зубовидному отростку очертаний головы медведя древний скульптор сгладил гребень, идущий по заднему его краю, приходящемуся на затылочную часть головы медведя, и отчленил глубокой выемкой характерную для медведя нижнюю губу. Об этом свидетельствуют и оставленные орудием, которым действовал человек, следы «трения» в прорезе пасти зверя.

Поселение Толбага расположено среди сопок на высоте 35—50 м над уровнем р. Хилок бассейна р. Селенги. Его залегание связано с делювиальным шлейфом значительной крутизны (8—12°), однако в культурном слое в непо потревоженном состоянии сохранились жилища, очаги, хозяйственные ямы. Жилища представлены внешними выкладками из плит и глыб гнейса, а на внутренней площадке — очагами. Внутри очагов и вокруг них — орудия и отходы производства, кухонные остатки.

Скульптурное изображение головы медведя обнаружено в западной части поселения вплотную с очагом простого типа, расположенным в центре площадки жилища 3. Это жилище пока не раскопано полностью. Поделка лежала «мордой» вниз и сверху была прикрыта обломком кости. На поверхности очага располагались еще позвонки носорога вместе с каменными орудиями и отщепами. Внутри раскопанной части жилища, а также в очаге обнаружены пластины и отщепы с ретушью, нуклеусы, проколка, остроконечник, чоппер и другие каменные изделия.

В основу изображения положено некоторое внешнее сходство зубовидного отростка с головой медведя, которое и было усилено искусной под-

Голова медведя, сфотографированная в разных ракурсах. На средних фотографиях показаны участки, которым соответствуют увеличенные детали нижнего ряда со следами обработки

правкой. Используются вентральная и концевая стороны зубовидного отростка второго шейного позвонка (эпистрофея), имеющие более толстый слой плотного костного вещества и ровную поверхность, тогда как дорсальная сторона этого отростка более асимметрична. На расположенных по бокам от зубовидного отростка поверхностях для сочленения эпистро-

фея с атлантом рельефно выделяются гребни, визуально ограничивающие на скульптуре голову медведя. Следует отметить, что указанные гребни на этом позвонке более развиты, чем на эпистрофеях других осей, что может свидетельствовать как о большем возрасте данного животного, так и об индивидуальной изменчивости формы этой части позвонка. Исследования остеологического материала показывают, что у шерстистых носорогов наблюдается значительная индивидуальная изменчивость формы костей. Так, зубовидный отросток эпистрофея имеет разную длину и стройность в зависимости от пропорций первого шейного позвонка (атланта), к которому он причленяется. Строение атланта, в свою очередь, зависит от затылочных мышцелков черепа, которые также могут иметь различное расположение и форму¹.

Зубовидный отросток, использованный для изготовления скульптуры, отломился от остальной части эпистрофея по линии эпифизарного шва, по всей видимости, уже находясь в погребенном состоянии. Об этом свидетельствуют и очень тонкие края плоскости откола, которые не сохранились бы при обработке твердого материала. Несомненно, что работу свою художник начал еще на целом позвонке или, по крайней мере, на части его, держа в руках само тело позвонка с обломками невральнoй дуги, которая обычно обламывается на уровне спинномозгового канала.

Неоспоримым доказательством искусственного происхождения изображения головы медведя являются следы истирания (резания и скобления), ясно проступающие на поверхности изделия при просмотре под микроскопом с увеличением в 10—15 раз. Характерны отсутствие строгой параллельности линейных следов и их неравномерная заглабленность. Это указывает на скобление и резание каменным орудием с неоднородно выкрашивающейся кромкой. На рисунке, демонстрирующем в разных ракурсах поделку, нижние фотографии показывают в увеличенном виде следы обработки (места эти отмечены черными рамками прямоугольников). Левая нижняя фотография показывает следы резания, ориентированные горизонтально. Поперечными линиями отмечены крупные борозды, изъязвленные и частично разрушенные по краям различными деструктивными процессами в культурном слое. На правой фотографии хорошо видны глубокие следы от резания и скобления при подправке верхней спинки носа и вырезании поздрей. Таким образом, искусственная обработка и типичные приемы использования каменных орудий на определенных участках хорошо прослеживаются.

Орудием для обработки мог служить любой осколок камня, имеющий острие и подходящую для скобления кромку, неретушированную или ретушированную.

Следует отметить, что обработка камня на стоянке Толбага проводилась за пределами самого поселения, возможно, прямо на галечном пляже. Об этом свидетельствует тот факт, что среди каменных изделий отщепы составляют 34,5%, а орудия — 50,6%. Сырьем для орудий чаще всего служили, по определению Г. П. Смеловского, ороговинoвые лепарит-порфиры в виде галек. Скалывание пластин в основном производилось с подпризматических нуклеусов. Вместе с тем индустрия, несомненно, имеет и мустьериоидные черты. Они представлены леваллуазскими нуклеусами, скреблами, остроконечниками.

Изображение головы медведя из Толбаги не имеет пространственно близких аналогий. Из отдаленных можно назвать скульптурную головку медведя из Истюриц², которая и обработана тщательнее и детализирована более подробно. Скульптурные изображения медведя из мергеля, известные в Костенках³, имея обобщенный характер, обладают более разнообразным сочетанием типичных деталей. Особенностью некоторых костенковских изображений медведя является также использование естественных и искусственных случайных форм, в чем-то ассоциирующихся с образом зверя. На это указывает асимметрия как общей формы головок, так и отдельных деталей: образ узнается лишь в профиль, а сверху является бесформенным обломком. Иначе говоря, похожий на того или

иного зверя кусок материала подправляется, характерность усиливается обработкой только необходимых для впечатления частей. В целом технология костяноковского искусства и разнообразна и совершенна.

Голова медведя из поселения Толбага создана экономными приемами с минимальным удалением костной массы. Поражает реализм изображения с характерным силуэтом и такими, казалось бы, излишне выразительными деталями, как подвижный, чуть вздернутый медвежий нос и оттопыренная нижняя медвежья губа (эти детали с аналогичными у других хищников спутать нельзя). Специальная подчеркнутость деталей, заостренная типичность общей формы показывают, что единство изобразительности и выразительности в данной поделке выступает очень ярко, в связи с чем (при данных качествах) эту находку и можно характеризовать как произведение искусства.

Как известно, условно-знаковая и в определенном отношении эстетическая деятельность существует примерно с середины ашеля⁴. Переход к позднему палеолиту проявился не только в технико-технологическом ускорении развития материальной культуры. В это время происходила активизация условно-коммуникативной деятельности, возникли потребности в объяснении мира, что выражалось в примитивном мифотворчестве. И поэтому уже в этот период изобразительная и другая эстетическая деятельность человека могла проявиться в относительно совершенных формах.

Изображение головы медведя из Толбаги по своему техническому исполнению с использованием естественной формы сырья может свидетельствовать как о начальных шагах изобразительного искусства палеолита, так и о его зрелом этапе. В этом вопросе решающим является датировка памятника. Сочетание же прогрессивных и архаичных элементов в каменном инвентаре стоянки ставит вопрос о датировании с особой остротой.

Архаические черты каменной техники могут указывать на ранний возраст поселения. Имеются абсолютные даты, полученные по костному материалу: $34\ 860 \pm 2100$ (СОАН — 1522) и $27\ 210 \pm 300$ (СОАН — 1523). Не противоречат этой датировке состав фауны и стратиграфия стоянки. Фаунистические остатки, по определению Н. Д. Оводова, представлены костями мамонта, носорога, лошади, северного оленя, изюбра, бизона, кулана, сейгака или джейрана и гиены. Что касается стратиграфии памятника, то она указывает на возможность датирования малохетским (до 33 тыс. лет) или липовско-новоселовским (30 — 25 тыс. лет) потеплениями каргинского межледникового комплекса. Таким образом, в широких пределах культурный слой поселения Толбага, а вместе с тем и скульптуру головы медведя можно достаточно уверенно датировать 35—25 тыс. лет.

¹ Ермолова Н. М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск, 1978.

² Passemard E. La caverne d'Isturitz en Pays Basque. — Prehistoire, 1944, t. 9, Pl. 26, 4.

³ Ефименко П. П. Костенки 1. М.; Л., 1958, рис. 170—182.

⁴ Филиппов А. К. О возникновении эстетического отношения и первых условных средств изображения в палеолите. — Вопр. антроп., 1969, вып. 131.

Л. Я. КРИЖЕВСКАЯ

КУРОЧКИНО 3 — НОВЫЙ ПАМЯТНИК КАМЕННОГО ВЕКА В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ ЛЕСОСТЕПЬЕ

Днепровской левобережной (славянской) экспедицией ЛОИА в 1979 г. открыто и обследовано поселение Курочкино 3 в Беловском районе Курской области, на левом берегу р. Псел. Здесь река состоит из нескольких

рукавов, образующих широкую пойму, к которой примыкает первая песчаная надпойменная терраса с расположенным на ней двуслойным памятником: Сверху — славянское селище, под ним — поселение неолита — энеолита.

В 1980 г. работы производились Степной неолитической экспедицией ЛОИА под руководством автора. Было заложено три раскопа, каждый из которых содержал своеобразные культурные остатки. Так, в раскопе I сохранилось значительное количество жилищных остатков славянского времени — землянки и хозяйственные ямы, разрушившие верхние горизонты неолитического¹ слоя, в частности полностью или частично уничтожившие жилищные остатки неолита. В этом раскопе преобладали средневековые находки до глубины 0,5 м, ниже — до глубины 0,8 м — сохранились почти чистыми неолитические остатки, но лишь на участках, где отсутствовали славянские ямы. Тем не менее здесь удалось проследить основание неолитического жилища, на котором впоследствии расположились славянская землянка (№ 1) и несколько неолитических хозяйственных ям.

Раскоп III, расположенный в 25 м к востоку от раскопа I, содержал почти исключительно остатки неолита, значительно меньше нарушенные поздними (современными) включениями. Сохранилось несколько больших, очевидно, хозяйственных ям довольно сложной, оригинальной конструкции. Несмотря на территориальную близость раскопов, иным был и состав находок. Раскоп II, заложённый на самой северо-восточной окраине террасы, показал распространение культурного слоя по всей площади, тем самым определив размеры и границы поселения.

Среди вещественных остатков преобладает керамика, отчетливо делящаяся на ряд орнаментальных групп. Самая многочисленная украшена ямочно-гребенчатым и ромбоямочным орнаментом. Можно констатировать наличие крупных (наибольший диаметр около 40 см) сосудов. Их тесто плотное, хорошо обожжено, примесь дресвы едва прослеживается. Толщина средняя или выше средней, край прямой или слегка отогнутый в наружную сторону, тулово, незначительно раздутое у края, плавно суживается к дну. Последнее преимущественно приостренное, реже — слегка скругленное. Весьма выразительны и специфичны признаки оформления края — волнистая форма от слабой до очень сильно изогнутой, полученная при помощи нанесения орнамента на самый край сосуда в виде широких вдавлений в поперечном или косом по отношению к окружности направлении.

Другим характерным приемом орнаментации края является нанесение узора, состоящего из трех-четырех рядов округлых или подовальных ямок с внутренней стороны, причем на наружной стороне соответственно получались «жемчужины» (рис. 1, 10, 12) или же гладкая неорнаментированная поверхность. На наружную поверхность орнамент наносили, отступая от края на 2—5 см. Некоторые фрагменты имеют следы расчесов — штриховки в виде тонких четких параллельных полос, исполненных, возможно, металлическим инструментом. Густонанесенный орнамент сплошь покрывает поверхность горизонтальными поясами (рис. 1, 1—9). Там, где он выполнен одним элементом, зональность, как правило, отсутствует. Разнообразие достигается прежде всего за счет множественности элементов — различных ямочных вдавлений от мелких до очень крупных, округлой, подовальной, продолговатой, подмногуюгольной форм. В ряде случаев на дне ямок прослеживаются фигурные отиски — свидетельства применения соответствующего фигурного штампа (рис. 1, 9). Довольно разнообразна и ромбическая ямка — мелкие и крупные ромбы с глубоким и уплощенным основанием (рис. 1, 3, 6, 13). Глубокая коническая в разрезе (так называемая «белемнитная») ямка, характерная для ямочно-гребенчатых культур лесной зоны, отсутствует вовсе. Монотонность узора нарушается с помощью различного способа применения штампа — поставленного прямо или с наклоном в ту либо иную сторону.

Различна и композиция узора. В большинстве случаев она проста. Но иногда имеются и более сложные узоры — деление на зоны прочерченными линиями, отделяющими друг от друга пояса, выполненные одним и тем же штампом. Порой пояса отпечатков различных штампов располагаются под углом друг к другу, что является по существу подобием некоторой геометризации (рис. 1, 4, 5, 8). Есть и более сложный комбинированный орнамент из ямок и фигурного штампа.

Гребенчатый штамп занимает весьма небольшое место (по предварительным данным, около 10%). Он встречается в сочетании с ямками, причем каждым из этих элементов нанесены чередующиеся пояса. Встречены немногочисленные фрагменты с чисто гребенчатым орнаментом (в елочку, рис. 2, 7); однако выделять особую группу гребенчатого орнамента пока нет достаточных оснований, поскольку эти фрагменты могут быть от сосудов с комбинированным узором. На одном из сосудов имеется любопытная деталь: в центре днища — преднамеренно просверленная небольшая дырочка, предназначенная, по-видимому, для процеживания (рис. 1, 11). Аналогичное днище с отверстием оказалось и в свайном поселении Сертея II, раскопанном А. М. Микляевым в Велижском районе Смоленской области². Посуда с отверстиями широко представлена в поселениях эпохи бронзы Туркмении и трактуется как приспособление для отцеживания при изготовлении молочной пищи³. Не проводя прямых аналогий, мы тем не менее обращаем внимание на свидетельство, очевидно, новых, более сложных и совершенных приемов приготовления пищи, появившихся на рубеже неолит — ранний металл у населения западных районов лесостепной зоны.

Вторая группа керамики — с накольчатый орнаментом (рис. 2, 1—6, 8—17) — представлена в меньшем количестве и менее выразительными находками. Черепки более фрагментарны, днища пока не найдены, венчики единичны. Можно, однако, констатировать, что по некоторым признакам — толщине сосудов, составу и качеству глиняного теста, степени и характеру обжига — накольчатая керамика аналогична ромбоямочной. Накольчатый орнамент выполнен двумя основными приемами: наколами, оставившими отдельные, не связанные друг с другом неглубокие вдавления, и наколами с протягиванием инструмента в манере отступления, т. е. приемом так называемой отступающей палочки. Первый способ распространен очень широко, можно считать, повсеместно; второй — территориально более ограничен, встречаясь в основном в культурах Урала и Украины, поэтому представляет наибольший интерес. Для композиции узора характерна, как и в указанных культурах, геометризация: чередование перпендикулярных зон, разделение вертикальных косыми или наклонно поставленными поясами, наиболее простой узор — вертикально расположенная «елочка». Особое внимание привлекает комбинированный орнамент, в котором «отступающая палочка» сочетается с горизонтальным поясом фигурного штампа, сопровождающим и ромбоямочный орнамент (рис. 2, 17, 18). Некоторые венчики украшены ямками с внутренней стороны и соответственно жемчужинами с наружной (рис. 2, 12), повторяя способ орнаментации венчиков ромбоямочной керамики, создавая таким образом рисунок не только комбинированный, но в известной мере «гибридный», объединяющий обе керамические группы. В комплексе накольчатой керамики присутствует еще одна разновидность: вертикальные насечки, образующие горизонтальные пояса, разделенные рядами овальных неглубоких ямок. Этот орнамент отдаленно напоминает так называемый флажковый раннебронзового времени в Прикамье (рис. 2, 11, 15).

Две рассмотренные керамические группы поселения Курочкино 3 имеют некоторую локализацию в пределах поселения: ромбоямочная преобладает в раскопе I, накольчатая — в основном в раскопе III.

Каменный инвентарь (рис. 3, 1—12) немногочислен (с площади свыше 300 м² собрано 604 каменных изделия). За исключением десяти (шлифовальная плита, грузило, топор, кварцитовые отщепы), все изделия кремневые, изготовлены из пестроцветного кремня (черного с белым)

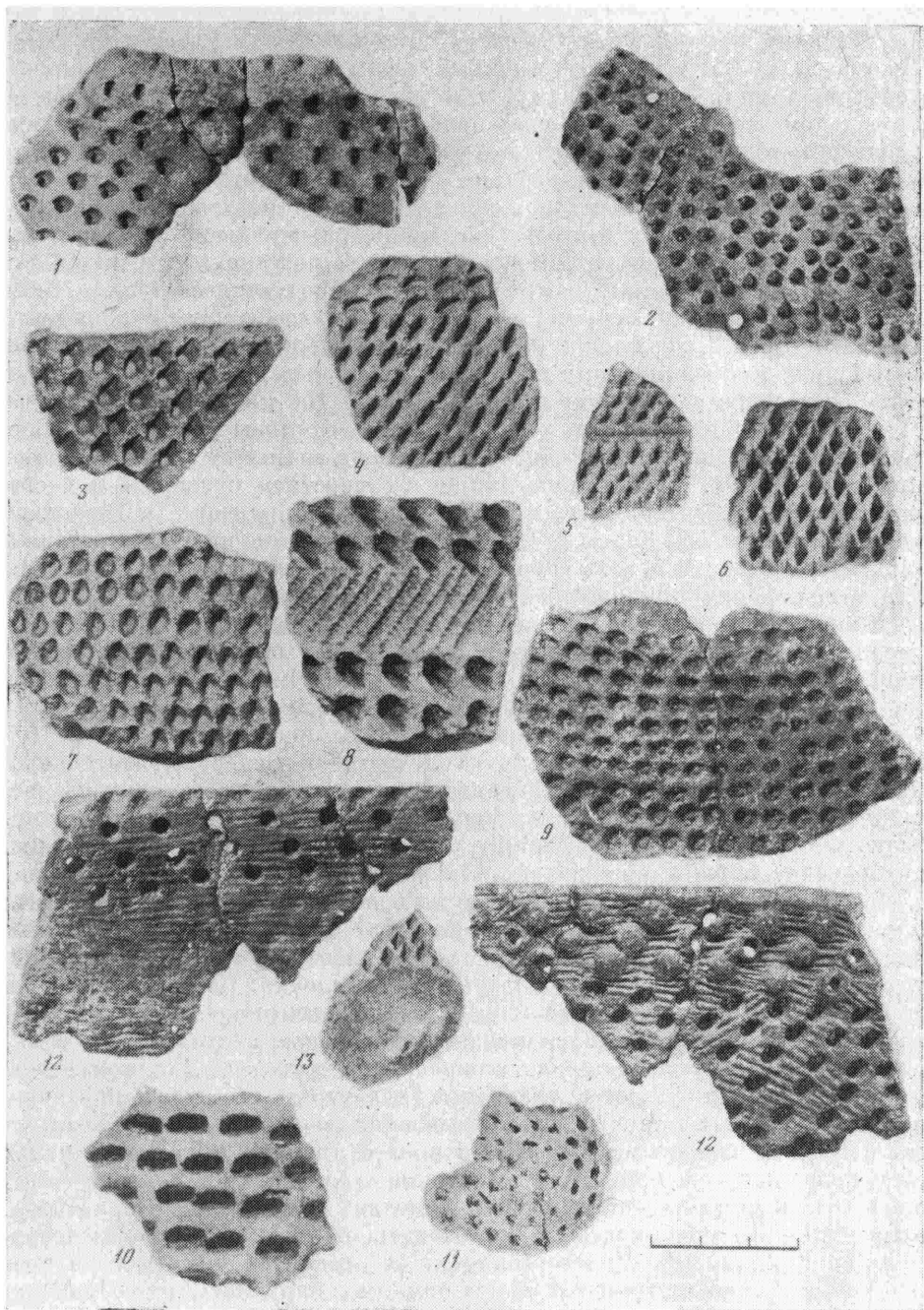

Рис. 1. Курочкино 3

1—13. — ромбоямочная керамика

низкого качества. Состав кремневых изделий представлен в следующей таблице (на стр. 87).

Как видно из прилагаемой таблицы, около $\frac{2}{3}$ общего количества находок составляют отщепы, являющиеся вместе с пластинчатыми отщепами основным видом заготовок. Обладая случайными формами, они придавали орудиям неустойчивый тип. Пластины-заготовки, найденные в небольшом количестве, имели более стандартные параметры; преобладали экземпляры шириной 1—1,1 см. Все типы заготовок дают некоторое представление о характере первичного расщепления, однако оно

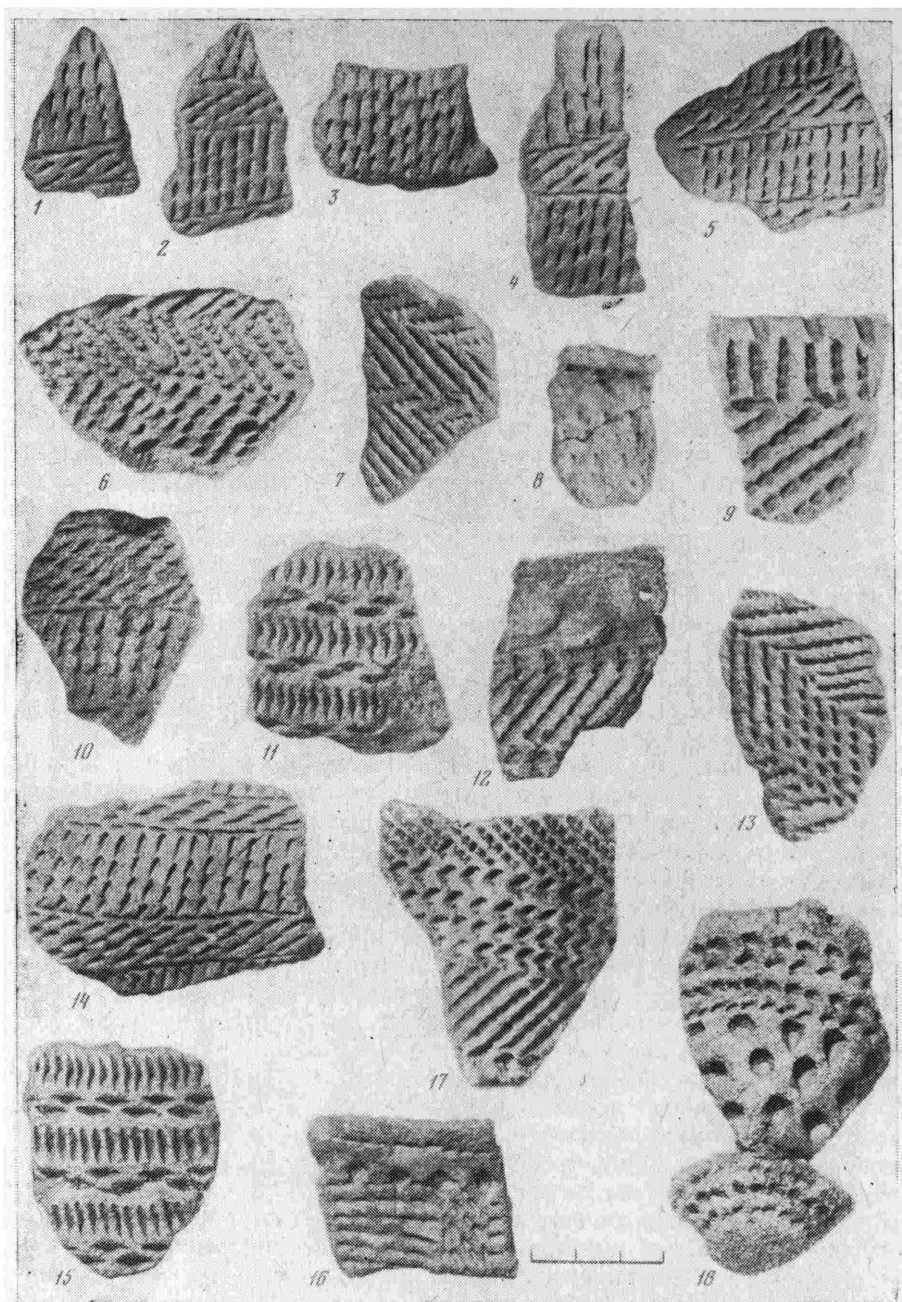

Рис. 2. Курочкино 3
1—18 — накольчатая керамика

неполное, поскольку немногочисленные нуклеусы найдены в обломках. В предварительном плане можно предполагать слабую подготовку самих ядрищ.

Среди орудий преобладают скребки, высокие и плоские, концевые и боковые с полукруглым и округлым лезвиями. Величина и форма их подчинены форме заготовки. Исключение составляет единственный концевой скребок на пластине (яма № 23). Наконечники стрел все треугольные с прямым основанием, двусторонне-обработанные плоской встречной ретушью, покрывающей всю или почти всю поверхность. Один экземпляр выделяется классической формой и крупными размерами (длина

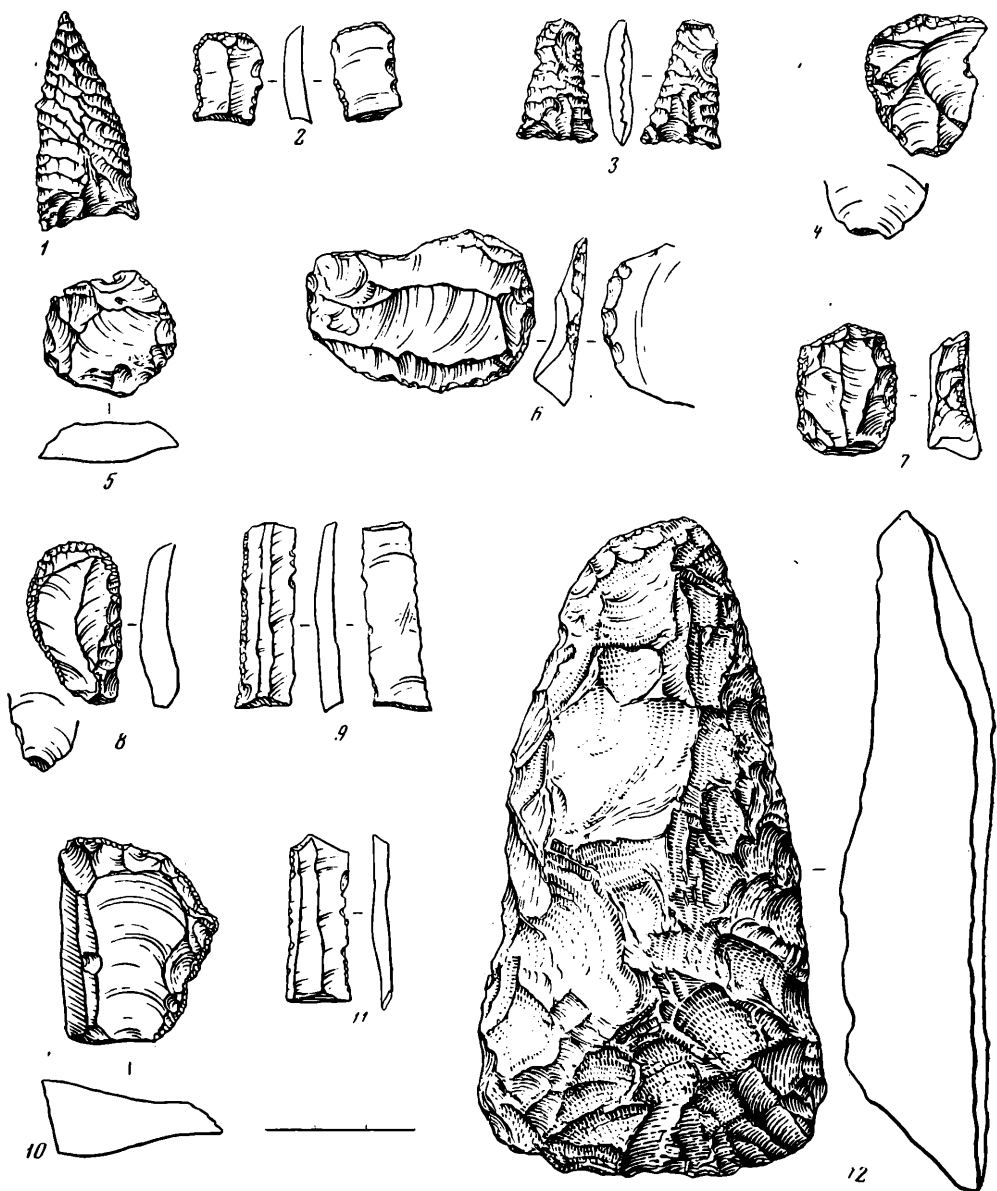

Рис. 3. Курочкино 3

1—12 — каменные орудия

4,8 см, рис. 3, 1). Ножи небольшие, из пластинчатых отщепов, одно- и двулезвийные. Единичное комбинированное орудие представляет нож и скребок. Резцы все — на углу сломанной пластины. Встречено крупное кварцитовое тесло с округлой обушной частью, асимметричное в продольном разрезе. Вторичная обработка его типична для кварцита — подтеска и крупные сколы (рис. 3, 12).

В целом каменный инвентарь представляет собой довольно выдержанный комплекс, имеющий определенные, на наш взгляд, хронологические признаки. Типологически за рамки этого комплекса выходит найденная в культурном слое раскопа I пластинка с притупленной спинкой, имеющая все показатели, характерные для мезолитической индустрии. С ней сопоставимы еще несколько пластинчатых изделий, хотя и менее выразительных.

Поселение Курочкино 3 содержит большой и информативный материал для рассмотрения круга вопросов, связанных в первую очередь

Раскоп	Стщ пы	Пластины	Стщпы пластины с ретушью	Обломки неопределен- ных орудий	Стрелки	Ножи	Наконечники стрел	Реацы	Нуклеусы	Прочие орудия	Всего
I	145	15	13	12	38	4	—	1	4	Пластина с притупленной спинкой, пила, грузило, шлифовальная плита, проколка, двойное орудие	238
II	27	4	1	—	3	—	—	—	2	Топор-тесло	38
III	219	17	11	20	50	—	5	1	4	Ретушер	28
Всего	391	36	25	32	91	4	5	2	10	8	64

с этнокультурной проблематикой. Прежде всего это касается ромбоямочной и ямочно-гребенчатой керамики, комплекс которой из Курочкино 3 находит прямые аналогии в ямочно-гребенчатой керамике Украины⁴ и равным образом в керамике деснинско-сожской культуры на территории РСФСР⁵. Последняя, в свою очередь, несомненно сопоставима с керамикой белевской культуры, что уже раньше отмечалось некоторыми исследователями⁶. Таким образом, вырисовывается обширная территория Днепроовского левобережья и частично Днепроовско-Волго-Окского водораздела, представляющая собой особую область распространения идентичных остатков материальной культуры, что в свое время справедливо отметил М. В. Воеводский для бассейна Десны и Сожа⁷. Ее, по-видимому, следует рассматривать, учитывая многоступенчатость сходства, т. е. определенную соподчиненность: этнокультурная область, культуры и локальные варианты. Дальнейшие разработки и должны быть направлены на установление уровня признаков сходства и различия.

Вместе с тем эта обширная область по собственным признакам керамики и каменному инвентарю (форма посуды с прямым краем, раздутым туловом и острым дном, специфические ямчатые штампы, сам узор и расположение его на поверхности) четко отделяется от Волго-Окского междуречья, где распространена ямочно-гребенчатая керамика иного облика. По существу ту и другую керамику не следует называть одним и тем же термином (ямочно-гребенчатой), поскольку под общим названием объединяются разные понятия. Но если сохранить привычное устоявшееся понятие «ямочно-гребенчатая», то следует подразделить ее на две группы, показав тем самым их общие и особенные черты. Терминологическая и понятийная нечеткость имеет определенные последствия. Так, в литературе уже давно поднят вопрос о взаимоотношении и генетической взаимозависимости двух групп ямочно-гребенчатой керамики⁸. На наш взгляд, сама постановка вопроса неправомерна. Каждая из ямочно-гребенчатых общностей, по-видимому, имеет самостоятельное происхождение и параллельный путь развития. Если происхождение ямочно-гребенчатой керамики Украины связано с днепро-донецкой культурой, то происхождение волго-окской, хотя пока до конца еще не ясно, входит, возможно, в догребенчатую культуру того же Волго-Окского бассейна, а именно в верхневолжскую.

Другая группа вопросов, как показывают материалы из поселения Курочкино 3, касается накольчатой керамики. Не ясны ее генезис и путь проникновения в Днепроовское лесостепье, возможно распространение ее из области днепро-донецкой культуры; но не исключено, что весь комплекс, включая каменный инвентарь и керамику, сходную с «флажковой», является свидетельством проникновения населения с востока, в частности из Прикамья. Так или иначе, локализация керамических групп говорит в пользу пришлого характера накольчатой керамики в лесостепное Поднепровье и постепенной ассимиляции ее носителей (гибридные формы посуды). До конца не ясно пока и хронологическое соотношение двух керамических групп; предположительно их

одновременное существование, в результате которого появились гибридные формы.

Поселение Курочкино 3 относится нами пока предварительно к концу неолита — началу эпохи металла на основании некоторых признаков керамики (формы края сосудов, специфическая техника расчесов и др.) и общего облика каменной индустрии (ее малочисленность, отсутствие стандартизации форм, небрежность вторичной обработки), а также на основании некоторых аналогий, например с накольчатой керамикой эпохи раннего металла в Прикамье, хотя металлические вещи и какие-либо следы металлургии пока отсутствуют. Вместе с тем мы находим аналогии Курочкину 3 в неолитических культурах, что не позволяет считать вопрос о возрасте памятника окончательно решенным. Многие типологические признаки, кроме того считавшиеся ранее хронологическими (например, остродонность сосудов — ранний неолит, жемчужины по краю — начало металла, и др.), оказываются для данного региона и некоторых других культур лесостепи этнокультурными показателями, поскольку совместно бытуют в неолитическое время и распространены достаточно широко⁹.

Таким образом, материалы из поселения Курочкино 3 дают возможность рассмотрения и новой интерпретации некоторых общих вопросов лесостепного неолита, подтверждая в первую очередь своеобразие, присущее культурам лесостепья, и собственные закономерности в их развитии.

В заключение отметим, что энеолит и отчасти финальный неолит европейского лесостепья за последние годы основательно изучены, прежде всего благодаря целеустремленным исследованиям экспедиций Куйбышевского пединститута¹⁰ и Воронежского университета¹¹. Появились многочисленные материалы и опорные памятники, составляющие прочную источниковедческую базу для историко-культурных построений. Материалы Днепровского левобережья подтверждают единодушное мнение о формировании или переоформлении в исследуемую эпоху больших историко-культурных областей. Однако не всю территорию степи и лесостепи Восточной Европы можно объединить в одну (мариупольскую) культурно-историческую область. По всей вероятности, Волго-Донской и Днепровский регионы представляли (каждый) особый историко-культурный массив, хотя, как показывают материалы, между ними существовали постоянные контакты, осуществлявшиеся в пределах зоны лесостепья, в широтном направлении.

¹ Здесь и далее поселение эпохи неолита—энеолита будет именоваться для краткости неолитическим.

² Фотоархив Гос. Эрмитажа. Северо-западная археологическая экспедиция Гос. Эрмитажа, 1974 г. П 9857. Пользуясь случаем, приношу благодарность А. М. Микляеву за разрешение ознакомиться с материалами и ввести их в литературу.

³ Хлопина Л. И. Намазга-тепе и эпоха поздней бронзы Южной Туркмении. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978.

⁴ Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине. Киев, 1976.

⁵ Левенок В. П. Неолитические племена лесостепной зоны европейской части СССР. — МИА, 1973, № 172.

⁶ Розенфельдт И. Г. К вопросу о связях населения бассейнов рек Десны и Оки в конце III—начале II тыс.

до н. э. — КСИИМК, 1959, вып. 75.

⁷ Воеводский М. В. Памятники каменного века на Десне. — КСИИМК, 1949, вып. 26.

⁸ Гурина Н. Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР. — МИА, 1973, № 172; Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине.

⁹ Левенок В. П. Долговская стоянка и ее значение для периодизации неолита на Верхнем Дону. — МИА, 1965, № 131; Неприна В. И. Неолит ямочно-гребенчатой керамики на Украине.

¹⁰ Васильев И. Б. Энеолит лесостепного Поволжья. — В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

¹¹ Синюк А. Т. Энеолит лесостепного Дона. — В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ФЕДОРОВСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

В задачу настоящей статьи входит освещение результатов раскопок в целом известного Федоровского поселения за период 1969—1973 гг.

Напомним, что оно находится на северном берегу Чухломского озера, на древнем мысу, образованном озером и вытекающей из него р. Вексой.

В 1969—1973 гг. работы были сосредоточены в 150—200 м выше по реке от оконечности мыса, служившего основным объектом исследований в 20-е и 60-е годы¹. Кроме того, разведочный раскоп был заложен на болоте, в 8—10 м от мыса по направлению к реке.

На первом, основном участке заложено восемь раскопов общей площадью 424 м² (рис. 1, а). Как и в предшествующие годы, песчаный культурный слой интенсивно черного цвета, перекрытый дерново-почвенным горизонтом и подстилаемый светло-желтой супесью, содержал разновременный материал, не разделенный стратиграфически². У реки, где толщина его равнялась 0,70—0,80 м, он подтапливался, в противоположном направлении — уменьшался до 0,35—0,40 м, берег слегка поднимался, соответственно поднималась и отчетливее прослеживалась нижняя граница культурного слоя. На возвышенной части раскопок зафиксированы следы жилища и очагов, углубленных в подстилающий горизонт, скопления керамики отмечались на всей площади.

Остатки жилища, обнаруженного в северо-западном конце раскопа II 1972 г. (рис. 1, б) на глубине 0,50 м, представляли собой темное пятно неправильных квадратных очертаний 4×3,20 м с примыкающим с юга коридорообразным входом длиной 1,20—1,50 м, шириной 0,40—0,50 м (рис. 2, а). Его стенки на 0,15—0,20 м были полого углублены в подстилающую светлую супесь. На глубине 0,65—0,75 м исчез вход, а на глубине 0,85—0,90 м выклинилось и все жилище. У юго-западной стенки входа найден раздавленный сосуд галичской культуры, явно потревоженный при устройстве входа. Этот факт и находки значительного количества волосовской керамики в пределах пятна, а также остатки аналогичных жилищ на памятниках чисто волосовской культуры³ указывают на волосовский возраст Федоровского жилища.

Остатками еще одного жилища, возможно, является не полностью открытое пятно в юго-восточном конце того же раскопа. Размеры его известной части 3×1,30—1,50 м. В подстилающий горизонт оно углублено на 0,18—0,20 м, точные очертания не устанавливаются. Преобладание в этой части раскопа керамики с ямочно-гребенчатым и галичским орнаментом, почти полное отсутствие находок на расстоянии 7 м между жилищами, скорее всего, свидетельствуют об их разновременности. Не исключено, что второе жилище древнее волосовского. Следы очагов зафиксированы в количестве семи: пять — в виде скопления камней, два — в виде темных углистых пятен.

Скоплений керамики 42. Наиболее интересны два скопления, представляющие собой развалы сосудов. Один из них еще в древности был опрокинут — его черепки компактно лежали двумя рядами: в первом — внешней стороной кверху, во втором — внутренней, почти сохраняя контуры сосуда (рис. 2, б). Его поверхность украшена горизонтальными поясками круглых ямок и косо нанесенной гребенки. Второй сосуд, принадлежащий галичской культуре, найден вертикально врытым в подстилающий слой. Верхняя часть его повреждена из-за незначительной глубины — 0,15 м, а придонная — на глубине 0,60 м сохранилась целиком.

В разведочном раскопе на болоте площадью 16 м² культурный слой, помимо дернового, был перекрыт тонким, 0,15—0,20 м, горизонтом торфа.

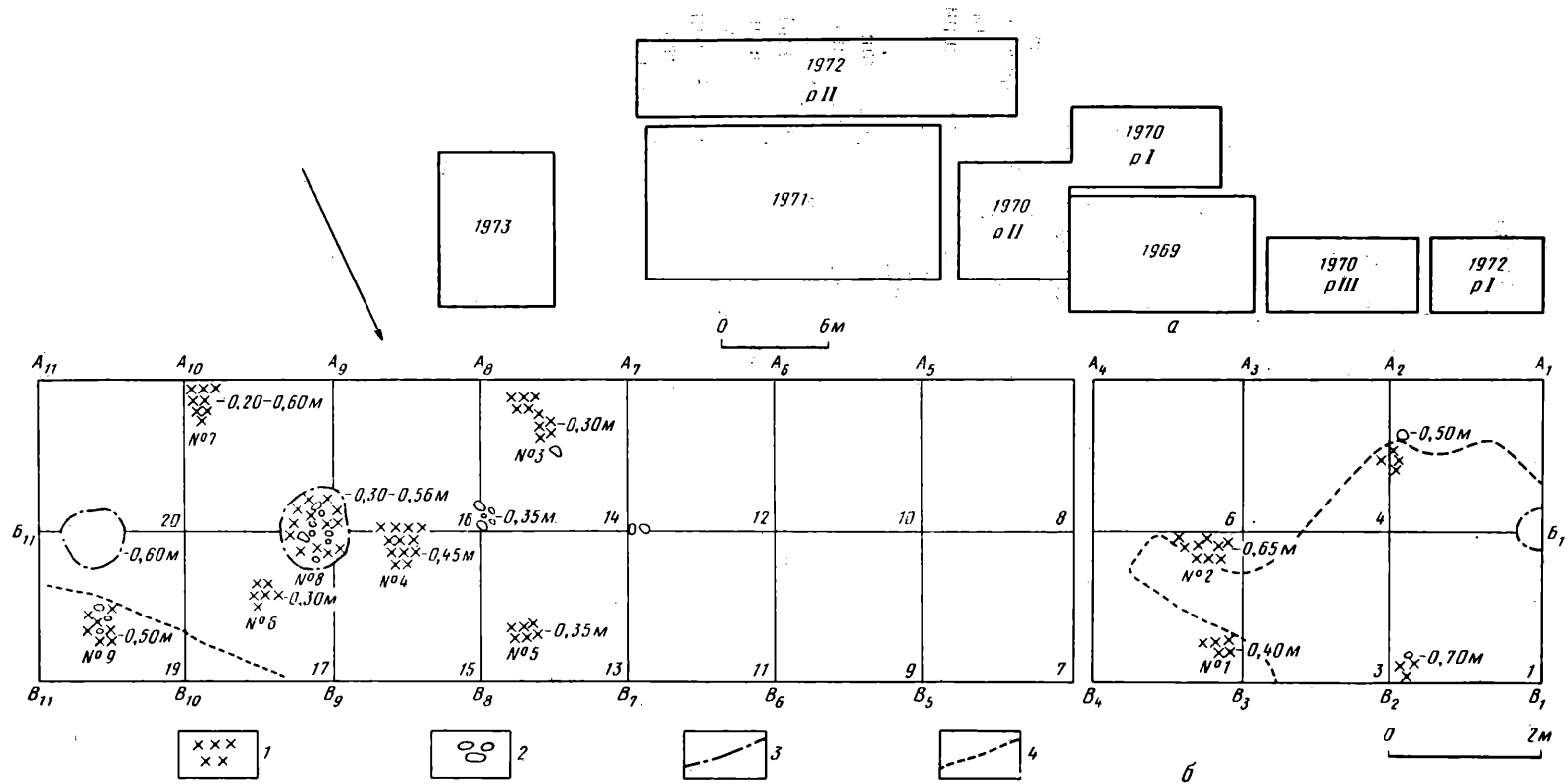

Рис. 1. План раскопов Федоровского поселения

а — расположение раскопов 1969—1973 гг.; б — план раскопа II 1972 г.; 1 — керамика; 2 — камни; 3 — границы очагов; 4 — границы жилищ

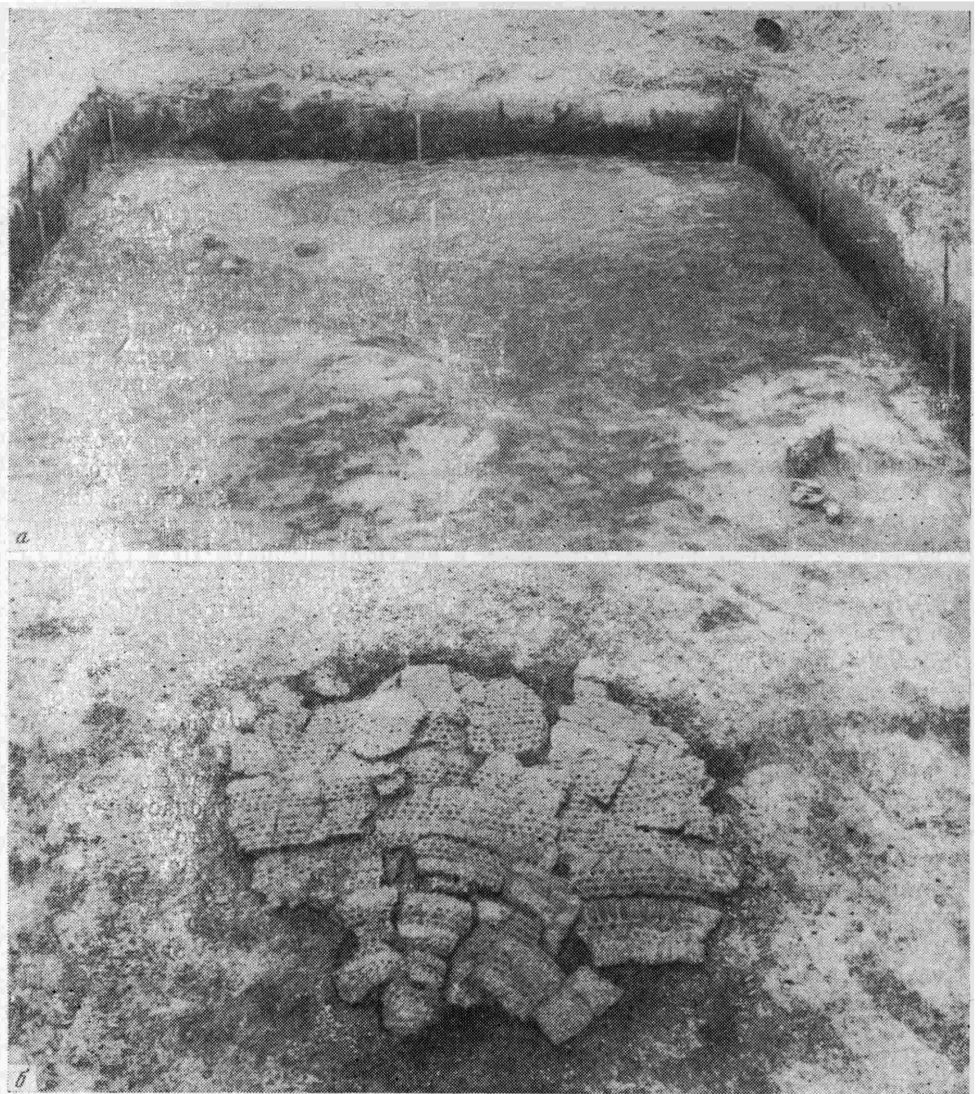

Рис. 2. Следы жилища и скопление керамики на Федоровском поселении

а — пятно жилища; б — развал сосуда

Толщину культурного слоя выявить не удалось из-за воды, хлынувшей на глубине 0,50 м. Выше, на глубине 0,35—0,40 м, в культурном слое, почти под торфом, обнаружено человеческое погребение. Скелет плохой сохранности лежал на спине, головой на восток, руки вытянуты вдоль туловища и сложены на животе. Вещей при нем не обнаружено, лишь около черепа размещалось скопление фрагментов одного неолитического сосуда, явно нарушенного захоронением. Между вновь открытым и известными здесь ранее погребениями⁴ прослеживается сходство: положение костяков, отсутствие сопровождающего инвентаря, нахождение в культурном слое за пределами основной части поселения. Датировать погребения можно лишь на основании аналогий. Наиболее близки федоровским погребения из Сахтыша VIII, которые по находкам из янтаря относятся к волосовской культуре⁵. Очевидно, и погребения Федоровского поселения следует датировать тем же временем.

Многочисленный вещественный материал (около 20 тыс. предметов), обнаруженный на поселении, относится к различным эпохам — от мезолита до железа включительно⁶.

Мезолитический комплекс выделяется по цвету сырья и заготовкам. Среди инвентаря этого комплекса преобладают правильно огащенные пластинки, их обломки и сечения без дополнительной обработки, из орудий — скребки, пластины с ретушью на боковой стороне, резцы «на углу сломанной пластинки», пластинки с выемкой. Несколько меньше наконечников «с черешком», изготовленных также из ножевидных пластин. Судя по аналогиям, эти находки обнаруживают сходство с находками из позднемезолитических местонахождений европейского Северо-Востока, с одной стороны, и Волго-Окского междуречья — с другой, отражая этим свое промежуточное положение ⁷.

Значительно труднее расчленить прочий каменный инвентарь. Все же намечаются ведущие формы орудий для неолита и особенно эпохи бронзы, при этом заготовками всегда служат отщепы, уплощенные и тонкие пластинчатые, реже — массивные, высокие. По сравнению с каменным инвентарем из раскопок на мысу здесь гораздо богаче представлены поздние формы: наконечники стрел с удлинено-треугольным пером и коротким черешком, так называемые сейминские, треугольные со слегка вогнутым основанием, кремневые желобчатые долота, сверла и проколки «с плечиками», крупные массивные скребки подквадратных, овальных, подтреугольных очертаний с ретушью по двум-трем сторонам, реже — по периметру. Интересно заметить, что в раскопах 1969—1970 гг., где в основном концентрировались находки эпохи бронзы, упомянутые наконечники распределялись следующим образом: в I горизонте культурного слоя восемь «сейминских», два треугольных; во II — два треугольных; в III — обе формы отсутствовали. В верхнем же горизонте культурного слоя найден обломок сланцевого шлифованного наконечника стрелы.

Неолитические изделия из камня повторяют уже известные формы.

В керамике, представленной пятью группами ⁸, наблюдается значительное количество поздней керамики. Несмотря на то что ямочно-гребенчатая керамика продолжает оставаться самой многочисленной, она составляет не более 35% от общего количества, галичская — 14%; текстильная и фрагменты без орнамента — 15—16%; и, что важно, значительно повысился процент гибридной керамики волосовско-турбинского типа и фатьяноидной. Наибольшее количество волосовско-турбинской найдено в раскопе 1971 г., где она составляла 13%; фатьяноидной — в раскопах 1969—1970 гг., где она составляла более 20%.

Ямочно-гребенчатая керамика по многим признакам тождественна найденной здесь ранее. Отличие заключается в том, что подавляющее большинство фрагментов украшено исключительно круглыми ямками, скомпонованными в разреженные узоры, иногда достаточно сложные, — редкие горизонтальные пояски, зигзаги, фестоны, а в некоторых случаях — косые ленты или гирлянды. В то время как общий процент керамики этой группы увеличивается с глубиной, процент последних по отношению к прочим фрагментам той же группы остается неизменным во всех горизонтах — около 50%. Последнее обстоятельство и многочисленные аналогии среди посуды памятников льяловской и балахнинской культур позволяют отнести ямочно-гребенчатую керамику Федоровского поселения к развитому неолиту. Предположение о более длительном существовании ее не обоснованно, поскольку в конце неолита здесь складывается галичская культура ⁹.

Галичская керамика исследуемого участка относится к позднему этапу ее развития. Подавляющее большинство фрагментов украшено разреженным геометрическим узором, аналогии которому имеются на посуде известной Галичской стоянки ¹⁰. В то же время процент ее, как и ранее, увеличивается с глубиной, подтверждая более древний возраст по сравнению с керамикой эпохи бронзы: в I горизонте культурного слоя — 5,2%; во II — 7,4%; в III — 9,6%.

Керамика волосовско-турбинского типа не однородна ¹¹. Помимо типично волосовских, на многих фрагментах наблюдаются черты турбин-

ской, галичской, реже — ямочно-гребенчатой. Несмотря на разнообразие, их объединяет органическая примесь в глине, характерная форма венчиков и одинаковое поглубинное залегание — наибольшее количество во II горизонте, меньше — в III. Размещение в культурном слое и некоторые аналогии позволяют датировать ее эпохой бронзы¹².

Фатьяноидная керамика¹³ впервые представлена столь значительным количеством — более 1000 фрагментов, принадлежащих сосудам с неорганической примесью и таким, в глину которых добавлена толченая раковина, но тождественным по всем остальным признакам. При сравнении ее с керамикой прочих костромских поселений прослеживается большое сходство, отличаются лишь детали орнамента; напротив, при сопоставлении с близкой керамикой широкого круга памятников отчетливее выявляются особенности¹⁴. Подавляющее большинство фрагментов фатьяноидных сосудов концентрировалось в раскопах 1969—1970 гг., где в I горизонте культурного слоя они составили 16,3%; во II — 21,9%; в III — 19,6%; в остальных раскопах встречались единичные фрагменты. Отметим, что здесь же были найдены отдельные обломки фатьяновских сосудов.

Текстильная керамика типична для данной территории¹⁵. В отличие от прочих ее процент заметно уменьшался с глубиной: в I горизонте культурного слоя — 29,1; во II — 17; в III — 13%.

Таким образом, полученные данные раскопок прежде всего уточняют место костромских мезолитических памятников. Они подтверждают связи с Волго-Окским междуречьем в неолите, а также существование здесь своеобразной галичской культуры в финальном неолите. Прослеживаются гибридные черты материальной культуры в эпоху бронзы, что объясняется, по-видимому, смешением волосовских, турбинских и местных галичских традиций. В течение всего длительного периода хозяйство племен, обитавших на данной территории, оставалось охотничье-рыболовческим и перестало быть присваивающим лишь с приходом сюда фатьяновских племен, материальная культура которых, в свою очередь, послужила компонентом в сложении культур поздней бронзы.

¹ Брюсов А. Я. Федоровская стоянка. — ТСАРАНИОН, 1928, т. 2, с. 26—32; Фосс М. Е. Керамика Федоровской стоянки. — Там же, т. 4, с. 505—518; Гаврилова И. В. Керамика Федоровского поселения в связи с новыми исследованиями. — КСИА, 1969, вып. 117, с. 76—83.

² Более подробно о топографии и стратиграфии памятника см. там же.

³ Крайнов Д. А. Результаты работ Верхневолжской экспедиции. — АО, 1968 г. М., 1969, с. 27—29; Цветкова И. К. Стоянка Подборица-Шербининская. — СА, 1961, т. 2, с. 172—185.

⁴ Казаринов Л. Н. Прошлое Чухломского края. — Тр. Чухломского отд. Костром. науч. о-ва и Чухломского музея. Солиталич, 1929, вып. 4, с. 3—5; Смирнов В. И. Отчет «Раскопки на р. Вексе Чухломской у деревни Федоровской 4—10 августа 1926 г.» — Архив ЛОИА, ф. 46, № 3.

⁵ Крайнов Д. А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 46—55; Урбан Ю. Н. Поселение и могильник Иловец I. — КСИА, 1973, вып. 137, с. 107—114.

⁶ Материал расчленен типологически, при возможности учитывались данные планиграфии и стратиграфии.

⁷ Гаврилова И. В. Новые мезолитические находки Федоровского поселе-

ния. — КСИА, 1973, вып. 137, с. 74—79; Она же. Мезолитические памятники бассейна р. Костромы. — КСИА, 1981, вып. 165, с. 98—102.

⁸ Гаврилова И. В. Керамика Федоровского поселения... Она же. Неолитические племена костромского Поволжья. — МИА, 1973, № 172, с. 130—137.

⁹ Гаврилова И. В. Галичская культура в костромском Поволжье: Краеведческие записки. Ярославль, 1977, с. 5—27.

¹⁰ Городцов В. А. Галичские клад и стоянка. — ТСАРАНИОН, 1928, т. 2, с. 13—54.

¹¹ Гаврилова И. В. Об особенностях памятников волосовского типа в костромском Поволжье. — КСИА, 1980, вып. 161, с. 52—57.

¹² Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970, с. 23—42; Он же. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье. — МИА, 1961, № 99, с. 67—101, 118—133; Цветкова И. К. Волосовские неолитические племена. — Тр. ГИМ, 1953, вып. 22.

¹³ На данной территории впервые выделена Н. Н. Гуриной.

¹⁴ Гурина Н. Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в костромском Поволжье. — МИА, 1963, № 110, с. 85—203.

¹⁵ Там же, с. 98—106, 135—164.

НЕКОТОРЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ВЕРХНЕДНЕПРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА СМОЛЕНЩИНЕ

В 1969—1974 гг. Смоленский неолитический отряд проводил исследования памятников каменного века в верховьях Днепра и на Соже. Было обследовано около 15 стоянок эпохи мезолита, раннего и развитого неолита. Памятники расположены в бассейне левого притока Днепра, р. Катынь (Катынь 1—7, Ладыжицы, мастерская в устье р. Вязьмы, и сожские стоянки — Гронов I—III и др.)¹.

Настоящая статья посвящена материалам еще двух обследованных нашим отрядом неолитических стоянок на Смоленщине, расположенных в Демидовском и Дорогобужском районах Смоленской области². Первая из них находится в 1,5 км южнее дер. Шугайлово, на правом берегу небольшого ручья, впадающего в заболоченную долину р. Саченки, на краю пологого мыса. Культурный слой ее разрушен поздними курганами. Стоянка открыта и впервые исследована Е. А. Шмидтом, который собрал здесь коллекцию неолитической керамики и кремневых орудий³. В результате работы, проделанной Е. А. Шмидтом, и наших сборов получено до 300 фрагментов неолитических сосудов. Последние изготавливались от руки, ленточным способом, с добавлением в глиняное тесто дресвы. Сосуды имели прямые или отогнутые наружу венчики, прямые стенки, острые днища. Орнаментация довольно проста (рис. 1, 1, 3, 5, 8—13). Среди узоров отметим нанесенные наклонно оттиски короткого гребенчатого штампа, расположенные горизонтальными рядами, опоясывающими сосуд, отпечатки овального гребенчатого штампа (так называемый лапчатый орнамент), елочку, зигзаги, оттиснутые гребенкой, ряды нарезок или прочерченных линий, всевозможные ямочные вдавления, в отдельных случаях сочетающиеся с отпечатками штампа.

Подсчеты показывают, что наибольшее количество керамики (60%) украшено гребенчатым штампом. Ямочный орнамент отмечен на 21% всей керамики, нарезной — на 17%. Остальные 2% керамики украшены нехарактерными для Смоленщины узорами (отступающей лопаткой, кружками и т. п.).

Среди орудий труда Е. А. Шмидт отмечает долота, топоры, наконечники копий треугольничерешковой формы, наконечники стрел треугольничерешковые, ромбические, треугольные с выемкой в основании, а также наконечники, изготовленные из пластин с частичной обработкой края. Кроме того, здесь найдены овальные с гранью на спинке и случайной формы скребки, проколки из отщепов. Из наших сборов назовем обломки рубящих орудий (рис. 2, 1), округлые скребочки с высоким профилем (рис. 2, 2), овальные скребла (рис. 2, 5), ножи из плоских отщепов (рис. 2, 3), наконечник стрелы (рис. 2, 4) треугольничерешковой формы (см. таблицу).

Второе поселение расположено на дюне в пойме Днепра, на берегу одной из его стариц — озера Большая Карута⁴. Поселение было открыто в 1918 г. Н. И. Савиным, который собрал здесь большое количество неолитической керамики и орудий из кремня. В послевоенные годы это поселение посетил Е. А. Шмидт, продолживший сборы материалов, что имело немаловажное значение, поскольку коллекция Н. И. Савина погибла во время войны.

Керамика поселения Большая Карута изготавливалась из глины с примесью крупнозернистого песка и дресвы. Сосуды имели отогнутые наружу венчики, прямые стенки, округлые и приостренные днища. Среди орнаментальных мотивов (рис. 1, 2, 4, 6—7) следует отметить елочку, зигзаги, горизонтальные ряды оттисков гребенчатого штампа, узоры из

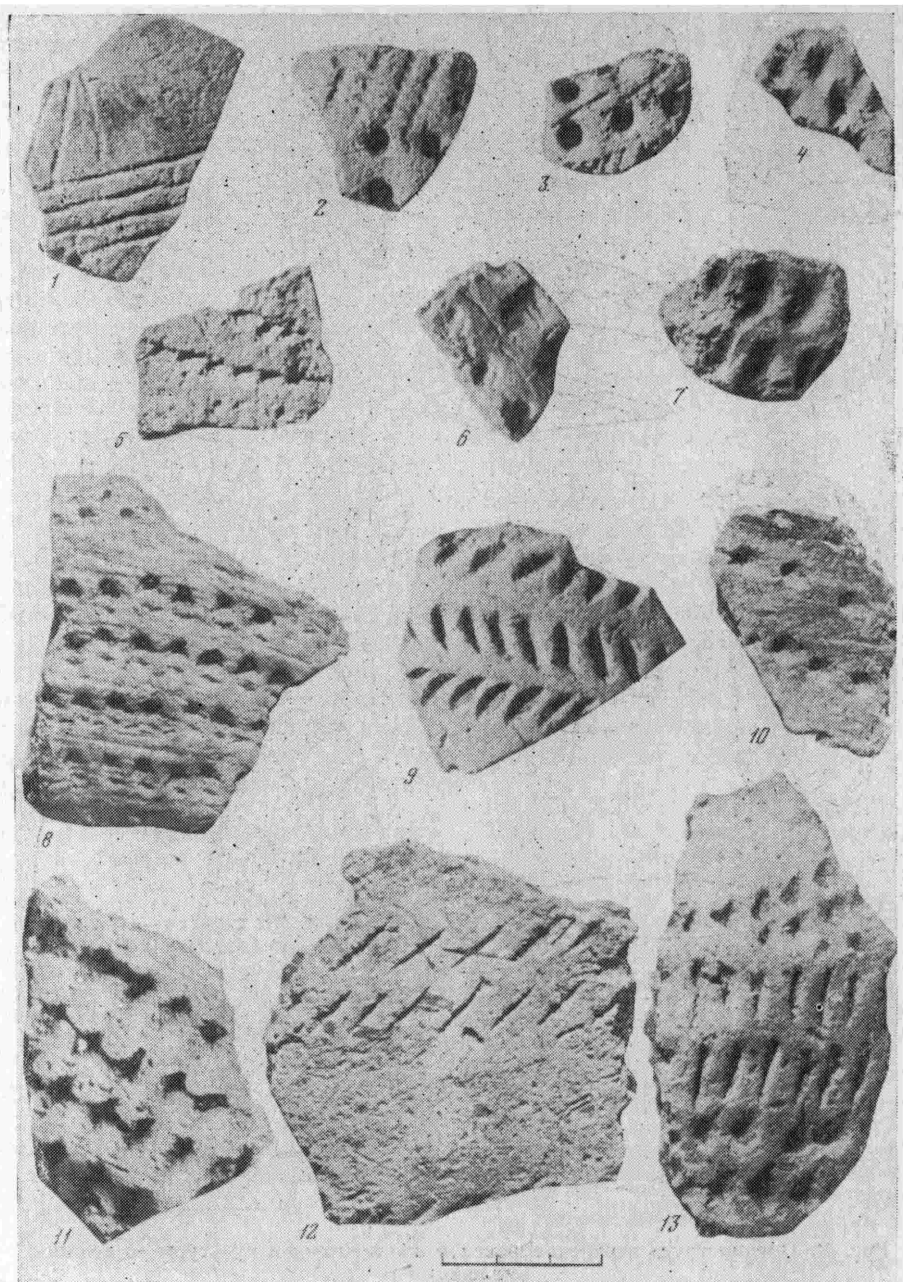

Рис. 1. Неолитическая керамика верхнеднепровской культуры со стоянок Смоленщины
 1, 3, 5, 8—13 — Шугайлово; 2, 4, 6, 7 — Большая Карута

лапчатых отпечатков. Реже встречаются фрагменты с ямчатыми вдавлениями разнообразной формы (округлые, овальные). Найден обломок сосуда с ромбическими ямками (рис. 1, 4), что характерно для деснинско-белевского неолита. В верхнем Поднепровье этот вид орнамента практически не встречается. Часть керамики с поселения Большая Карута украшена нарезками.

Среди орудий труда исследователи отмечают овальные скребла, листовидные и ромбические наконечники стрел и копий, округлые скребки, а также ножевидные пластины. Во время наших сборов, кроме отщепов без обработки, были найдены одноплощадочные нуклеусы для скалы-

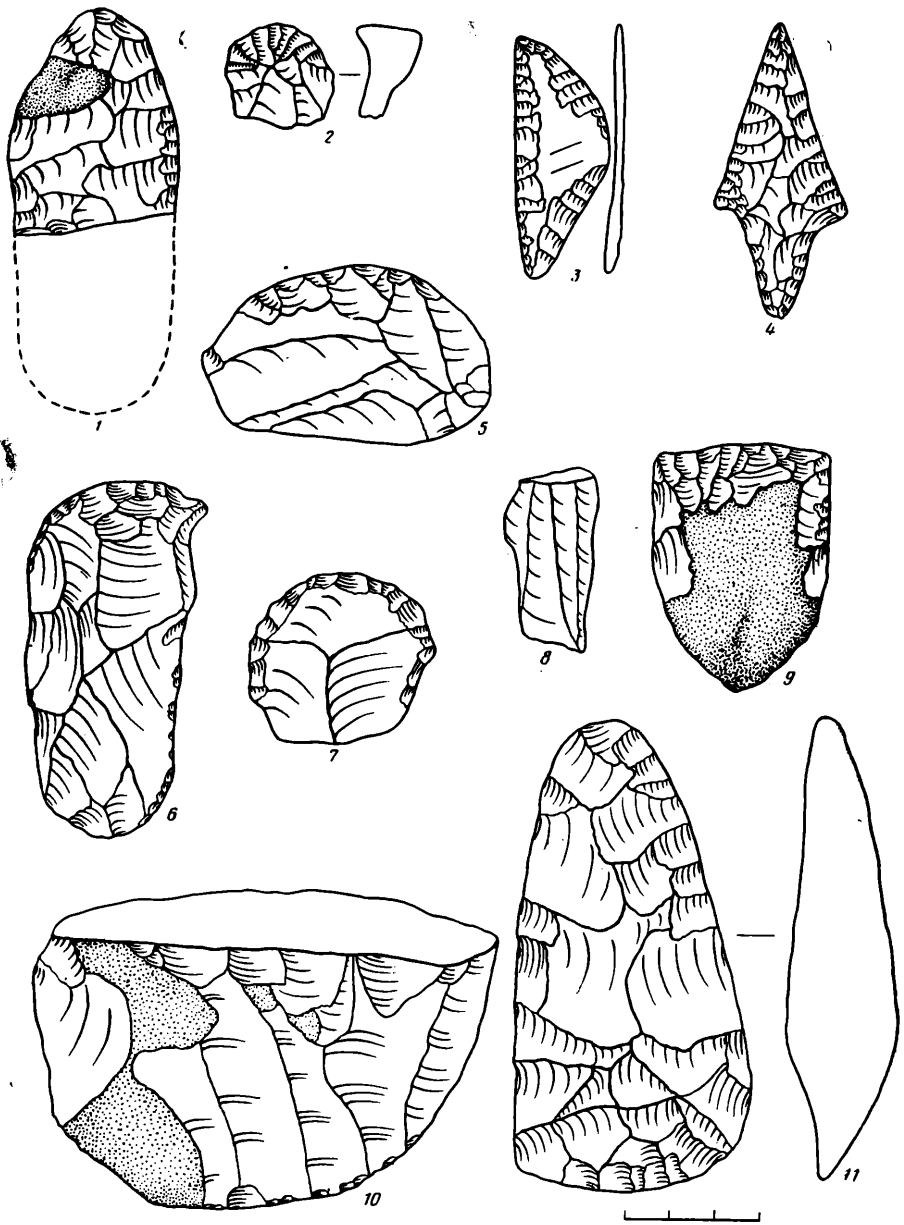

Рис. 2. Орудия труда верхнеднепровской неолитической культуры со стоянок Смоленщины

1—5 — Шугайлово; 6—11 — Большая Карута

вания пластин (рис. 2, 8) и отщепов (рис. 2, 10), округлые (рис. 2, 7) и подчетыреугольные (рис. 2, 9) скребки, тщательно изготовленное кремневое долото (рис. 2, 11) и овальное орудие (рис. 2, 6) со своеобразным «клювиком», ретушированное с одной из сторон, служившее, по-видимому, и скребком, и резчиком (см. таблицу).

Сравнивая материалы из стоянок Шугайлово и Большая Карута, отметим значительное количество сходных черт в их инвентаре: одинаковая технология изготовления и форма сосудов, много общего и в орнаментации керамики — несложные узоры в виде всевозможных зигзагов, елочка, ряды оттисков штампа, различных ямчатых вдавлений, нарезок. Было бы интересно сопоставить цифровые показатели по различным группам керамики, но этого, к сожалению, сделать нельзя из-за гибели части материалов со стоянки Большая Карута во время войны.

Орудия труда на неолитических стоянках Шугайлово и Большая Карута

Орудие	Шугай- лово	Большая Карута	Орудие	Шугай- лово	Большая Карута
Долота	+	+	Проколки из отщепов	+	—
Топоры	+	—	Овальные скребла	+	+
Наконечники стрел:			Одноплощадочные нук- леусы	—	+
треугольничерешковые	+	—	Скребки:		
листовидные	—	+	овальные	+	—
ромбические	+	+	округлые	+	+
треугольные	+	—	с высоким профилем	+	—
из пластин с частичной об- работкой	+	—	с гранью на спинке	+	—
Ножи из отщепов	+	—	подчетыреугольные	—	+

Перечисленные выше черты, характеризующие керамику описанных стоянок, позволяют сблизить их в этнокультурном плане. Такие черты присущи материалам верхнеднепровской археологической культуры⁵, к которой и следует отнести стоянки Шугайлово и Большая Карута. Об этом свидетельствует и набор орудий труда. Из таблицы следует, что орудия труда на стоянках Шугайлово и Большая Карута представлены 16 разновидностями. Все они, за исключением треугольных наконечников стрел с выемкой в основании, характерны для памятников смоленского варианта верхнеднепровской культуры, а треугольные наконечники присутствуют в материалах белорусских стоянок этой культуры, что отмечено нами в специальных статьях⁶.

¹ Третьяков В. П. Поселения каменного века в бассейне р. Катynи в смоленском Поднепровье. — СА, 1972, № 2, с. 100—109; *Он же*. Древности в бассейне р. Катynи. — СА, 1972, № 4, с. 199—210; *Он же*. Некоторые стоянки каменного века Посожья и Подесенья. — СА, 1978, № 2, с. 155—164; Третьяков В. П., Шмидт Е. А. Стоянка каменного века в бассейне р. Катynи в смоленском Поднепровье. — СА, 1973, № 1, с. 244—247.

² Третьяков В. П. Работы на Смоленщине в 1972 г. — АО, 1972 г. М., 1973, с. 96—97; *Он же*. Работы Смоленского отряда. — АО, 1973 г. М., 1974, с. 82—83.

³ Шмидт Е. А. К исторической географии Смоленской земли. — УЗСПИ, вып. XII. Смоленск, 1963, с. 303—317; *Его же*. Археологические памятники Смоленской области. Смоленск, 1976, с. 25—26, 72—73.

⁴ Левданский А. Н. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзо-

вой эпохи в Смоленской губернии. — В кн.: Научные известия Смоленского государственного университета. Смоленск, 1927, т. 4, вып. 3, с. 230—234; Шмидт Е. А. К исторической географии Смоленской земли, с. 303—317; *Он же*. Археологические памятники Смоленской области, с. 80; Шмидт Е. А., Ходченков А. А. Археологические памятники и их охрана. — В кн.: Памятники культуры Смоленской области. Смоленск, 1961, вып. 1, с. 37.

⁵ Тюрина И. М. Неолит верхнего Поднепровья. — СА, 1970, № 3, с. 40—49; *Она же*. Верхнее Поднепровье в эпоху неолита: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967; *Она же*. К вопросу о неолите Смоленщины. — КСИА, 1971, № 126, с. 115—119.

⁶ Третьяков В. П. Формирование неолитической каменной индустрии в бассейне р. Катynи на Смоленщине. — КСИА, 1973, № 137, с. 42—45; *Он же*. Орудия труда верхнеднепровской неолитической культуры. — СА, 1981, № 3.

Н. Ф. ЛИСИЦЫН

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА КУРТАК 2 НА ЕНИСЕЕ

В 1976 г. у с. Куртак (Новоселовский район Красноярского края), перенесенного перед затоплением водохранилища на 7 км ниже по течению Енисея на высокую террасу, Разведочной палеолитической груп-

пой Красноярской экспедиции ЛОИА АН СССР были исследованы три археологических памятника. Из этих пунктов, относящихся к различным этапам каменного века, представляет интерес стратифицированная мезолитическая стоянка Куртак 2.

Стоянка располагалась в 3 км к западу от села на склоне VI (100 м) надпойменной террасы. Ровный склон на этом участке рассечен узким и длинным (более 1 км) логом Донник, который берет начало на вершине и выходит устьем на побережье водохранилища. Левый борт оврага крутой, правый полого спускается к воде.

На размытой площадке правой стороны лога под обнажением высотой не более 0,5 м собран материал микролитического облика. При зачистке этого абразионного уступа на глубине 0,37 м от поверхности встречены каменные изделия. На сохранившейся части стоянки заложен раскоп в 6 кв. м.

Стратиграфия: 1) дерн и гумус, интенсивно черный — 0,3 м; 2) супесь желтоватого цвета, видимая мощность при зачистке — 0,5 м. Культурный горизонт располагался на глубине 0,36—0,38 м от поверхности и представлял собой небольшие скопления камня. В соответствии с общим наклоном склона террасы горизонт падал в юго-восточном направлении. Остатки очагов и кострищ отсутствуют. Фауна не сохранилась, что характерно для многих енисейских стоянок, расположенных в верхней части покровных образований. Судя по небольшой площади распространения подъемного материала на разрушенной части поселения (5 × 10 м), незначительному количеству археологических изделий и расположению находок на одном уровне, стоянка была кратковременной.

Всего в коллекции подъемного материала 1976—1978 гг. и из раскопа 1976 г. имеется 436 предметов из камня (соответственно 400 и 36 экз.). Сырьем служили мелкие галечки серого и зеленого кремнистых сланцев. Реже использовался кварцит, коричневая яшмовидная порода, и в единичных случаях встречены изделия из кварца и кремня. Комплекс стоянки Куртак 2 однороден, и материалы подъемных сборов и из раскопа рассматриваются в целом. В общей сложности найдено 39 небольших отщепов, 101 микроотщеп и чешуйка, 32 мелких обломка галек, 224 микропластинки, 31 нуклеус и 9 орудий.

Нуклеусы представлены микроформами и изготовлены из осколков и мелких галечек, расколотых вдоль. Осколки часто имеют конусовидную форму. Размеры ядрищ не превышают 3 × 3 см. Форма изделий разнообразна и не всегда может быть определена в рамках существующих типов. Среди них можно выделить 27 микронуклеусов торцового складывания аморфной формы, 2 конических и 1 микропризматический. Ударные площадки нуклеусов прямые, гладкие или фасетированные.

Характерной чертой изделий первой группы являются сколы с торца, реже — с двух торцов. Плоскость раскола гальки всегда остается гладкой, без следов обработки, на противоположной стороне часто сохраняются участки с галечной коркой (рис. 1, 1, 3, 5, рис. 2, 8, 10, 11). Можно выделить два кельтовидных изделия, на которых сколы микропластин прослеживаются не только на торцах, но и на одной из широких плоскостей (рис. 1, 4, 7).

Выделяется типичный конический нуклеус с широкой, слегка выпуклой круглой фасетированной ударной площадкой и негативами сколов по периметру (рис. 1, 6). Второе ядрище на осколке серо-зеленого сланца также можно отнести к группе конических изделий (рис. 1, 8).

Найден фрагмент верхней части микропризматического ядрища, которое имело бочонковидную форму (рис. 1, 2). Для изделий этого типа характерны две противоположные прямые площадки и негативы сколов по периметру. Наибольший диаметр нуклеуса проходит по разрезу центральной горизонтальной оси изделия.

Основную часть коллекции составляют микропластинки правильной огранки (224 экз.), которые использовались в качестве вкладышей

в сложных составных орудиях без дополнительной обработки. Из орудий найдены семь скребков, скребло и фрагмент тесла.

Скребки сформированы на мелких отщепах высокой формы (рис. 2, 1, 3), более тонких отщепах (рис. 2, 2, 7), нуклевидном осколке (рис. 2, 4), аморфных пластинках (рис. 2, 5, 6). Все орудия имеют дугообразный рабочий край, три изделия из этой группы можно отнести к концевым скребкам.

Обломок тесла представляет собой фрагмент гальки со следами подправки острого конца пятью мелкими сколами с одной плоскости (рис. 2, 9).

Небольшое скребло изготовлено на первичном отщепе светло-коричневого цвета. Дугообразный рабочий край орудия сформирован со спинки отщепа (рис. 2, 12).

Весь набор каменного инвентаря стоянки Куртак 2 свидетельствует о узкой специализации в изготовлении охотничьего вооружения, отличается от палеолитического комплекса и сближается с изделиями многих дюнных пунктов Минусинской котловины. Стратиграфическое положение культурных остатков под дерном в кровле покровных отложений высокой террасы также свидетельствует о голоценовом возрасте памятника. Труднее определить культурно-историческую принадлежность стоянки уже в рамках голоцена в связи со слабой изученностью древних поселений этого периода.

Г. П. Сосновский предлагал выделить между палеолитом и неолитом Сибири переходную эпоху, в инвентаре памятников которой еще отсутствуют неолитические наконечники стрел, шлифованные орудия и керамика и в то же время имеются новые для предшествующего времени формы орудий¹. На Енисее переходным временем датировались находки отдельных орудий с дюнных стоянок.

По геологическим данным, дюнные стоянки относились к самой поздней группе памятников каменного века². В. И. Громов не приводит списка этой группы местонахождений, но, основываясь на общем количестве известных в то время пунктов, к дюнным стоянкам относит Ярки, Тесь, Богуртак, Изых, Борки, сборы на песчаных выдувах у дер. Улазы, Анаш, Потрошилово, Лепешкино.

Наиболее ранним памятником мезолита в Минусинской котловине следует считать средний слой Бирюсинской стоянки, в комплексе которого отмечается сходство значительной группы орудий с палеолитическими изделиями при наличии значительного количества новых орудий, не встречавшихся ранее³. Согласно последним геологическим исследованиям, этот памятник можно отнести к концу плейстоцена⁴. Близким временем (рубежом плейстоцена — голоценом) можно датировать дюнные стоянки на правобережье Енисея: Улазы и Большая Ирджа. Последняя открыта в 1965 г. М. П. Грязновым и исследовалась в 1966—1967 гг. З. А. Абрамовой. Набор орудий, найденный на выдувах, близок бирюсинскому.

Вторую группу мезолитических памятников составляют местонахождения голоценового возраста с микролитическим набором орудий, близким изделиям стоянки Куртак 2. В коллекции подъемных сборов на дюнных выдувах у горы Тепсей при устье р. Тубы (1969, 1970, 1973 гг. — Я. А. Шер; 1976 г. — Н. Ф. Лисицын) имеется 236 мелких отщепов, 492 микроотщепа, 92 небольших осколках, 2 пластинки, 32 микропластинки, 26 нуклеусов, 12 орудий. Среди ядрищ выделяются 6 заготовок, 9 мелких нуклевидных осколков, 12 микронуклеусов торцового скалывания. В коллекции нет клиновидных ядрищ, столь характерных для палеолитических стоянок.

Микропластинки не имеют следов дополнительной обработки. Из орудий найдено четыре отщепа и два обломка галек с ретушью, два скребловидных орудия на нуклевидных обломках, два небольших аморфных скребка на отщепах и один двойной концевой скребок на фрагменте пла-

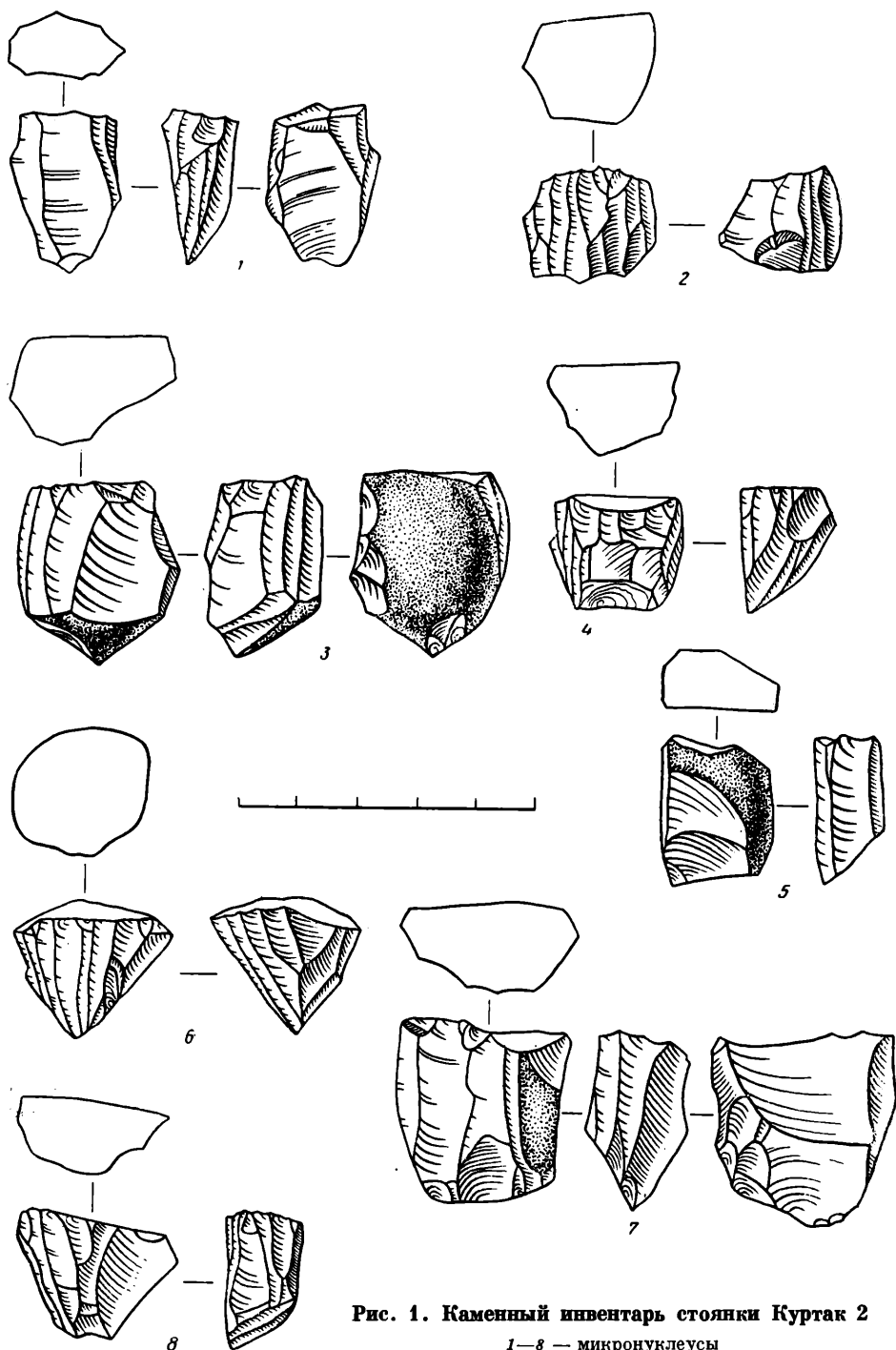

Рис. 1. Каменный инвентарь стоянки Куртак 2

1-8 — микронуклеусы

стины. Наиболее выразительным орудием является небольшое тесло с тщательной двухсторонней обработкой лезвия и обушка.

Микролитический инвентарь собран на выдувах первой надпойменной террасы на местонахождении Ярки 1 в 1955 г. М. П. Грязновым. При пробных раскопках выяснилось, что изделия залегали под дерном. В сборах З. А. Абрамовой (1960) представлен аналогичный материал: 122 небольших отщепа, 32 осколка, 7 пластинок, 231 микроотщеп, 2 микронуклеуса торцового скалывания, 82 микропластинки, без следов обработки⁵.

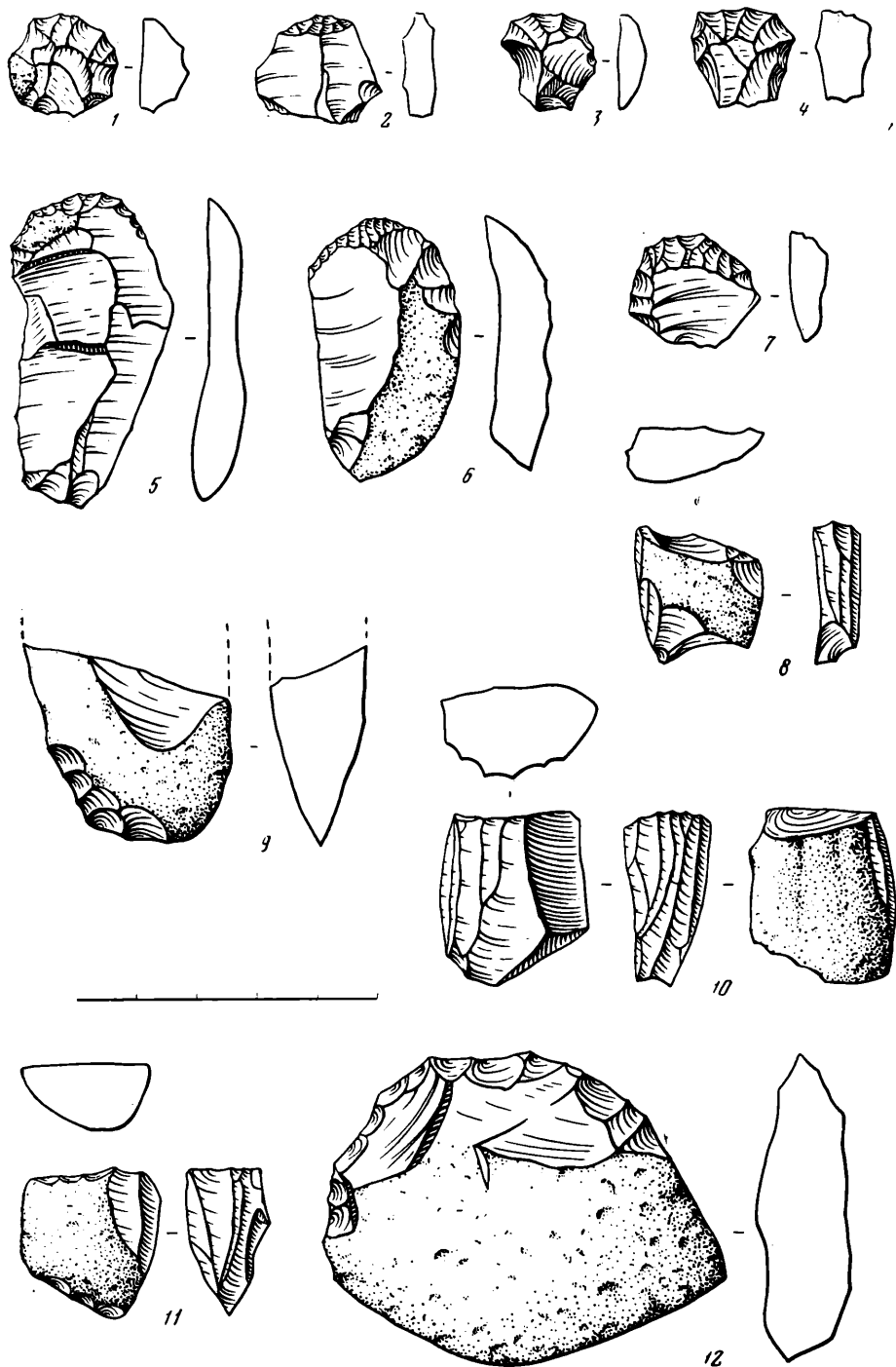

Рис. 2. Каменный инвентарь стоянки Куртак 2

1—7 — скребки; 8, 10, 11 — микрояклеты; 9 — фрагмент долота; 12 — скребло

Серия микропластинок (50 экземпляров) и осколки галек найдены в выдувах у дер. Беллык⁶. Материал хранится в Минусинском музее.

Следует отметить сборы Э. Р. Рыгдылона на дюнах около с. Тесь, у дер. Красные Маяки и у с. Бузуново⁷. В коллекции Минусинского музея с первого пункта есть серия микропластинок (44 экземпляра), мелкие осколки и микроотщепы, микрояклет торцового скалывания, тесло с двухсторонней обработкой лезвия. На втором пункте найдены сотни

микроотщепов, около 20 микропластинок, 2 фрагмента микроскребокков и краевой скол с ядрища, предназначенного для снятия микропластинок. Инвентарь микролитического облика представлен в коллекции из окрестностей Бузуново.

З. А. Абрамовой около с. Тесь также собраны микролитические изделия⁸.

Таким образом, в долине Енисея среди мезолитических памятников можно выделить две группы. Первая, представленная наиболее выразительным комплексом стоянки Бирюса, имеет в своем инвентаре сочетание крупных изделий с орудиями микролитического облика, причем мелкие изделия не составляют большинства в коллекции. Вторая группа стоянок характеризуется микролитическим набором орудий с преобладанием микропластин-вкладышей без следов дополнительной обработки. В инвентаре этой группы микронуклеусы составляют основную группу ядрищ.

Сложен вопрос, хронологическими или территориальными различиями вызвано существование столь разных наборов каменных изделий этих двух групп памятников. По предварительным данным, стоянки первой группы распространены в лесной и лесостепной полосе в районе существования афонтовской палеолитической культуры. Комплексы с микролитическим инвентарем встречаются в степной зоне и тяготеют к территории, на которой была распространена кокоревская палеолитическая культура. Можно отметить, что в неолитической коллекции стоянки Бирюса роль микропластинок существенно не повысилась. В комплексе верхнеобской неолитической культуры, расположенной в лесной полосе, в качестве заготовки для орудий использовался крупный отщеп и микропластинки практически нет⁹.

В то же время, привлекая аналогии с сопредельных восточных территорий, можно отметить, что для позднего мезолита Приангарья микропластинка является одним из основных видов изделий¹⁰, а на стоянках степной зоны Забайкалья микронуклеусы составляют более 96% общего числа ядрищ¹¹.

Таким образом, вопрос о хронологических или территориальных различиях двух групп мезолитических памятников остается открытым в связи с фрагментарностью подъемного материала на немногочисленных пунктах и отсутствием многослойных поселений каменного века периода голоцена в Минусинской котловине.

Стоянка Куртак 2 является пока единственным стратифицированным мезолитическим памятником, расположенным на высокой террасе Енисея. Столь своеобразное топографическое положение (высота 80—100 м над руслом реки и на удалении в несколько километров от берега, приуроченность к наиболее пологой дороге на водораздел и к оврагу с проточной водой) наряду с набором каменного инвентаря говорит о типично охотничьем характере этой кратковременной стоянки.

¹ Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии. — В кн.: Труды 2-й международной конференции АИЧПЕ. М.; Л.: Новосибирск, 1934, вып. 5, с. 286—287.

² Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). — Тр. Ин-та геогр. Сер. геологич., 1948, вып. 64, № 17, с. 280.

³ Гурина Н. Н. Мезолит и неолит на поселении Бирюса. — В кн.: Этногенез народов Северной Азии: (Материалы конференции). Новосибирск, 1969, вып. 1, с. 52—54.

⁴ Цейтлин С. М. Геология палеолита Се-

верной Азии. М., 1979, с. 129.

⁵ Абрамова З. А. Палеолит. Енисей. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979, с. 10.

⁶ Савенков И. Т. Каменный век в Минусинском крае. — Изв. МАО, 1896, т. 2, с. 10—11.

⁷ Рыгдылон Э. Р. Новые следы каменного века в бассейне Среднего Енисея. — МИА, 1953, № 39, с. 280.

⁸ Абрамова З. А. Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине. — В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975, с. 25.

⁹ Матющенко В. И. Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье: (Верхнеобская неолитическая

культура). — В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, вып. 9, с. 65—69.

¹⁰ *Медведев Г. И., Милнук Г. Н., Шмыгуль П. Е.* Мезолит юга Восточной Сибири. — В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск,

1975, вып. 3, с. 76—78.

¹¹ *Константинов М. В.* Палеолит Хилка и Чикоя (Юго-Восточное Забайкалье): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979, с. 16.

В. И. ТИМОФЕЕВ

КЕРАМИКА НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ УТИНОЕ БОЛОТО I

Поселение Утиное болото I, открытое в 1975 г.¹, расположено в Краснознаменском районе Калининградской области. Оно находится на восточной периферии обширного торфяника, вытянутого в широтном направлении между населенными пунктами Добровольск и Желанное. Раскопками 1975—1976 гг. было вскрыто 424 кв. м.

Культурные остатки залегают преимущественно в основании слоя торфа и в поверхностной части подстилающего слоя алеврита на глубине 0,5—0,7 м. Распространение культурных остатков в плане неравномерно, в западной и восточной частях вскрытой площади локализовались два крупных скопления, тогда как участок между ними шириною 10—12 м содержал немногочисленные находки. Скорее всего, эти скопления представляют собой следы двух различных стоянок, на что указывают также и небольшие различия в составе комплексов. Представлены многочисленные фаунистические остатки (преобладают кости тура и кабана²), отдельные изделия из кости и янтаря. Довольно обильный кремневый инвентарь более близок кремневному инвентарю поселений неманской неолитической культуры (характерны «ланцетовидные» острия, имеется серия трапеций)³. Фрагменты керамики относительно немногочисленны.

В керамическом комплексе восточного скопления культурных остатков около 300 фрагментов керамики с органической примесью. Большая их часть находилась в заполнении ям (3—5) и вблизи них. О форме сосудов более полное представление дает развал (примерно из 80 фрагментов, в большинстве мелких), обнаруженный в заполнении ямы 5 (рис. 1, 8). В тесте — обильная растительная примесь и отдельные чешуйки мелкотолченой раковины. Толщина стенок — 0,5—0,7 см, на внутренней поверхности иногда заметны тонкие штрихи от заглаживания, произведенного пучком травы. Венчик прямой, чуть утолщающийся к краю с нанесенными по срезу края короткими, глубокими насечками. Туловище выпуклое, диаметр в средней части около 30 см, в нижней и при переходе к шейке сосуд суживается. Днище не сохранилось. Судя по профиловке, сосуд имел узкое плоское, а возможно, и коническое острое дно (например, сходное с обнаруженным К. Штади при раскопках на Цедмаре)⁴. Орнамент — глубокие, удлиненные, почти прямые насечки — занимал верхнюю часть тулова. В верхней половине сосуда располагалось несколько горизонтальных рядов насечек, нанесенных вертикально и в «елочной» манере (рис. 1, 8). Фрагменты венчиков других сосудов, обнаруженные в восточном скоплении, указывают на их сходную профиловку (рис. 2). Три таких сосуда были украшены редкими, наклонно поставленными насечками, один — насечками «в елочку». В двух случаях (рис. 2, 12) насечки нанесены и на внутреннюю поверхность сосуда, близ края венчика. Один сосуд украшен удлиненными, узкими отпечатками «веревочки, намотанной на палочку» (рис. 2, 17), другой — редкими, очень мелкими ямками или мелкими наколами, нанесенными концом заостренной палочки (рис. 2, 23). Среди орнаментированных фрагментов стенок преобладают украшенные насечками удлиненной

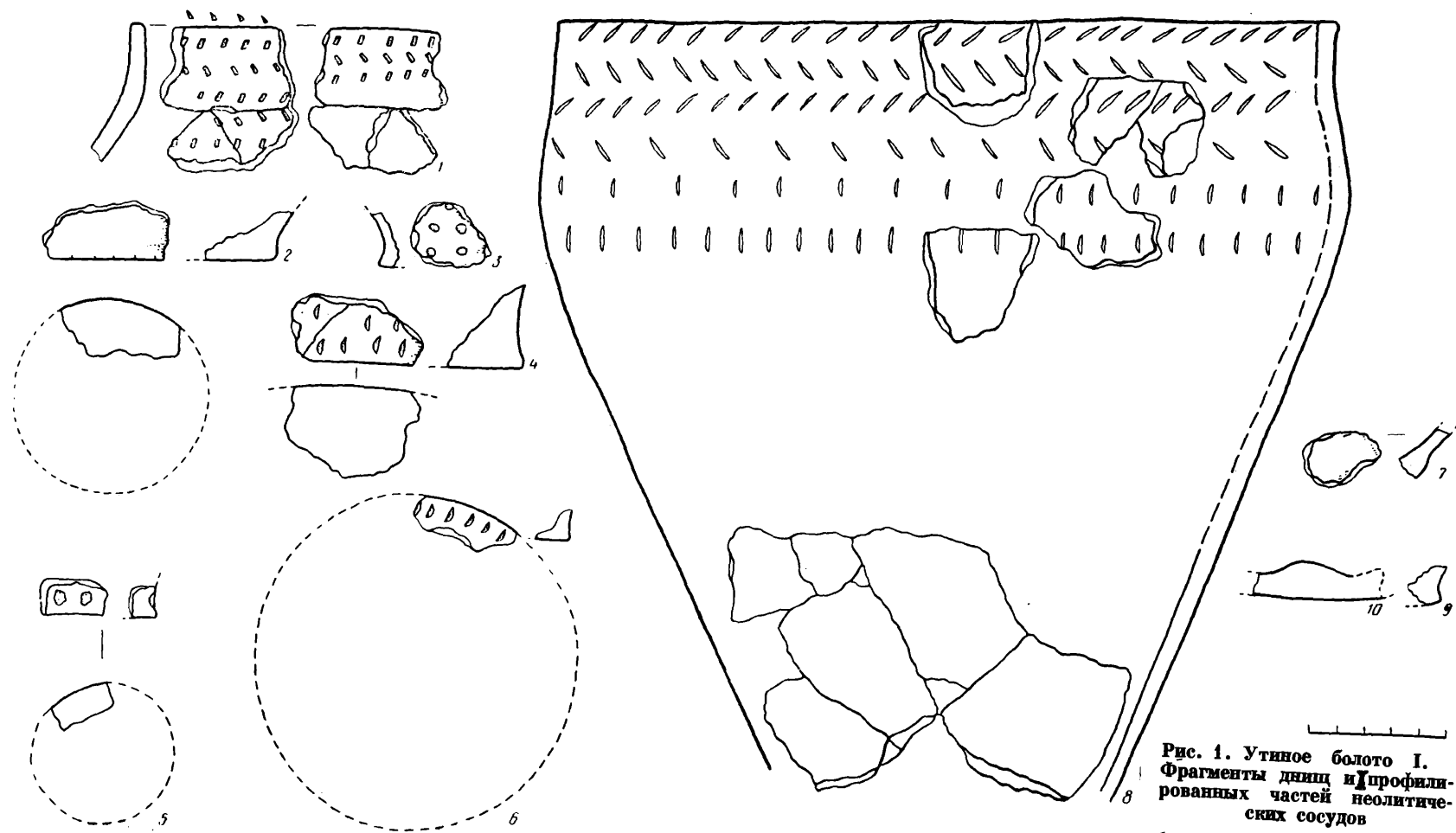

Рис. 1. Утинное болото I.
Фрагменты днищ и профили-
рованных частей неолитиче-
ских сосудов

1 — шурф 6; 2, 4, 8 — восточное
скопление; 3, 5—7, 9, 10 — запад-
ное скопление

формы, реже — короткими, поставленными наклонно, вертикально или в «елочной» манере (21 экземпляр). Шесть небольших фрагментов украшены мелкими, неправильной формы ямчатыми вдавлениями; один сосуд был орнаментирован удлиненными, вертикальными оттисками «гладкого» штампа (узкого орнамента с гладкими краями), ниже которых располагался ряд мелких, поверхностных ямок (рис. 2, 27). Обломков днищ в восточном скоплении обнаружено три, все плоские, в том числе фрагмент массивного (толщиной 1,5 см) днища компактного теста с добавлением к растительной примеси небольшого количества частиц песка, он залегал в заполнении ямы 5. В заполнении ямы 4 обнаружен фрагмент плоского массивного дна сосуда с примесью растительности и небольшого количества мелкотолченой раковины, диаметр его — 30 см. Придонная часть сосуда украшена рядами коротких глубоких насечек (см. рис. 1, 4). Обнаружен также фрагмент узкого плоского дна, в котором наряду с растительной примесью заметны редкие частицы мелкозернистого песка. По самому краю днища нанесены очень мелкие ямчатые вдавления (см. рис. 1, 2). Видимо, у коллектива людей, оставшегося данный комплекс культурных остатков, бытовали и сосуды с неорганической примесью в тесте. Около 150 мелких фрагментов с добавлением к растительной примеси песка встречено на небольшом участке в южной части скопления. Среди них — фрагмент венчика толстостенного сосуда, прямой, с гладким срезом края, без орнамента, и два фрагмента стенок, украшенных редкими, мелкими ямками.

В керамическом комплексе западного скопления представлено около 600 фрагментов керамики с органической примесью, принадлежащих, по крайней мере, 20 сосудам. По технологическим признакам они не отличаются от обнаруженных в восточном скоплении (значительная примесь органики, обусловившая рыхлость и небольшой вес фрагментов, следы заглаживания пучком травы, слабый обжиг). Наряду с растительной примесью в тесте некоторых сосудов встречаются чешуйки мелкотолченой раковины, а изредка и зерна песка.

Профилировка большинства фрагментов венчиков (рис. 3) аналогична отмеченной у сосудов восточного скопления. Имеются, кроме того, фрагменты двух сосудов с утолщенным и скошенным внутрь краем венчика (рис. 3, 1, 33). Среди орнаментированных фрагментов преобладают украшенные ямчатыми вдавлениями (85 фрагментов, примерно от 12—14 сосудов). Мелкие поверхностные ямчатые вдавления, оставленные палочкой с приостренным или неровным концом, расположены обычно горизонтальными сведенными рядами (рис. 3, 18, 32, 33).

Орнамент наносился обычно на верхнюю часть сосуда, иногда редкие пояса ямчатых вдавлений, разделенные обширными зонами неорнаментированного пространства, имелись на тулове сосуда и придонной части (см. рис. 1, 3). Один из сосудов, толстостенный, (1—1,2 см) с растительной и раковинной примесью, имевший утолщенный округлый край венчика (рис. 3, 28), украшен редкими крупными, неглубокими округлой формы ямками (рис. 3, 30, 31). Несколько фрагментов орнаментированы очень мелкими, редкими ямками, нанесенными концом приостренной палочки (рис. 3, 4). 17 фрагментов от четырех-пяти сосудов украшены удлиненными или удлиненно-треугольными насечками (рис. 3, 5, 13, 14, 24). Встречено семь обломков плоских днищ (от разных сосудов). Диаметр одного из них 5—6 см. В тесте наряду с обильной органической примесью, встречаются чешуйки мелкотолченой раковины. По придонной части сосуд украшен довольно крупными поверхностными ямчатыми вдавлениями (рис. 1, 5). Второй фрагмент, также узкого днища (диаметр 6—7 см), содержит в тесте органическую примесь при очень незначительном добавлении песка. Край дна украшен мелкими редкими вдавлениями (рис. 1, 3). Фрагмент третьего дна (диаметром 10—12 см, с обильной органической примесью) покрыт глубокими насечками (рис. 1, 6). Небольшой фрагмент дна орнаментирован по придонной части рядами довольно глубоких ямчатых вдавлений. Имеются также три

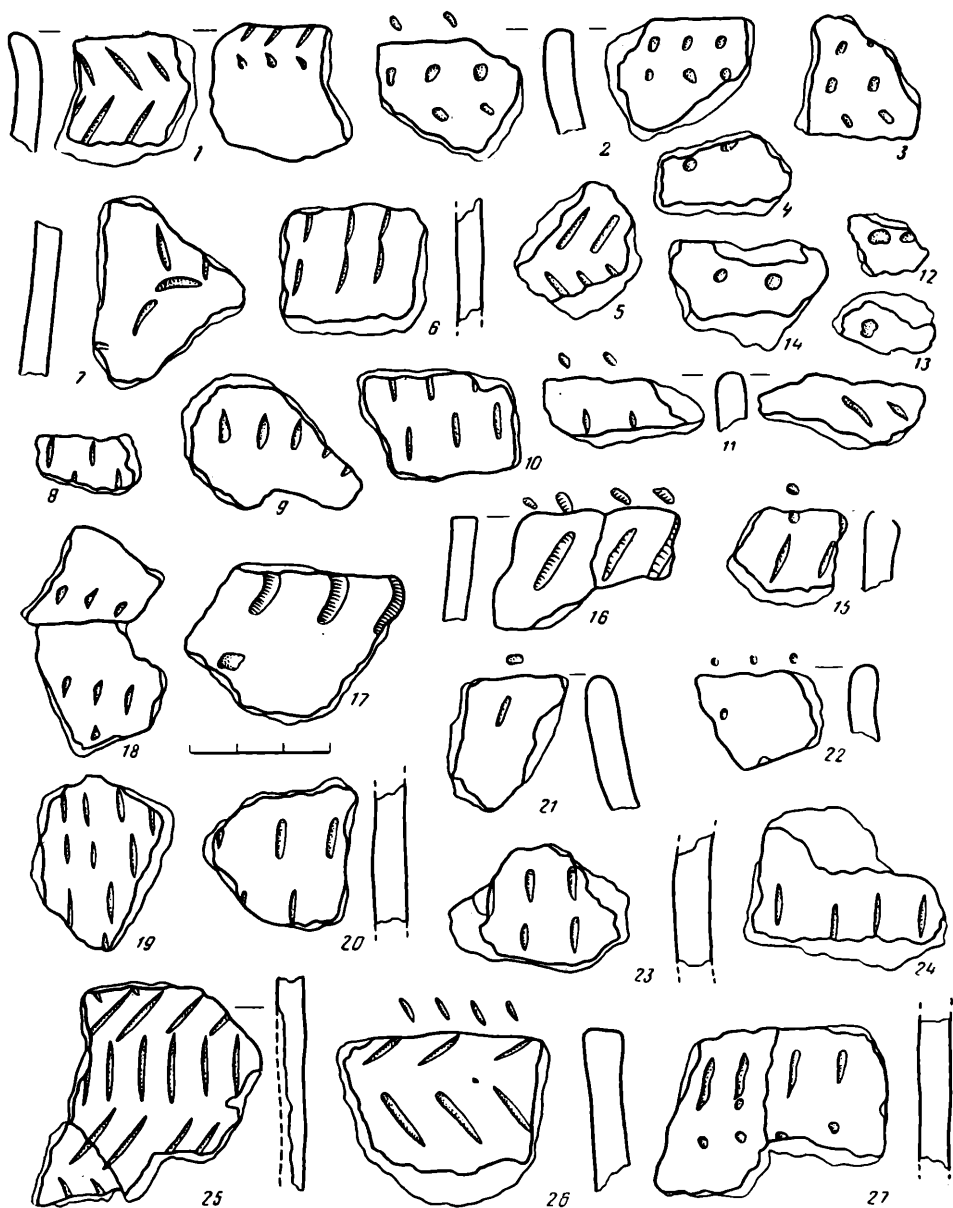

Рис. 2. Утиное болото I. Фрагменты неолитических сосудов

1, 5—28 — восточное скопление; 2—4 — шурф 6

неорнаментированных фрагмента дна, одно из них довольно крупное (диаметр 10—15 см). Небольшой фрагмент мог принадлежать также остро- или круглодонному сосуду (рис. 1, 7).

Восточное и западное скопления культурных остатков представляют собой, очевидно, остатки относительно кратковременных (сезонных?) стоянок, разделенных небольшим хронологическим интервалом. Находки аналогичной неолитической керамики (рис. 1, 1, рис. 2, 2—4) в разведочных шурфах с других участков указывают, видимо, на существование в торфянике и остатков других подобных стоянок.

Судя по некоторым различиям в комплексах находок, восточное скопление, скорее всего, относится к несколько более раннему времени, чем западное. В кремневом инвентаре его представлены наиболее выразительные трапеции, «свидероидный» наконечник. Существенно, что в ма-

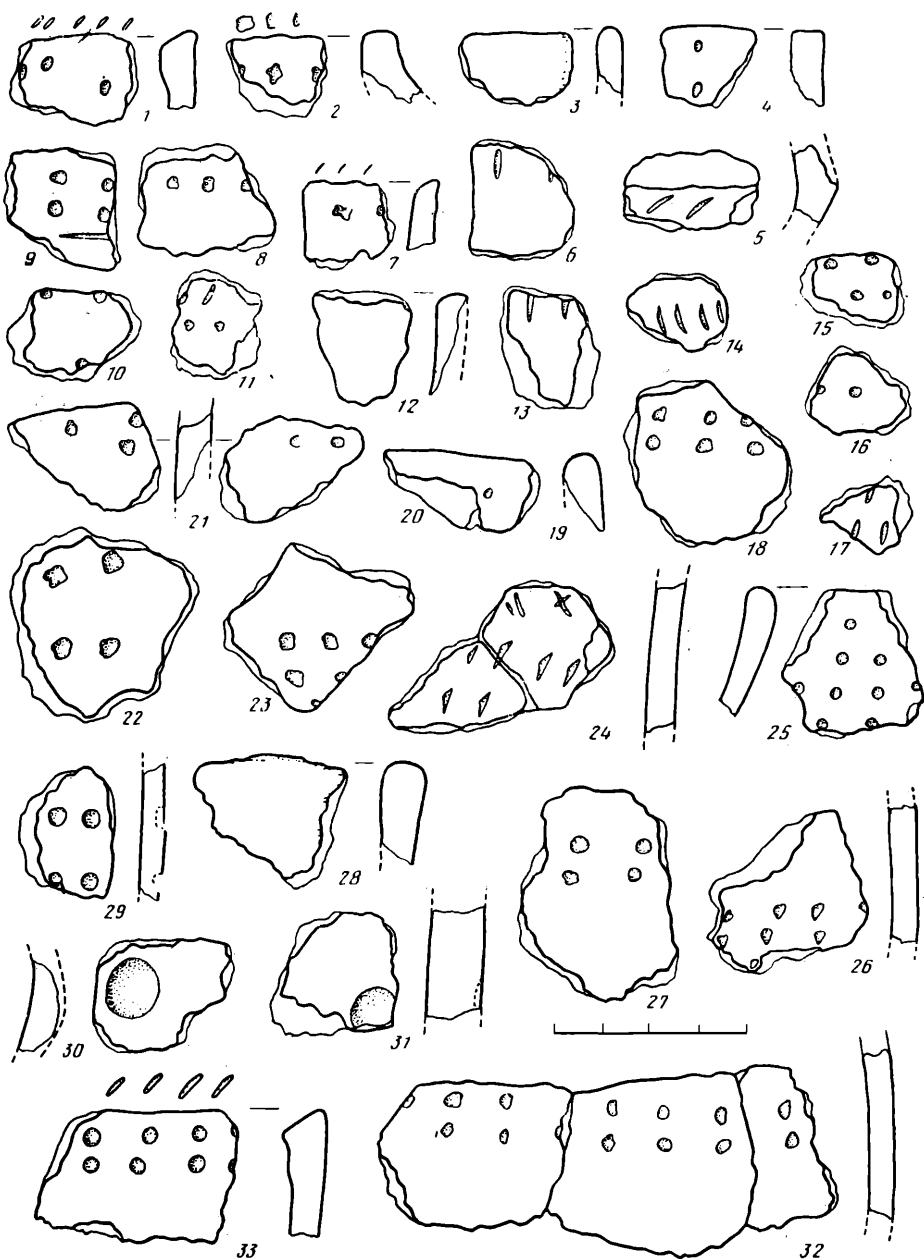

Рис. 3. Утинное болото I. Фрагменты неолитических сосудов из западного скопления культурных остатков (1—33)

териалах Дубичайских стоянок — самого раннего комплекса Дубичая III — в орнаментации керамики редки ямчатые вдавления⁵. В западном скоплении для орнаментики более типичны ямчатые вдавления. Отдельные сосуды имели утолщенный и скошенный внутрь венчик (черта, скорее, средне-неолитическая, видимо признак влияния типичной гребенчато-ямочной керамики).

О возрасте стоянок некоторое представление дает дата $C_{14} - 4870 \pm 230$ л. т. н. (JE — 1237), полученная по обугленному куску древесины (видимо, остатку деревянного столбика, залегавшего в ямке на восточной периферии западного скопления культурных остатков).

Керамические комплексы Утиног болото 1 являются наиболее близкими параллелями керамике известных стоянок Цедмарского торфя-

ника⁶, особенно более раннему комплексу Цедмара А. Сходны форма сосудов (крупные, плоскодонные горшки со слабопрофилированным венчиком), состав теста, орнаментация, в которой преобладают насечки и мелкие ямчатые вдавления.

¹ Тимофеев В. И. Раскопки неолитических стоянок в Калининградской области. — АО, 1975 г. М., 1976, с. 45—46. В настоящей статье не рассматриваются материалы культуры шнуровой керамики, также отмеченные на поселении.

² Определения Н. М. Ермоловой.

³ Тимофеев В. И. Новые данные по хронологии неолита Юго-Восточной Прибалтики. — КСИА, 1978, вып. 153, с. 34—37, рис. 2.

⁴ Gross H. Moorgeologische Untersuchungen der Vorgeschichtlichen Dörfer im Zedmar-Bruch. Prussia, Königsberg, 1939, H. 33, 1—2, abb. 11.

⁵ Римагнене Р. К. Стоянки раннего неолита в Юго-Восточной Литве. — В кн.: Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 54—62.

⁶ Тимофеев В. И. Неолитические памятники Калининградской области и их место в неолите Прибалтики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.

Ю. С. ГРИШИН

О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ СЕТЧАТОЙ И ШНУРОВОЙ КЕРАМИКИ ЗАБАЙКАЛЬЯ

Еще совсем недавно, когда неолит Восточной Сибири был известен в основном лишь по памятникам Прибайкалья, а затем и Якутии, ни у кого не вызывал сомнения вопрос о времени распространения в этом регионе сетчатой и шнуровой керамики. Первая считалась наиболее ранней, поскольку была зафиксирована в памятниках исаковской и сылахской культур IV тысячелетия до н. э., в то время как шнуровая встречалась в памятниках более позднего, III тысячелетия до н. э.¹ В. Н. Чернецов, основываясь на отсутствии в лесной полосе Сибири зачаточных форм керамики и появлении ее здесь в уже развитом виде, сделал вывод о том, что она проникла сюда из Юго-Восточной Азии. Это относилось как к сетчатоплетеночной посуде, так и к шнуровой². До настоящего времени никем не оспаривалось существующее мнение о том, что нигде в районах материковой Азии шнуровая керамика не появляется раньше начала III или самого конца IV тысячелетия до н. э.³

Правда, в самое последнее время эта дата фактически не применяется в отношении Среднего Приамурья, соседнего с Забайкальем, поскольку местная гromатухинская культура, где среди других зафиксирована и шнуровая керамика, датируется А. П. Окладниковым и А. П. Деревянко второй половиной V—IV тысячелетия до н. э. Следует отметить, что такое хронологическое определение указанной культуры является еще предположительным и его нельзя признать достаточно надежным. Высказывалось мнение и о более молодом возрасте — III тысячелетие до н. э. включительно⁴. И даже если допустить для гromатухинской культуры эту раннюю дату, то представляется крайне сомнительным сколько-нибудь существенное воздействие ее на неолитическую забайкальскую посуду. Ведь забайкальские неолитические сосуды во многом обнаруживают близость в первую очередь с одновременными им восточносибирскими глиняными сосудами и главным образом с прибайкальскими. Что же касается среднеамурской гromатухинской посуды, то она существенно отличается от забайкальской. Это различие между ними в особенности отчетливо было отмечено И. И. Кирилловым (в отношении орнаментации сосудов), что и вполне понятно, поскольку последние, как правило, представлены лишь во фрагментарном состоянии. По его вполне обоснованному мнению, нельзя считать типичными для Забайкалья различные ромбические, прямоугольные и округлые вдавления, расположенные рядами и опоясывающие сосуды. Этому виду орнамента он находит

аналогии на востоке в памятниках нижнего течения Амура и Приморья. При этом лишь отдельные мотивы гребенчато-пунктирный, сближаются с неолитическими забайкальскими⁵. Таким образом, если основываться на аналогиях с сопредельными территориями, мы не получаем оснований для утверждения о раннем возрасте забайкальской неолитической керамики с отпечатками шнура.

Вместе с тем в последнее время в литературе высказывается мысль о том, что наиболее ранняя восточнозабайкальская керамика, да, судя по всему, и раннеолитическая западнозабайкальская (стоянка у дер. Мухино), являлась шнуровой, изготовленной способом выколачивания колотушкой, обмотанной нитями или сухожилиями (и даже травой), в противоположность сетчатой, изготавливавшейся в специальной форме-мешочке, оставлявшей на поверхности сосудов оттиски сетки-плетенки⁶. Что же касается некоторых фактов наличия в Забайкалье и этой редкой для него керамики, то можно сказать, что ее относят к позднеолитической посуде на основании находок на стоянках лишь совместно с последней⁷. Такие виды сетчатоплетеночной керамики, которые по характеру мелкоячеистых оттисков сетки уже близки к ткани, судя по исследованиям на Байкале, могли доживать и до энеолитического времени⁸. Но это лишь частные случаи. В целом же, судя по всему, и для Забайкалья сетчатая керамика являлась наиболее ранней; в противном случае нужно допустить, что эта керамика возникла здесь самостоятельно на чуждой, уже сложившейся технической основе или была заимствована из соседних областей в то время, когда она фактически уже вышла из употребления. Такое положение маловероятно.

В пользу раннего возраста существования здесь этой керамики имеются и другие более основательные данные. Следует хотя бы сказать о том, что на хорошо известной стоянке у пос. Будалан в одном из небольших раскопов обнаружены фрагменты, видимо, двух сосудов явно полужайцевидной формы, с хорошо выраженными сравнительно крупными оттисками сетки-плетенки и орнаментом под венчиком в виде пояса дырчатых углублений. Они резко отличны от всей остальной керамики этой стоянки (их стенки значительной толщины, как гладкие, так и имеющие технический орнамент — в виде штрихов, нитей, ткани), богато украшенной оттисками штампа-лампочки, зубчатого штампа и т. д.⁹ Ближайшие бесспорные аналогии этим сосудам фиксируются среди древнейшей раннеолитической прибайкальской посуды исаковского времени¹⁰; так что, по всей видимости, и отмеченная будаланская керамика также одновременна ей. Что же касается вышеупомянутой Мухинской стоянки, то ее материалы еще не опубликованы, а судя лишь по кратким сообщениям, технический орнамент ее малочисленных фрагментов сосудов, видимо, слабо выразителен и по-разному истолковывается исследователями, причем предполагается также, что он был сетчатым¹¹.

Из сказанного следует, что пока не имеется достаточно надежных оснований считать, что в Забайкалье шнуровая керамика появляется раньше сетчатой. Более того, на довольно раннее появление сетчатой керамики, уже фактически в области контактной зоны забайкальских и прибайкальских неолитических племен, указывает ее обнаружение в погребении китайского типа на о-ве Ольхон на Байкале (исследованном в 1972 г. А. П. Окладниковым). Здесь в могиле, густо засыпанной охрой (содержащей, кстати, и останки двух собак), были обнаружены китайские крючки и гарпуны, а также остродонный горшок древнейшего типа с отпечатками сетки-плетенки и пояском ямок у венчика. Для этого погребения получены две радиоуглеродные даты: 5720 ± 50 ЛЕ-1076 и 6550 ± 35 СОАН-790, которые, во всяком случае, не позволяют относить его ко времени позднее, чем первая половина IV тысячелетия до н. э.¹² Погребения, во многом напоминающие китайские, свидетельствующие по меньшей мере об их значительной близости, широко известны в Забай-

калье. Они нередко определяются там как ранние среди неолитических, но, как бывает обычно и для прибайкальских погребений, в их инвентаре отсутствует керамика¹³. Не исключено также предположение о единокультурности прибайкальского и забайкальского населения, к которому относятся данные захоронения.

Из сказанного вполне естественно вытекает вопрос: чем же в таком случае объяснить редкость в Забайкалье по сравнению с окружающими его западными и северными лесостепными районами наиболее ранней сегчатой керамики и при этом ее нахождение вместе с явно более поздней глиняной посудой? Последнее обстоятельство в основном объясняется, по-видимому, очень широким распространением здесь стоянок со смешанными культурными слоями, примером чего может служить и отмеченная Будаланская стоянка. А вопрос о довольно крайней ее местной ограниченности уже поднимался в литературе, о чем следует напомнить¹⁴. Известно, что в неолитическое время жизнь в условиях степей, в частности забайкальских, с их довольно ограниченными основными охотничьими пищевыми ресурсами была несравненно более трудной, чем в лесостепных условиях. В связи с этим при частых больших пеших передвижениях в поисках добычи, когда переносилось лишь самое необходимое снаряжение, внедрение в быт и широкое распространение хрупкой глиняной посуды значительно замедлялось и растягивалось на длительное время. Отсюда понятна и отмечаемая широкая распространенность в изучаемом регионе, да и в степных районах соседней Восточной Монголии, бескерамических стоянок именно в ранненеолитическое время¹⁵.

¹ *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — МИА, 1950, № 18, с. 167—172; *Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Романова Е. Н., Семенов А. А.* Многослойная стоянка Белькачи I и ее значение для построения абсолютной хронологии древних культур Северо-Восточной Азии. — В кн.: По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970, с. 20—22.

² Тезисы доклада В. Н. Чернецова, прочитанного на методологическом семинаре ИА АН СССР в феврале 1969 г. хранятся в архиве ИА АН СССР в материалах методологического семинара.

³ *Дорж Д.* Неолит Восточной Монголии. Улан-Батор, 1971, с. 77.

⁴ *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Громатухинская культура. Новосибирск, 1977, с. 8—9; *Деревянко А. П.* Громатухинская культура. — В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, с. 195—209.

⁵ *Кириллов И. И., Рижский М. И.* Очерки древней истории Забайкалья. Чита, 1973, с. 51—52.

⁶ *Кириллов И. И.* Юго-Восточное Забайкалье в древности и в средневековье. Иркутск, 1979, с. 30.

⁷ *Окладников А. П., Кириллов И. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху

камня и ранней бронзы. Новосибирск, 1980, с. 148.

⁸ *Свинин В. В.* Энеолитический памятник на Шаманском мысу. — В кн.: Вопросы истории Сибири. Иркутск, 1971, с. 53—55.

⁹ *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975, с. 28—29.

¹⁰ *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья, рис. 9, Б (сводная таблица), 20, 21, 22, с. 167—168.

¹¹ *Окладников А. П.* Древнее Забайкалье: (Культурно-исторический очерк). — В кн.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск, 1975, с. 10; *Ивашина Л. Г.* Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск, 1979, с. 10—15.

¹² *Конопацкий А. К.* Древние памятники о-ва Ольхон и Приольхонья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979, с. 10—15.

¹³ *Гришин Ю. С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981, с. 93—94.

¹⁴ *Гришин Ю. С.* О бескерамических неолитических стоянках в Забайкалье. — СА, 1977, № 4, с. 278—279.

¹⁵ Там же.

ХРОНИКА

М. В. АНИКОВИЧ, Г. В. ГРИГОРЬЕВА

О РАБОТЕ СЕКТОРА ПАЛЕОЛИТА
В 1980—1981 гг.

В 1980—1981 гг. в секторе палеолита продолжали разрабатываться плановые темы, связанные с вопросами изучения древнейшей истории человеческого общества. Особое внимание уделялось многолетним темам, затрагивающим фундаментальные проблемы, выполнявшимся, как правило, коллегиально. Все плановые темы всесторонне обсуждались на заседаниях сектора палеолита.

За рассматриваемый период завершены работы по подготовке первых трех томов «Археологии СССР» (т. 1 «Палеолит», т. 2 «Мезолит», т. 3 «Неолит»). Для многотомного издания «Палеолит мира» написаны дополнительные разделы: З. А. Абрамовой — «Новые данные по палеолиту Китая», Г. П. Григорьевым — «Новые данные по палеолиту Африки» и «Новые данные по палеолиту Европы».

Коллективом авторов, включающим представителей смежных естественнонаучных дисциплин, выполнена коллективная монография «Палеолит Костенковско-Борщевского района» (редактор Н. Д. Праслов). Археологические разделы написаны сотрудниками сектора палеолита А. Н. Рогачевым, Н. Д. Прасловым, М. В. Аниковичем, В. И. Беляевой, А. А. Синицыным, а также аспирантами и соискателями Т. Н. Дмитриевой, М. А. Ивановой, В. Е. Кудряшовым, В. В. Поповым.

З. А. Абрамовой, С. Н. Астаховым, Н. Ф. Лисицыным и С. В. Васильевым подготовлен очередной выпуск «Свода археологических источников» — «Палеолит Енисея». За истекший период сотрудники сектора выполнили свои индивидуальные плановые темы (Н. К. Анисюткин, С. Н. Астахов, В. И. Беляева, И. В. Верещагина, И. В. Гаврилова, Р. В. Козырева, И. И. Коробков, Л. Я. Крижевская, Г. В. Синицына, В. И. Тимофеев, В. П. Третьяков).

Неолитическая группа сектора под руководством Н. Н. Гуриной с 1980 г. приступила к разработке двух коллективных плановых тем: «Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла на территории СССР» и «Типология и номенклатура неолитической керамики».

В 1980—1981 гг. работали следующие экспедиции: Костенковская палеолитическая (нач. Н. Д. Праслов), Кавказская (нач. В. П. Любин), Авдеевская (нач. Г. П. Григорьев), Деснинская (нач. Л. М. Тарасов), Заполярная (нач. Л. П. Хлобыстин), Кольская и Верхневолжская неолитическая (нач. Н. Н. Гурина), Лесостепная (нач. Л. Я. Крижевская). Кроме них, также продолжали свою деятельность отряды: Приднестровский палеолитический (нач. Н. К. Анисюткин), юго-западный палеолитический (нач. Г. В. Григорьева), Мезинский и Костромской неолитические (нач. И. В. Гаврилова), Сурский (нач. В. П. Третьяков), Калининградский (нач. В. И. Тимофеев). З. А. Абрамова приступила к исследованию Юдиновской палеолитической стоянки (Брянский палеолитический отряд). В. И. Беляевой в 1981 г. проводились работы в Пушкинах (Пуш-

каревский палеолитический отряд). С 1980 г. под руководством В. П. Любина проводятся успешные разведки палеолитических памятников на территории Туркмении. В 1981 г. сектор (Л. М. Тарасов) возобновил исследования палеолитических памятников Крыма (Сюрень 1 и др.).

В течение 1980—1981 гг. на заседаниях сектора палеолита, помимо докладов и сообщений сотрудников сектора, аспирантов и стажеров по своим плановым темам и отчетов по экспедициям, регулярно заслушивались доклады и сообщения сотрудников других подразделений ЛОИА АН СССР: П. М. Долуханова, А. Е. Матюхина, В. Е. Щелинского, В. А. Галибина, Н. Б. Селивановой, Г. М. Левковской, С. А. Васильева, В. А. Семенова, а также научных сотрудников из других учреждений Ленинграда и других городов (Э. Е. Фрадкин — МАЭ АН СССР, Н. Б. Леонова — Москва, А. А. Гирининкас — Вильнюс, Г. И. Медведев — Иркутск, В. Ф. Зайберт — Петропавловск, А. Б. Савчук — Переяславль-Хмельницкий, Т. Мешвелиани — Тбилиси, М. В. Константинов — Чита).

В 1980 г. Л. Я. Крижевская успешно защитила докторскую диссертацию на тему «Неолит и эпоха ранней бронзы на Южном Урале».

Г. П. Григорьевым в 1981 г. успешно защищена докторская диссертация на тему «Палеолит Африки». Две докторские диссертации были обсуждены на заседаниях сектора палеолита и получили рекомендацию к защите: Г. Ф. Коробковой — «Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР» и Л. П. Хлобыстина — «Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии».

Успешно защитили работы на соискание ученой степени кандидата исторических наук В. И. Тимофеев, Н. Ф. Лисицын, В. П. Ксензов (Минск), А. М. Кузнецов (Приморск), А. Н. Алексеев (Якутск).

Обсуждены и рекомендованы к защите кандидатские диссертации Т. М. Гусенцовой (Ижевск), А. А. Сеницына, Л. В. Солдатенко (Киев).

Ряд сотрудников сектора палеолита выступали с докладами на различных конференциях и пленумах, проводимых в других городах. На очередном Всесоюзном пленуме, посвященном итогам полевых исследований, состоявшемся в 1981 г. в Тбилиси, с докладами выступили В. П. Любин, З. А. Абрамова, Н. Н. Гурина, И. И. Коробков, Л. Я. Крижевская, Н. Д. Праслов, Л. М. Тарасов, В. И. Тимофеев; Н. К. Анисюткин выступил с докладами на пленуме в Днепропетровске, посвященном полевым исследованиям на Украине, и на конференции в Эрмитаже, посвященной 50-летию Первобытного отдела. М. В. Аникович сделал доклады на конференции по идеологическим представлениям древних обществ (Москва) и на конференции, посвященной методологическим аспектам археологических и этнографических исследований в Западной Сибири (Томск). В конференции в Томске принимал участие Л. П. Хлобыстин, подготовивший два доклада. На 7-м уральском археологическом совещании с докладами выступили Л. Я. Крижевская, Л. П. Хлобыстин и В. П. Третьяков.

В. И. Тимофеев выступал на конференции по применению изотопных и геохимических методов в биологии, геологии и археологии (Таллин).

В 1980—1981 гг. ряд сотрудников сектора палеолита оказывали помощь в качестве консультантов при раскопках палеолитических стоянок, производимых АН УзбССР (З. А. Абрамова, П. И. Борисковский, И. И. Коробков, Л. М. Тарасов), и неолитических, проводимых Куйбышевским пединститутом (Л. Я. Крижевская).

В 1980 г. группа сотрудников сектора палеолита — В. П. Любин, З. А. Абрамова, П. И. Борисковский, А. К. Филиппов — посетила Капову пещеру. В 1981 г. там вторично побывал В. П. Любин. В результате этих поездок было обследовано состояние палеолитической живописи, приняты меры по ее сохранению, намечены планы дальнейших консервационных и исследовательских работ в пещере.

В мае 1981 г. З. А. Абрамова, В. П. Любин и П. И. Борисковский во время командировки в Новосибирск ознакомились с материалами стоянок Улалинка и Филимошки и с так называемыми произведениями искусства со стоянки Малая Сья, о которых сообщалось в многочисленных публикациях В. Е. Ларичева. В результате этих исследований они пришли к выводу о полном отсутствии каких-либо следов изобразительной деятельности на предметах, опубликованных В. Е. Ларичевым в качестве «образцов палеолитического искусства». К такому же мнению единодушно пришли и те сотрудники сектора палеолита, которым В. Е. Ларичев показывал эти предметы во время пребывания в Ленинграде в июне 1981 г.

В мае 1981 г. в Ленинграде состоялась очередная Советско-финляндская рабочая встреча, посвященная проблемам неолита и славяно-финской археологии, на которой был зачитан доклад Н. Н. Гуриной на тему «Новые памятники эпохи раннего металла и раннего средневековья на Кольском полуострове».

В сентябре 1981 г. состоялся очередной, IV советско-французский полевой семинар. В его подготовке, а также непосредственно в ходе его работы принимали участие ряд сотрудников сектора палеолита: В. П. Любин, З. А. Абрамова, А. Н. Рогачев, Н. Д. Праслов, Г. П. Григорьев, М. В. Аникович, В. И. Беляева, А. А. Сеницын. Были осмотрены основные палеолитические памятники в Костенках, Авдеевская и Хотылевская стоянки, Пушкири 1, Межиричи, Добраничевка и ряд геологических разрезов. Сделаны сообщения по этим памятникам. После осмотра памятников развернулись интересные дискуссии. Выпущен путеводитель «Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины».

На заседаниях Сектора палеолита с докладами выступили зарубежные ученые: Д. Сонневиль-Борд (Франция) — «Последовательность и классификация культур позднего палеолита Юго-Западной Франции»; Л. Домизгес и Х. Феблес (Куба) — «Новые данные по археологии Кубы».

За указанный период из печати вышли коллективные монографии: «Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии» (археологические разделы написаны В. П. Любиным) и «Кетросы — мустьерская стоянка на Среднем Днестре» (археологические разделы написаны Н. К. Анисюткиным). В Кишиневе издана коллективная монография «Поселения древнекаменного века на северо-западе Молдавии», одним из авторов которой является Г. В. Григорьева (совместно с Н. А. Кетрару и И. А. Борзиком). Сотрудниками сектора за этот период было опубликовано свыше 70 статей и заметок, из них ряд статей — в зарубежных изданиях.

Г. Н. МАТЮШИН

ПЯТОЕ ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧЕТВЕРТИЧНОГО ПЕРИОДА

Пятое Всесоюзное совещание по изучению четвертичного (антропогенного) периода проходило в г. Уфе с 1 по 10 августа 1981 г. На участие в совещании подали заявки 9 академиков и членов-корреспондентов, 75 докторов, 185 кандидатов наук и другие специалисты. В Уфу прибыло 170 ученых из 47 городов, представляющих 110 научных и производственных организаций всех союзных республик. Совещание непосредственно предшествовало Международному конгрессу ИНКВА, состоявшемуся в августе 1982 г. в Москве.

Башкирия была выбрана для проведения предконгрессного совещания

в связи с тем, что здесь в последние десятилетия разработаны опорные разрезы и исследованы памятники каменного века, позволяющие решать многие вопросы корреляции и синхронизации как геологических отложений, так и этнокультурных общностей разных территорий.

Работа совещания проходила на Пленуме и в 11 секциях, 3 подсекциях и на геологических и археологических экскурсиях.

Для участников экскурсий были подготовлены путеводители — описания памятников (Романовка II, Муллино и др.).

На геологических пленумах и секции рассмотрели многие общие вопросы картирования четвертичных отложений и неотектоники и некоторые методические вопросы — усовершенствования палеонтологостратиграфических, климато- и хроностратиграфических методов исследования и т. п. Использование комплекса методов, в первую очередь изучение морской фауны, остатков ископаемых млекопитающих, пресноводных моллюсков и остракод, палинологических, карпологических, палеопедологических и палеомагнитных исследований наряду с методами абсолютной хронологии (ТЛ, С-14, $^{16/18}U$ — J_0 и т. д.) позволили осуществить корреляцию основных опорных разрезов плиоцена и плейстоцена различных регионов СССР и провести их сопоставление с эталонами других стран.

На Пленуме был заслушан лишь один доклад по археологии — И. К. Ивановой «Состояние вопроса истории ископаемых гоминид».

На секции археологии (руководитель Н. Я. Мерперт) было заслушано около 20 докладов. Работа секции археологии началась с доклада Г. Н. Матюшина «Геология, периодизация и хронология каменного века Урала».

К раннему палеолиту на Урале пока можно отнести лишь четыре местонахождения — Мысовая, Пещерный Лог, Айдос и Муллино I (нижний слой). К позднему палеолиту относятся Капова пещера, нижний слой Ильмурзино, стоянка Талицкого, Гари, Черноозерье, Горново, Красная глинка, Тунгуз, Бызовая, Медвежья пещера и др. Большая их часть — кратковременные стоянки. Численность памятников значительно возрастает лишь в конце плейстоцена в связи с проникновением на Южный Урал прикаспийского мезолитического населения с геометрическими микролитами (янгельская культура). На некоторых памятниках (Шикаевка II) мезолитический инвентарь с трапециями и треугольниками янгельского типа встречается с остатками мамонта. В Предуралье и на Среднем Урале в мезолите, видимо, продолжают обитать потомки местного палеолитического населения, для культуры которого типична пластинчатая индустрия с редкими наконечниками стрел на пластинах (Романовско-Ильмурзинская культура в Южном Предуралье, памятники типа Новожиловской стоянки в Прикамье, Среднеуральская культура). К концу мезолита появляется оседлость, показателем которой являются и прямоугольные дома (Русско-Луговская стоянка в Поволжье, Янгельская в Зауралье и др.).

В неолите Урала геометрические формы исчезают, но пластинчатые изделия доживают до энеолита. Появляется керамика. Оседлость закрепляется и становится повсеместной. По С-14 переход к неолиту на Южном Урале датируется рубежом VI и VII тыс. до н. э. В отличие от Среднего Урала здесь довольно рано прослеживаются элементы производящего хозяйства. На 22 памятниках неолита и энеолита найдены остатки домашних животных (козы, овцы, крупного рогатого скота, лошади и собаки).

Секция археологии провела выездные заседания в поле на стоянке Романовка II под Уфой и Муллино под г. Октябрьском.

При осмотре стоянки Романовка II геологи С. М. Цейтлин, С. А. Несмеянов, М. Х. Годин и другие пришли к заключению, что культурный слой мезолитического времени следует датировать плейстоценом. Однако не исключено, что часть мезолитического инвентаря попала в плейстоценовые отложения в связи с отсутствием голоценовых отложений в самом

начале постледниковья, которым датируется стоянка по характеру инвентаря.

Многослойное поселение Муллино, где в течение трех дней проходила работа секции археологии, содержит в четких стратиграфических условиях слой (сверху вниз): 1) энеолита (хвалынско-гаринского типа), 2) позднего неолита — раннего энеолита (агидельско-сьезжинского типа), 3) раннего неолита с гребенчатой керамикой. Ниже их местами встречаются находки мезолитического и раннепалеолитического облика. Общая мощность слоев доходит до 3—3,5 м. Друг от друга слои в большинстве случаев разделены стерильными прослойками. В г. Октябрьске была устроена выставка материалов раскопок Муллино и заслушан доклад Г. Н. Матюшина «Время и природные условия становления производящего хозяйства». Были продемонстрированы фаунистические материалы из всех слоев Муллино, в том числе встречающиеся здесь с неолита кости домашних животных. С вопросами и замечаниями выступили С. А. Несмеянов, Ю. А. Смирнов, А. Г. Амосова, Н. Л. Моргунова, В. П. Третьяков, И. Б. Васильев, Р. С. Габяшев и др.

В заключение Н. Я. Мерперт отметил, что материалы о появлении в Муллино и других памятниках элементов производящего хозяйства в неолите не противоречат другим данным, ибо на Ближнем и Среднем Востоке оно складывалось на несколько тысячелетий раньше, что допускает его проникновение к началу VI тыс. до н. э. вплоть до Южного Урала.

Помимо знакомства с материалами раскопок на Урале, секция археологии заслушала и обсудила ряд докладов и по другим регионам Союза. Большая их часть была посвящена палеолиту. Так, В. П. Любин представил секции доклад обобщающего характера «Древний палеолит Кавказа». «Об остатках палеантропов из палеолита Грузии» сообщили Л. К. Габуния и А. К. Векуа. Доклад А. Т. Асланяна и Ю. В. Саядяна касался «Открытия ископаемого человека в Ереване». Череп человека, отнесенного авторами к пресapiенсам, датируют 300—200 тыс. лет назад. О состоянии источников по неандертальским погребениям сделал доклад Ю. А. Смирнов.

Серия докладов касалась палеолита Сибири. Это доклады: З. А. Абрамовой «Мустьерский грот в Хакасии», Г. И. Медведева и Г. А. Воробьевой «Особенности формирования позднплейстоценовых субаэральных отложений в Приангарье и проблема происхождения дефлированных палеолитических изделий», А. П. Окладникова, О. М. Адаменко, Р. С. Адаменко «Улалинка — древнейшее палеолитическое поселение Северной Азии» и С. А. Сафаровой «Природная среда обитания в палеолите в Минусинской котловине (по данным спорово-пыльцевого анализа)».

М. Р. Касымов, Г. Ф. Тетюхин, М. Х. Голдин и Дж. И. Хусанбаев прочитали доклад «О комплексе исследований многослойной палеолитической стоянки Кульбулак в Узбекистане».

Несколько докладов были посвящены голоценовым памятникам каменного века. Ю. А. Морозов рассказал о новых данных по стратиграфии и хронологии памятников неолита и энеолита северо-востока Башкирии (средняя Ока, Алегазова, Казангулово, Старо-Буртюково, Мясегутово). Он же продемонстрировал совещанию материалы открытой им стоянки Кара-Якупово с воротничковой керамикой и могильником типа Сьезжее под Уфой. А. Г. Амосова и С. А. Несмеянов выступили с докладами «Палеогеография и история древнейшего населения Бешкентской долины в Южном Таджикистане» и «Мезолит Бешкентской долины».

Участникам совещания была предоставлена возможность ознакомиться с памятниками Сьезжее, Виловатое и Ивановка в Куйбышевской и Оренбургской областях.

Археологический симпозиум, проведенный в рамках Пятого Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода в Уфе, имеет значение как одна из первых проведенных непосредственно в поле встреч археологов страны на опорных памятниках каменного века Урала. Про-

должение практики проведения археологических симпозиумов непосредственно на раскопках поможет не только решить некоторые сложные проблемы корреляции и синхронизации различных культур каменного века, но и избежать многих весьма распространенных недоразумений и разночтений, обусловленных большей частью несовершенством нашей таксономии и классификации. Так, например, до недавнего времени считалось общепринятым, что культуры с воротничковой керамикой мариупольско-сезжинского типа предшествуют или сосуществуют с культурами с гребенчатой керамикой. Изучение материала раскопок Муллино непосредственно в поле и знакомство со стратиграфией этого памятника убедило большинство участников совещания в том, что неолит с гребенчатой керамикой в степном и лесостепном Предуралье предшествует комплексам мариупольского типа с воротничковой керамикой.

Большую роль в решении спорных проблем сыграло участие в раскопках Муллино в течение всего полевого сезона археологов Р. С. Габышева, В. С. Горбунова, М. Ф. Обыденова, а также посещение раскопок в течение двух полевых сезонов И. Б. Васильевым и группой куйбышевских археологов и проведение в 1981 г. трехдневного совещания в Муллино в Романовке II под руководством Н. Я. Мерперта.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВДИ — Вестник древней истории
ГИН — Геологический институт АН СССР
ИА — Институт археологии Академии наук СССР
КД — Каракумские древности
КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение ИА АН СССР
МАЕСВ — Материалы по археологии европейского Северо-Востока
МАО — Московское археологическое общество
МИА — Материалы Института археологии АН СССР
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
РАЖ — Русский антропологический журнал
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Сов. антр. — Советская антропология
СЭ — Советская этнография
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ЗИН — Труды Зоологического института АН СССР
АН СССР
ТСАРАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УЗСПИ — Ученые записки Смоленского педагогического института
ЮТАКЭ — Южнотуркменская археологическая комплексная экспедиция
АЕ — Arheologija un etnogrāfija. Rīga
AIPH — Archives de l'Institut de Paleontologie Humaine, Memoires
Ac. Arch. — Acta Archaeologica
LZAV — Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis. Rīga

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Н. Н. Гурина.</i> Некоторые итоги изучения мезолита и неолита в СССР	3
<i>М. В. Аникович.</i> К проблеме синхронизации некоторых позднепалеолитических памятников Костенковско-Борщевского района	16
<i>В. Я. Сергин.</i> Назначение больших ям на палеолитических поселениях	23
<i>В. А. Алекшин.</i> Об абсолютной и относительной хронологии днепровских мезолитических могильников	31
<i>Р. В. Козырева.</i> Типы поселений эпохи неолита—раннего металла на территории лесной полосы европейской части СССР	35
<i>А. К. Филиппов.</i> О бивне из Кирилловской позднепалеолитической стоянки	39

Полевые исследования

<i>З. А. Абрамова.</i> Палеолитическая стоянка Тарачиха на Енисее	43
<i>В. Е. Щелинский.</i> Новые местонахождения мустьерского времени близ г. Сочи	50
<i>Г. В. Григорьева.</i> Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами на Русской равнине	55
<i>Т. И. Щербакова.</i> Методика сбора материала на палеолитических памятниках с разрушенным культурным слоем	61
<i>Л. М. Тарасов.</i> Масловка — палеолитическая стоянка на р. Воронеж	67
<i>Г. А. Аязян, В. П. Любин.</i> Обсидиановый бифас из Армении	71
<i>Г. М. Левковская.</i> О собирательстве и антропогенных изменениях растительности в мустье	73
<i>С. А. Васильев.</i> Глиняная палеолитическая статуэтка из Майнинской стоянки	76
<i>М. В. Константинов, В. Б. Сумароков, А. К. Филиппов, Н. М. Ермолова.</i> Древнейшая скульптура Сибири	78
<i>Л. Я. Крижевская.</i> Курочкино 3 — новый памятник каменного века в восточноевропейском лесостепье	81
<i>И. В. Гаврилова.</i> Некоторые итоги раскопок Федоровского поселения	89
<i>В. П. Третьяков.</i> Некоторые неолитические стоянки верхнеднепровской культуры на Смоленщине	94
<i>Н. Ф. Лисицын.</i> Мезолитическая стоянка Куртак 2 на Енисее	97
<i>В. И. Тимофеев.</i> Керамика неолитического поселения Утиное болото I	103
<i>Ю. С. Гришин.</i> О хронологическом соотношении сетчатой и шнуровой керамики Забайкалья	108

Хроника

<i>М. В. Аникович, Г. В. Григорьева.</i> О работе сектора палеолита в 1980—1981 гг.	111
<i>Г. Н. Матюшин.</i> Пятое Всесоюзное совещание по изучению четвертичного периода	113
Список сокращений	117

Каменный век

КСИА, вып 173

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректоры Д. Ф. Арапова, Л. В. Письман

ИБ № 26855

Сдано в набор 16.11.82. Подписано к печати 02.02.83.
Т-03925. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага книжно-жур-
нальная. Гарнитура обыкновенная новая. Печать
высокая. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,85.
Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 2250 экз. Тип. зак. 1967.
Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12